

Под флагом цвета крови и свободы

16+

Екатерина Франк

Екатерина Франк

**Под флагом цвета
крови и свободы**

«Автор»

2020

Франк Е.

Под флагом цвета крови и свободы / Е. Франк — «Автор», 2020

XVII век, колонии Нового Света на берегах Карибского моря. Бывший британский офицер Эдвард Дойли, потеряв должность и смысл жизни, волей судьбы оказывается на борту корабля, принадлежащего пиратской команде. Ему предстоит пройти множество испытаний и встретить новую любовь, прежде чем перед ним встанет выбор: продолжить службу английской короне или навсегда присоединиться к пиратскому братству...

© Франк Е., 2020

© Автор, 2020

Екатерина Франк

Под флагом цвета крови и свободы

Пролог

Стоял тихий и ясный летний вечер, после неимоверно жаркого дня казавшийся подарком, по меньшей мере, самого Господа Всемогущего – редкое своей прохладой и оттого особенно ценное явление на раскаленном побережье Карибского моря. Даже бывалые моряки, не слишком расположенные к восторженному созерцанию красот природы, подолгу отрывались от своих дел, морщась и жмурясь, глядели на лишенное обычного зноя золотое небо и горевшее под ним на западе ослепительно яркое море. Затем мотали головами, произносили тоскливо и мечтательно: «Эх...» – и снова возвращались к своим обязанностям: напоследок проверяли снасти, вытаскивали на палубу тюки с товарами и продовольствием, жадно посматривая на уютно примостившиеся в трюме бочки с мутноватым обжигающим ромом. Пить на самом судне с давних пор пиратам строго запрещалось, а все эти люди были именно пиратами – сторонникам иных, более законных занятий в порту славного острова Тортуга места не находилось.

В царившей в этот предзакатный час запоздалой суматохе, наполненной попытками закончить дела, откладываемые изнуренными жарой людьми весь день, никому не было дела до двух мужчин, медленно спускавшихся по трапу на берег. Оба они то и дело оборачивались, с плохо скрытой досадой и невольным любованием глядя на остававшийся позади высокий, лаково поблескивавший борт новенькой шхуны. Изящная красавица в полном убранстве из кипенно-белых косых парусов, которые теперь золотило заходящее солнце, и впрямь была восхитительна: любой капитан почел бы за честь водить свою команду на ней по морю.

Ступив на прибрежный песок, мужчины некоторое время шли молча; то была странная пара даже для пестрой пиратской толпы, наводнявшей порт. Впереди, сосредоточенно нахмуря брови и заложив руки в карманы, шагал щуплый, довольно опрятно одетый человек лет тридцати в заломленной на ухо капитанской треуголке: смуглый, с мелкими чертами лица и бегающими черными глазками, очень близко и глубоко посаженными, он выглядел скорее испанцем или итальянцем, нежели англичанином. За ним широким, слегка неровным шагом отвыкшего от твердой земли под ногами моряка следовал рыжеволосый широкоплечий великан – по меньшей мере на два фута выше своего спутника; на простом, открытом и, общем-то, добродушном лице его застыло выражение крайнего недовольства.

– Ничего, Билл, – наконец заговорил тот, что шел впереди; похоже, он уже справился со своей досадой и готов был рассматривать иные возможности. – В конце концов, таких денег у нас все равно бы не нашлось. Я скажу мистеру Митчеллу, что мы согласны на его условия – может, еще поторгуюсь и скину процентов десять с добычи. Разве в прошлый раз мы не начинали с того же самого?

– Сколько еще, Ченси? – хмуро возразил великан, стискивая свои огромные кулаки. – Пять лет без малого ходим с тобой под чужим флагом! В тот раз проклятые англичане из-за него-то нас чуть и не повесили – капитана Скэлли и его белый крест все знают... Разве у тебя совсем нет гордости?

– Гордость тут ни при чем, Билл, – отрезал щуплый человек, выуживая из кармана потрепанную буковую трубку и принимаясь на ходу набивать ее. – Вот что: ступай в трактир к мистеру Стивенсону и узнай, как обстоят дела с набором матросов.

Великан нахмурился еще больше и внезапно с решительным видом остановился.

– Нет уж, Ченси! Давай-ка по-другому поступим, – предложил он, сводя кустистые рыжие брови в одну линию – видно было, что Билл не привык в чем-либо перечить своему спутнику. –

Погоди пока отвечать мистеру Митчеллу: дай сперва мне самому потолковать с капитаном Бейли! Я его уговорю сбить цену.

– Не говоришь, – устало ответил тот, встряхивая набитой трубкой так, чтобы табак внутри лег ровно, – зря только время потеряешь. Думаешь, у него на эту красотку других покупателей не сыщется?

Рыжий великан промолчал: было заметно, что в словесных спорах он не слишком силен. Но шуплый человечек неожиданно махнул рукой, разрешая:

– Черт с тобой, иди! Вдвоем потом к мистеру Митчеллу ходим. Не понимаю только, на что ты рассчитываешь...

Какого бы толка надежды не питал тот, кого он называл Биллом, этот неуклюжий великан принялся на задуманное достаточно уверенно. Вернувшись на шхуну и узнав, что разминулся с капитаном Бейли – как объяснил оставшийся на судне за старшего боцман, тот сразу после визита незадачливых покупателей отправился в город, пожелав пропустить в честь окончания непростого дня стаканчик-другой – Билл не стал отчаиваться и невозмутимо направился на его поиски. Не так много было на Тортуге заведений, куда мог бы наведаться капитан Бейли, по старой пиратской привычке именовавший себя именно так – хотя, владея более чем двумя десятками различных кораблей, он имел куда больше оснований зваться командором.

Однако, разменяв уже шестой десяток, капитан Бейли давно не выходил сам в море: свои суда он либо передавал молодым капитанам за изрядный процент с добычи, либо сразу продавал – цену хорошего корабля он знал и лишнего не запрашивал, но и своей выгоды упускать не собирался. В одном более рассудительный товарищ Билла определенно был прав: на шхуну «Кобра», присмотренную ими, имелись и другие покупатели.

Не миновало и получаса, когда, обойдя несколько заведений, рыжеволосый великан набрел на один из многочисленных портовых трактиров – довольно чистый и просторный, по большей части посещаемый теми, кто имел возможность расплатиться деньгами, а не снятой с себя одеждой или оружием. Сам Билл в подобных бывал редко – у него, старшего помощника в кое-как сколоченной его лучшим другом Винченсо Алигьери команде, денег после рейдов оказывалось не столь много – но, подавив в себе неприятное неловкое чувство, какое всегда испытывает оказавшийся в непривычной для него обстановке человек, все же остановился в дверях и огляделся по сторонам.

Капитана Бейли он приметил не сразу: тот сидел в дальнем углу за низким столиком, уставленном тарелками со всяким дымящимся варевом – как и многие пираты, в молодости вдоволь наевшиеся черствых сухарей и крутой солонины, очевидно, тот имел особое пристрастие ко всяким похлебкам и прочей мягкой пище. Напротив него, как с недовольством отметил Билл, уже притулился какой-то неизвестный ему человек – средних лет, высокий и худой, как жердь, с пронзительными блестящими глазами; словом, из той самой породы корабельных клерков и квартирмейстеров, получивших должность благодаря скрупулезному, мелочному подсчитыванию матросских голосов и сложнейшим интригам, которую Билл ненавидел от всей своей простой, чуждой всякого притворства души.

– Капитан, – начал он торопливо, – капитан, послушайте!..

– Если вы по поводу продажи судна – приходите завтра, – даже не взглянув на него, сухо отрезал Бейли и наклонился ближе к собеседнику: – Продолжайте, Джон.

– Капитан, я квартирмейстер команды Винченсо Алигьери, мы с вами уже встречались сегодня! – выпалил Катлер скороговоркой, без приглашения выдергивая из-за соседнего стола свободный табурет – в ответ послышалась возмущенная брань, но он не обратил на нее внимания – и усаживаясь на него перед Бейли. – Поймите, мы... Мы собрали новую команду, сэр. Почти пятьдесят человек, а если у нас будет свой корабль, то и все восемьдесят! Если вы уступите нам судно за шестьсот гиней, то мы сможем отдать остаток суммы в течение полугода, и

даже... – он заколебался на секунду, но затем закончил решительно: – ...даже с пятнадцатью процентами сверху за ваше ожидание.

– Юноша, – смерив презрительным взглядом его рослую, широкоплечую фигуру, усмехнулся Бейли, – как по-вашему, зачем мне ждать моих денег полгода, если у меня есть другие покупатели, готовые сразу заплатить полную цену? Я даже не говорю о том, что, скорее всего, предприятие этого неудачника Алигьери не окупится вовсе! Понимаю, что после того, как вы уже несколько раз попадались «охотникам» – помнится мне, однажды даже нарвались на английских, хотя их в этих водах днем с огнем не сыскать – словом, после этого вновь выходит под флагом Скэлли вы не можете, но у других капитанов процент с добычи будет существенно выше, и вам, с вашей-то удачливостью, он едва ли по карману...

– У нас есть предложение от мистера Митчелла, сэр, – возразил Билл; собеседник Бейли коротко хохотнул, а сам капитан поднял брови с приметно насмешливым видом:

– Ну и ступайте к мистеру Митчеллу! Чего вы от меня-то хотите? Чтобы я совершенно новое судно отдал вам по цене семилетнего люггера? Перекупите у кого-нибудь подержанное, в конце концов – этого добра в порту Тортуги навалом... Раз уж ваше предприятие такое выгодное, как вы говорите – через год-другой наберете денег на новую шхуну.

– Если прежде не пойдем ко дну на этом дырявом корыте, – пробормотал Билл себе под нос. Бейли пожал плечами:

– Это уж как море решит. Ничем не могу вам помочь.

– Не смеем больше задерживать вас, юноша, – решительно прибавил собеседник Бейли, придвигаясь ближе и плечом оттесняя Катлера назад – так, что вновь пробиться к капитану тот смог бы, лишь ощутило толкнув того в спину.

Неожиданно за соседним, угловым столом возникло какое-то движение: Билл бессознательно повернулся в том направлении и заметил, как рослый матрос в рубашке с закатанными рукавами, открывавшими исчерченные иссиня-серыми татуировками предплечья, что-то втолковывал стоявшему у стены, одновременно пытаясь заставить его сесть рядом. На вид последний казался обыкновенным шуплым юношей лет шестнадцати, невесть что забывшим в достаточно уважаемом пиратами постарше заведении, тем более что видно было, что с деньгами у парня едва ли все в порядке: он был без камзола, в одном жилете, заметно ему великоватом – должно быть с отцовского плеча – и в ветхой шляпе с опущенными полями, закрывавшими почти все его лицо. За спиной у парня виднелась неприметная, но заметно оттягивавшая ему плечи сумка – очевидно, со всеми имевшимися у него пожитками.

– Капитан, подумайте, – глубоко вздохнув, заново начал Билл, в отчаянии наклоняясь вперед с намерением взять Бейли за руку – тот мгновенно отстранился, едва сдержав брезгливую гримасу. – Капитан, ведь и вы когда-то начинали с малого! Дайте нам шанс...

– Начинал, – гордо кивнул тот. – Начинал, однако – запомните, юноша! – даже в те годы я никогда и ни у кого не просил милостыни. Имейте гордость, раз уж выбрали себе такой путь...

– Капитан, да послушайте же... – начал было Билл, вновь с ожесточенным лицом обращаясь к соседнему столику: юношу с закрытым шляпой лицом все еще держал за плечо один из матросов, что-то невнятно втолковывая на ухо, причем вторая рука его уже бродила где-то в области поясницы мальчишки. Внезапно тот дернулся с места, словно желая вырваться – что-то блеснуло на секунду в его руке, и тотчас послышался крик боли. Бейли, наблюдавший за этой картиной, одобрительно присвистнул:

– Неплохо! Мальчишка-то не промах...

Матрос – тот самый, что начал первым распускать руки – зажимая ладонью окровавленный воротник у плеча и не переставая изрыгать ругательства, пятился назад от недавней жертвы его страстного порыва. Его товарищи, напротив, повскакивали с мест, причем один из них, растопырив длинные руки, бормотал нечто невнятно-угрожающее – однако юноша в

шляпе, похоже, не собирался уступать: во всяком случае, в выставленной им вперед руке, как успел заметить Билл, зажат был нож.

– Ну идем же, идем, ну... Тихо, пташка, не трепыхайся, – бурчал меж тем все ближе подбиравшийся к ней матрос.

Катлер побагровел.

– Эй, вы, мерзавцы! Отвалили от него, слышите?! – неожиданно взревел он, поднимаясь с места и в два широченных шага оказываясь рядом с юношей – тот, не сообразив толком, что широкоплечий великан намерен помочь ему, моментально яростно ткнул в его сторону ножом. Билл без особых усилий отбил неловкий выпад, вырвал у него нож и наставил на незадачливых матросов. Юношу он на всякий случай перехватил за шкирку, как котенка, и отпихнул себе за спину. – Что-то не понятно? Валите, я сказал! Парня не трогать.

– Да какой это парень? – севшим голосом запойного пьяницы, выдернутого из привычной обстановки, взвизгнул один из них. – Ты погляди на нее!

– На... на кого? – не понял Билл, угрожающе двинувшись всем телом в его сторону. Юноша молчал, стреляя поочередно на каждого из них настороженными черными глазами; затем вдруг, поймав недоуменный взгляд своего спасителя, обращенный на него, опустил голову и резко, поднырнув под руку Катлера, попытался метнуться вон – тот едва успел снова ухватить его за шиворот и дернул поближе к себе с бесцеремонной, незлой силой.

– Ты... Ты девчонка, что ли? – выговорил он, поколебался и другой рукой стянул с чужой растрепанной головы шляпу. Матросы не ошибались: перед ним действительно была девушка, на вид казавшаяся совсем юной – лет пятнадцати-шестнадцати, с еще по-детски округлым лицом, неровно загоревшим так, что лоб, кончик носа и широковатый упрямый подбородок казались темнее остальной кожи. Пожалуй, она могла бы казаться еще младше, если бы не ее глаза – густо-карие, серьезные и настороженные, плохо вязавшиеся с остальным ее лицом. Впрочем, на Тортуге последнее было не в редкость – дети здесь переставали быть детьми, едва научившись говорить. Как только Билл немного ослабил хватку, растерявшись, она тотчас вывернулась из его рук и едва не угодила ему в нос крепко сжатым кулачком: сил ей явно не хватало, но удар поставлен было неплохо, так, что Катлер едва успел уклониться и выступить перед собой отнятый у девчонки нож – правда, не в ее сторону, а для снова подступивших слишком близко несостоявшихся насильников:

– Куда? – зло рявкнул он, отталкивая подальше от них растерявшуюся девушку и нахлобучивая ей обратно на голову шляпу; подумав, вдобавок сдернул с себя поношенный кафтан и набросил ей на плечи. Огляделся, с тоской посмотрев в сторону Бейли – тот сидел молча, с каким-то очень странным выражением лица: но продолжить прерванный разговор теперь не представлялось возможным – остальные посетители трактира уже начинали оглядываться на них – и снова надежно ухватил девушку за плечо: – Идем-ка со мной.

Улица, которая вела к заведению, была, в сущности, довольно широкой, но прямо за ним круто сворачивала направо и сужалась, заканчиваясь спустя квартал смердящим, будто стая издохших крыс, тупиком: работники трактира зачастую даже убирались здесь с утра, но к вечеру, словно насмехаясь над своими же трудами, скидывали тут в большую кучу кухонные отбросы и очистки. Ночью некоторые изрядно перебравшие посетители даже отправлялись сюда в целях облегчения пьяной «усталости»; однако теперь со стороны тупика не доносилось ни звука. Билл, не долго думая, увлек девушку за собой туда – та сперва подчинилась, но, пройдя немного, снова заартачилась:

– Не пойду! Не пойду! Пусти!.. – вырвав у него из-за пояса собственный неосмотрительно забытый им нож, зашла она чуть ли не откровенным криком. Катлер увернулся от очередного неумелого выпада один раз, второй, на третий недовольно выругался – юркая мелюзга успела-таки порезать ему щеку – и наконец поймал ее за запястье, честно постаравшись сжать

не слишком сильно: руки у девчушки оказались тонкие-тонкие, с узкими ладошками и аккуратными пальчиками, до которых ему страшновато было даже дотрагиваться.

– Дурочка ты, что ли? – скорее укоризненно, нежели со злостью спросил он. Та молчала, едва переводя дыхание; Билл, сообразив наконец, что в ее глазах едва ли отличается от давешних матросов, разжал пальцы и примирительным жестом выставил перед собой ладони: – Да не дергайся ты, не трону! Убери зубочистку свою... Давай потолкуем.

– Не о чем нам толковать! – хрипло рявкнула на него девчушка, почуяв слабинку. Билл слабо усмехнулся:

– погоди болтать! Мелкая ты еще для таких речей. Чья будешь?

– Своя собственная! – в тон ответила та. Катлер потер лоб, уже даже не следя за ножом в ее руках, и вздохнул – лишь теперь он особо остро осознал, что уже три дня не спал нормально:

– Ладно. Ладно, ты – своя собственная... Но имя-то у тебя есть?

– Сеньорита Морено! Девочка, это ты? – к его изумлению, послышался со стороны, противоположной тупику, знакомый голос. Капитан Бейли, набросив на плечи камзол – в трактире до этого он сидел в одной рубашке – стоял в двух десятков шагов от них и близоруко шурился в сторону девушки. Та молчала, словно уличенная преступница; пожалуй, в чем-то Катлер мог ее понять. Он, конечно, слышал о капитане Морено – мало кто из пиратов Карибского побережья в минувшие пятнадцать лет мог бы прожить, не зная имени этого человека, прославленного как своим редким штурманским мастерством, так и превосходными деловыми качествами: никто не умел лучше него пристроить любой захваченный товар, организовать самый рискованный рейд и выйти из него с минимальными потерями. На Тортуге его уважали и боялись; и даже когда он, женившись, оставил прежние заработки и сперва стал капером, а затем перешел на службу в частную торговую кампанию, никто не посмел его упрекнуть. Но закон моря был суров: матросы Морено служили исключительно ему, а после его смерти три месяца назад – как Билл слышал, крайне нелепой для столь знаменитого человека: в результате взрыва порохового склада одного из небольших судов, на котором капитан производил разведку прибрежных вод для своего работодателя – после нее все они сразу же отправились наниматься в новые команды. Будь у капитана Антонио сын, и окажись он на десяток лет старше, тот мог бы попробовать продолжить дело отца – но у дочери на это не было ни единого шанса. Катлер обернулся, смерив взглядом тощую девчушку, яростно сверкавшую глазами и прижимавшую к груди нож со столь решительным и независимым видом, что в его разум невольно закралось сомнение: эта мелюзга явно считала иначе.

– Ты что же... Выходит, вы знакомы? – окидывая их по очереди подозрительным взглядом, спросил Бейли. Девушка встряхнулась всем телом, высвобождаясь из рук Билла, натянула на плечи сползший кафтан и осторожно кивнула:

– Как видите, да. А... – моментально насторожившись, она уже вопросительно воззрилась на своего случайного спасителя, – ...а при чем тут знакомство? У вас с ним какие-то дела?

– Шхуну, вот, купить хотели, – не до конца сообразив еще происходящее, проворчал Катлер. Глаза девушки заблестели:

– Шхуну? Это он про ту красотку, что вы два года назад привели из Санта-Катарины? Ей надо было днище кренговать и киль выправить – и до семи узлов в галфвинд разбежалась бы, – воодушевленно пояснила она ошарашенному Биллу: похоже, для этой ершистой, недоверчивой девчонки не в новинку было ходить под парусом, и тема затронула ее за живое. Капитан Бейли недовольно хмыкнул:

– Нет, ту я давно уже сбыл. «Кобру» им, видишь ли, подавай... У меня на эту «Кобру» охотников уже, как собак нерезанных! Прав был отец твой, что до последнего не продавал «Бесконечную удачу» – уж я-то помню, сколько ему предлагали... – пробормотал он со скверно скрытым сочувствием; Билл, ощущая непривычную неловкость, протянул руку и похлопал девушку по спине.

– Будет вам, капитан, – пробурчал он неловко. – Что покойников вспоминать-то? У всякого сыщутся, если поспрашивать. Пойдем мы... Верно понимаю, тебе ведь теперь и деваться некуда? – сочувствие столь явно послышалось в его голосе, что девушка недовольно глянула в ответ и поплотнее запахнулась в его кафтан.

– Капитан, – неожиданно изменившимся, взрослым и хриплым голосом начала она, – вы помните, чем вы обязаны моему отцу? Разве не он помог вам раздобыть задним числом каперское свидетельство в то время, как в любом английском вас ожидала виселица за ваши дела – не говоря уже об испанских и французских?..

– Долг перед твоими родителями на тебя не распространяется, девочка. Ты знаешь законы, – твердо возразил Бейли. Эрнеста оскалила зубы, разом став похожей на дикого волчонка:

– Но в память о нем вы ведь можете оказать моему другу небольшую скидку?

– Ты чего же... ты... Да брось, не унижайся так перед ним! – опомнившись, рявкнул Билл, хотя сердце его тревожно и отчаянно зашло в груди. Капитан Бейли смерил их обоих оценивающим взглядом, пожевал немного губами и наконец сухо обронил:

– Будь по-твоему. Юноша, – обратился он мрачное, как туча, лицо к Катлеру, – отведи меня туда, где расположился ваш... капитан Алигьери. Я подпишу необходимые бумаги – и на этом, надеюсь, мы с вами попрощаемся навсегда.

Судьба и впрямь благоволила в этот вечер команде Винченсо. Спустя всего полчаса, в основном ушедшие на пересчитывание капитаном Бейли платы за судно, с формальностями было покончено: Винченсо Алигьери и Билл Катлер стали полноправными владельцами двухмачтовой шхуны «Кобра». Девушка, свернувшись клубком на скамье и чуть ли не с носом закутавшись в кафтан Катлера, молча наблюдала за тем, как все трое ставили подписи под текстом составленного в двух экземплярах в присутствии положенного числа свидетелей договора – по этой части капитан Бейли всегда был крайне предусмотрителен. К удивлению остальных, Билл неожиданно косо сорвался с табурета и хлопнул ее по плечу:

– Ну-ка, тоже подпиши. Нечего тут, – проворчал он дернувшему его за рукав Винченсо. – Кабы не она – сроду мы это дело не устроили бы...

Алигери нахмурился; бросив на девушку оценивающий взгляд, нахмурился еще больше:

– Простите, капитан, мы отойдем на пару минут, – сдержав себя, прохладно вымолвил он и крепче сжал локоть приятеля. Эрнеста равнодушно пожала плечами, всматриваясь в чернильные строчки, написанные убористым, резковатым почерком: со стороны не казалось, чтобы она торопилась подписывать делавший ее несомненным членом команды договор.

– Сомневаешься, девочка? – с усмешкой спросил Бейли, указывая на неплотно закрытую дверь в коридор, куда вышли двое ее новых знакомых: Алигьери что-то тихо и яростно доказывал приятелю, ожесточенно жестикулируя, а Билл морщился, но лишь неуступчиво наклонял голову в ответ. – Еще не поздно передумать... Надо оно тебе? Полагаю, твой отец оставил тебе достаточное наследство: как знать, может, сыщется и приличная партия...

– Капитан, никак не могу запомнить, – на секунду девушка вскинула на него свои темные, настороженно блеснувшие глаза, – ведь ваш старший внук Уильям младше меня всего на год?

– Упаси Боже! Этому шалопаю едва ли придет в голову мысль о браке в ближайшие семь-восемь лет, – беззлобно хохотнул Бейли, хотя лицо его на миг стало словно каменным. – Однако я мог бы подыскать кого-нибудь. Подумай как следует!

– Спасибо, что согласились уступить нам судно за полцены, капитан, – коротко мотнула головой девушка, берясь за перо. Подпись получилась кривоватой: пальцы ее, еще по-детски тонкие, с мягкой кожей и неровно остриженными ноготками, чуть заметно дрожали. – Но мой отец говорил, чтобы пират всегда должен быть сам по себе.

– Ты вообще соображаешь, что творишь? Хочешь, чтобы мы взяли в команду эту девочку? – разорвался меж тем за дверью Винченсо Алигьери, уже почти не снижая голоса. –

Даже если она и впрямь дочь самого капитана Морено... Никто не смирится с присутствием женщины на корабле! Предлагаешь прятать ее, нарушая закон?

– Если бы не эта девчушка, никакого корабля у нас бы и не было, – пробурчал Билл, отворачиваясь от него. – Так и скажешь остальным... Ей некуда больше идти, я спрашивал. Подписала? – оживившись, вдруг спросил он – взгляд его уперся куда-то за спину Винченсо.

Девушка стояла в дверях, снова нахлобучив на голову свою ветхую шляпу, но уже в одном своем жилете – кафтан Билла она держала в руках – и протягивала им один из двух экземпляров договора:

– Капитан Бейли сказал, чтобы мы больше не задерживались на острове. Видимо, не желает огласки своей щедрости – все-таки эта шхуна действительно стоит на порядок больше, – бросив быстрый взгляд на Алигьери, негромко проговорила она. Тот нахмурился:

– Полагаю, вы тоже считаете, что этой покупкой мы обязаны исключительно вам, синьорина Эрнеста...

– А это не так, что ли? – снова вмешался Билл, обхватывая плечи девушки своей здоровенной лапищей – к удивлению Винченсо, юная Морено не спешила отстраниться, хотя и не выглядела привычной к столь бесцеремонному обращению. – Так что, Нэнси, полезешь вместе с нами в акулю пасть?

– Что, акула обещает быть настолько большой? – неожиданно чуть заметно усмехнулась девушка; черные глаза ее впервые блеснули каким-то веселым выражением. Билл хохотнул:

– Еще как! Но ты не волнуйся: мы с тобой еще залезем к ней в пасть и пересчитаем все зубы... Ну, а теперь, раз этот вопрос мы уладили, – он бросил угрожающий взгляд на Винченсо, но тот благоразумно промолчал, и Катлер тотчас расплылся в широченной ухмылке, – стало быть, ты точно в нашей команде, и надо найти тебе какое-то занятие. Рассказывай, что умеешь? – продолжал он, увлекая девушку за собой по коридору.

– Куда вы идете? – подавив раздражение, сухо осведомился Винченсо. Билл оглянулся на него с неподдельным недоумением:

– Как это куда? Искать Нэнси комнату, разумеется. Ты же не думаешь, что она будет жить вместе со всеми остальными?

– Вообще-то я не возражала... – начала было девушка, но Катлер перебил ее:

– Разговорчики на клотике! Тебе что, давешних недоумков не хватило? На «Кобре» первым делом найду тебе свободный уголок и прикреплю на дверь изнутри засов покрепче... Не сочти за оскорбление, – насупясь, пробормотал он почти шепотом, – но на борту тебе точно придется, хм... ни с кем особенно не сближаться и никого не выделять. Если начнут что-то... предлагать тебе – не стесняйся, сразу ступай ко мне: со всем разберусь. Не молчи только!

– Почему? – растерянно спросила вдруг девушка. Катлер оскалился:

– Потому что придется пресекать все это сразу! Тут Ченси прав: еще только из-за женщин нам спор в команде не хватало...

– Я не об этом, – тоже понизив голос, покачала головой девушка. – Почему ты так добр ко мне? Ты тоже... У тебя кто-то умер?

Катлер промолчал; тень непривычной сосредоточенности тронула его простое, грубое лицо, на миг показавшееся почти красивым. Резко остановившись, он ткнул пальцем в одинокую дверь прямо по коридору:

– Вот эта вроде свободна. Устраивайся пока, а я схожу за ключами и договорюсь с хозяйкой.

Когда он вернулся, девушка уже успела снять верхнюю одежду, распахнуть окно – в комнате было чудовищно душно и вдобавок воняло какой-то мерзостью, которой, насколько Билл помнил, в гостинице травили клопов – и, сосредоточенно пыхтя, пыталась передвинуть кровать в дальний, темный угол.

– Ну-ка, брось надрываться! Сам сделаю, отойди, – велел Билл, потер ладони, взялся за изголовье кровати – сам он такие не любил, предпочитая спать в гамаке, но в команде многим

нравилось на суше ложиться там, где помягче и можно вытянуться во весь рост – и легко оттянул ее в указанное место. Девчушка метнулась было снова помочь, и он махнул рукой: – Не надо! Воды, вон, налей, если не сложно... – на окне как раз обнаружился полупустой кувшин, засиженный мухами. Эрнеста взяла его, с сомнением заглянула внутрь, поморщившись, и Катлер все-таки вытащил из-за пояса фляжку: – На, разбавь ромом. Как-никак, а почище будет...

Пили они прямо так, из кувшина – стаканов в комнате не было, а ходить за ними вниз желанием не горел никто. Девчушка поднялась с места, с удовольствием глотнула освежившего воздуха и пошла к окну задернуть хлипкие занавески – на улице уже была полноценная ночь. Билл возился с дверной щеколдой при тусклом свете единственного огарка, вполголоса ругаясь – замок, конечно, держался, но при должном усилии сбить его можно было одним ударом ноги, и Катлеру это совсем не нравилось.

– Отец говорил, что я довольно неплохой навигатор, – вполголоса, задумчиво принялась рассказывать девушка, наблюдая за его работой. Билл усмехнулся, ковырнув внутри скважины лезвием складного ножа:

– Это хорошо – штурмана у нас в команде еще нет. Дороги они нынче, что сказать... Ченси немного смыслит в этом сам, на первое время должно хватить... – он осекся и замолчал, потому что девушка, пошарив за изголовьем кровати, извлекла оттуда свою сумку и принялась доставать из нее кипу бумаг, при ближайшем рассмотрении оказавшихся чертежами самых различных маршрутов и просто навигационными картами. Рассматривая их, Билл с трудом удерживался от восторженных комментариев: даже ему, полнейшему профану в сложной штурманской науке, очевидно было, что чертежи были составлены безусловно умелой рукой.

– От отца твоего достались? – спросил он понимающе. Эрнеста усмехнулась, разделив кипу надвое:

– Эти – да, – указала она на карты. – А маршруты все мои.

– Да брось, – помотал головой в сомнении Билл: на его сугубо обывательский взгляд все документы казались одинаковыми по части мастерства их составителя. Морено усмехнулась:

– Что, не веришь? Смотри, – вытянув из общей массы одну из карт, она потянула за кусочком угля и циркулем, лежавшими у нее в той же сумке. К удивлению Билла, спустя всего пару минут на чертеже появилась тонкая извилистая линия, снабженная многочисленными пометками и уточнениями относительно времени года и военных событий.

– Отец учил меня с восьми лет, – заканчивая чертеж, объяснила девушка и, пошарив, достала из кипы еще один чертеж и положила рядом с только что изготовленным. – Как говорится, попробуй найти три отличия... Веришь теперь?

Катлер подумал, так и сяк повертев обе бумаги, затем осторожно сложил их вдвое и убрал за пазуху.

– Не взыщи, я скверно понимаю в этом... Ты не против, если я их все-таки Винченсо покажу? – спросил он слегка виновато. Девчушка хлопнула его по плечу:

– Да ради Бога! Если захочет, я могу составить еще с десятков таких же. – Какое-то время они сидели в молчании, прежде чем Эрнеста снова заговорила первая: – Так что же? Теперь скажешь, почему ты решил мне помочь?

Катлер отвернулся, взъерошив мощными пальцами свою буйную рыжую шевелюру; брови его сошлись на переносице, а в глазах отчетливо появилось сомнение – несколько раз он открывал рот, будто готовясь начать, но тотчас обрывал сам себя.

– У меня в деревне младшую сестру такие же ублюдки на покосе подкараулили, как тебя – сегодня в трактире, – проворчал он после продолжительного молчания, опустив голову. – Я в городе на заработках был, вернулся, конечно, как узнал, только поздно уже было. Отец всех троих запер в сарае и сжег заживо – а его, стало быть, повесили. Как я приехал и прослышал по это – так и ушел оттуда, не оборачиваясь... Дома-то уже ничего нашего не осталось, там другую семью сразу же поселили, вещи соседи разделили; матушка моя, видишь ли, за четыре

года до того умерла, а меня, похоже, никто в деревне уж и не ждал после эакого... Вот так я в пиратах и оказался семнадцати лет отроду, мелкая, – прибавил он невесело, потрепав девушку по черноволосой макушке. – И ты запомни: сестренку свою я, может, и не защитил, но тебя... тебя – точно сумею. Не веришь мне?

– Верю, – подтянув колени к груди, просто ответила Эрнеста; похоже, она больше и не пыталась казаться взрослой и независимой. – А как... как ее звали?

– Тезки вы с ней были, если по-нашему, – усмехнулся Билл в бороду. – Она тоже была Нэнси, Энн, то есть... Ее все считали дурочкой, даже наши родители: просто потому, что моя сестренка никогда не говорила и постоянно улыбалась – не так, как другие люди, а светло-светло, по-хорошему... Никому в жизни не сделала ничего плохого, плакала и прибежала ко мне, когда отец на заднем дворе колол свиней или гусям рубил головы к празднику – а что в итоге? Разве она заслужила, чтобы те выродки... – он стиснул огромные кулаки. – Если бы отец не успел раньше, я все равно поубивал их всех. Моя Нэнси заслуживала справедливости!

– Справедливости нет, – низко наклонив голову, возразила Морено. – По крайней мере, не здесь, не для нас... Мои родители всю жизнь старались вести жизнь, которой могли бы не стыдиться: они хотели семью, детей, свой дом и возможность оставаться в нем без страха столько, сколько захотят. Простые мечты, ничего необычного – многие имеют все это с самого рождения – но у них ушло почти двадцать лет на то, чтобы получить хоть что-то из этого... И все равно потерять из-за чертового взрыва крют-камеры! – сорвавшись на вскрик, она закрыла лицо руками; в наступившей тишине отчетливо слышно было ее тяжелое дыхание и почти беззвучные, задушенные всхлипы. Билл помялся, помолчал и осторожно обнял ее за плечи.

– Мы сами дадим этому миру такую справедливость, какую он заслуживает, – пробормотал он, неловко похлопывая ее по худеньким лопаткам своей широкой, грубой ладонью. – Теперь ты не одна, Нэнси Морено: команда будет твоей новой семьей... И не пытайся больше притворяться парнем. Пусть все знают: ты девчонка, тебя зовут Эрнеста, ты дочь великого капитана Морено, и ты – одна из нас, наша и своя собственная. И больше ничья!

– Звучит здорово, – сквозь слезы улыбнулась девушка, со сдержанным доверием глядя в его открытое, некрасивое, честное лицо. – Так когда в море?

– Скоро, – махнул рукой Билл. – Быстрее, чем ты думаешь. Команду мы уже почти закончили собирать, шхуна теперь наша – дело за тем, чтобы загрузить все припасы да даждаться отлива... Через неделю-полторы, стало быть, выйдем на первое дело.

Часть первая

Глава

I

. Вынужденное спасение

Полуденное солнце палило чуть сильнее обыкновенного, однако в остальном – и в попутном ветре, позволившем разогнать скорость до шести с половиной узлов, и в отсутствии встречного течения, и даже в поведении заметно приободрившейся после выхода из недавнего мертвого шторма команды – все было настолько идеально, что капитан Джек Рэдфорд не мог стереть с лица довольной усмешки и лишь надеялся, что за отпущенными им в последний год усами та будет не столь заметна. С самого утра он сам, отпустив рулевого, стоял за штурвалом и с гордостью любовался своим судном.

К пиратскому делу, которым он и его люди зарабатывали себе на жизнь, к своим тридцати годам Джек привык более чем полностью и совершенно его не стыдил: работать по найму за гроши на каком-нибудь неуклюжем и забитом всяким хламом торговом судне представлялось ему значительно более унижительным занятием. Вообще его удивляла жадность купцов, готовых ради того, чтобы взять с собой побольше товаров, пренебречь безопасностью как собственной, так и команды, выгрузив с корабля все пушки, и заставить своих матросов жить, словно

скот, в единственном крохотном трюмном отсеке. О, Джек ни разу за свое более чем десятилетнее пребывание капитаном не допускал подобного: «Попутный ветер», его горячо любимый трехмачтовый бриг, необыкновенно стремительный и легкий даже для английского судна, всегда был полностью вооружен, вымыт и вычищен едва ли не до блеска, красуясь исправно менявшимися раз в полгода оснасткой и парусами. За отсутствием на нем плотника Джек ежедневно сам обходил свое сокровище и давал боцману Макферсону указания относительно того, где следует заново просмолить днище или укрепить начинающие расходиться доски во избежание течи. Заходил он и в кубрик, где жили матросы, всегда первым замечая, что кому-то следует поменять гамак, а кому-то – выдавать в ближайшие дни дополнительную порцию лимонного сока. Из всех сил капитан Рэдфорд заботился о благополучии своих людей, зная, что их преданность может помочь ему там, где не помогут ни угрозы, ни сладкие посулы, ни самая суровая необходимость в беспрекословном подчинении капитану. Однако он был всего лишь человек, не лишенный своих слабостей, и относиться одинаково ко всем членам его команды было выше его сил.

– Господин подполковник! По-вашему, свернутый таким образом угол паруса можно считать убраным? – смакуя каждое слово, почти ласково спросил он. Выражение глухой, бессильной ярости в чужих глазах приносило просто невероятное удовольствие – почти такое же, как от захвата какой-нибудь торговой шхуны, до самых бортов набитой ждущими перепродажи на теневых рынках Тортуги товарами. – Если даже такая работа вам не под силу, то сегодня вместо обеда извольте вымыть полы на камбузе – мистер Хоу давно жалуется, что не успевает и готовить, и убираться один. Верно, мистер Макферсон? – прибавил он; старый боцман, хорошо усвоивший правила этой игры, воодушевленно закивал.

Подполковник Эдвард Дойли – бывший подполковник, удовлетворенно поправил себя Джек – находился на «Попутном ветре» уже больше четырех месяцев, и то, что он до сих пор не попытался сбежать или покончить с собой, одновременно злило и раззадоривало пирата. Злило – потому что он подозревал, что причиной такого смирения было вовсе не упрямство и гордость, а простое равнодушие ко всему, кроме ежедневной порции грога. Раззадоривало же – потому что капитан слишком хорошо запомнил высокомерие и холодную ненависть ко всему, выходящему за рамки закона, руководствуясь которыми, тогда еще подполковник Дойли едва не повесил его прошлым летом. Те события он запомнил надолго и потому был несказанно удивлен, спустя всего полгода узнав того же офицера в одетом чуть ли не в лохмотья пьянице-забулдыге, желавшем наняться к нему на судно. В матросской работе он кое-что смыслил – как Джек слышал, даже в молодости был юнгой на одном из военных кораблей британского флота – но явно многое забыл, а восстанавливать былые навыки совершенно не собирался. Впрочем, помогать ему в этом тоже желающих не было – все отлично видели отношение капитана к новому члену их команды.

– Смотри, куда идешь, Неудачник! – раздался резкий окрик одного из матросов: кажется, Эдвард случайно выплеснул воду из тяжелого ведра на его рубашку и жилет. Дойли, негромко пробормотав что-то, попытался пройти мимо, но оскорбленный схватил его за грудки:

– Эй, я с тобой говорю!

– Сэр, пожалуйста, не надо! – поспешно прозвучал приятный юношеский голос, заставивший Джека вздрогнуть: слишком хорошо он знал его обладателя. – Мистер Уайт, просто снимите мокрые вещи – сейчас повесим вон на ту веревку, и через час уже высохнет. А пока, если хотите, я дам вам свою рубашку...

То был Генри Фокс, славный и добрый парень – из сухопутных ребят, попавший на его судно после порядочной передряги, о которой даже сам капитан по возможности старался не вспоминать. Неумелый и старательный, совсем еще мальчишка: неполных семнадцати лет – за проведенные на его корабле полгода он стал любимцем команды за легкий характер и умение ладить с кем угодно. Порой он смешно путал названия парусов и снастей, с трудом понимал ту

смесь морских терминов и фраз на самых разных языках, которой пользовались в разговоре его товарищи – и Рэдфорд знал, что порой слишком многое позволяет ему, но не мог остановиться. Из всех членов команды лишь Генри не боялся его гнева и совершенно искренне заступался за презираемого остальными Эдди-Неудачника, получая в ответ лишь полные плохо скрытой злости взгляды от самого Дойли и мягкие выговоры со стороны капитана.

На сей раз Эдвард, похоже, даже не обратил внимания на своего заступника: как только Уайт отпустил его и начал раздеваться, он прижал к груди ведро и двинулся дальше – перемыть злосчастный участок палубы. Нисколько не обидевшийся Генри перехватил промокшие вещи и отправился в противоположную сторону, будто ничего и не случилось. Джек, почувствовав закипающую в его душе жгучую злость, поспешил отвернуться.

Даже удивительно сытный и вкусный для привыкших к самой грубой пище матросов обед: свежие сухари из ржаного хлеба, горячее варево из картофеля, брюквы и свежего черепашьего мяса – Джек, как ни старался, не мог отучить матросов во время рейдов воздерживаться от добычи столь любимых ими «зеленых консервов» – подкрепленный хорошей кружкой разбавленного водой, сахаром и лимонным соком рома, не избавил капитана от его тягостных раздумий. Дело, конечно, было не в чрезмерной доброте Генри или в присутствии на корабле Дойли, наконец признался себе Рэдфорд, после трапезы в очередной раз заперевшись в своей каюте и обреченно взглянув на расстеленную на столе с самого утра ненавистную карту.

Сам Джек навигатором был весьма посредственным, лишь немного разбираясь в астрономии и в многочисленных таблицах, с помощью которых можно было после долгих и мучительных манипуляций примерно вычислить расположение корабля в данный момент – но и эти знания он приобрел скорее от нерегулярной периодической практики, нежели вследствие серьезного обучения. Хороших штурманов среди пиратов всегда было немного – еще бы, такие и честным путем могут жить припеваючи!

На «Попутном ветре» штурманы обычно не задерживались: кого-то не удовлетворяла доля, кто-то не сходился характерами с самим капитаном. Надежда появилась после прихода Томаса Эрроу, толкового и покладистого здоровяка, подходившего во всех отношениях, но месяц назад сгинул и он, во время abordaja зачем-то бросившись на выручку товарищам и получив заряд картечи в спину. Конечно, он должен был знать, что главная его обязанность во время боя – отсиживаться в трюме и по возможности помогать судовому врачу; поэтому Рэдфорд не слишком жалел бы о его потере, не будь она связана с еще одним серьезным затруднением: им снова требовался штурман, а до тех пор, пока он не появится, приходилось обходиться более чем скромными знаниями и умениями капитана в сфере навигации.

Без малейшего намека на стук дверь приоткрылась и в образовавшуюся щель просунулась темноволосая кудрявая голова Генри:

– Можно?

– Можно, можно, – усмехнулся Джек, сворачивая ненавистную карту, всю испещренную разнообразными карандашными росчерками и пометками, сделанными в процессе вычислений. Вслед за юношей в дверь протиснулся Макферсон, которому он приветливо улыбнулся и снова посмотрел на Генри с веселыми искрами в глазах:

– В чем на сей раз ты провинился?

– В невыполнении вашего приказа, капитан, – в темных глазах юноши сверкнуло довольно редкое при его покладистом характере упрямое выражение. Джек поднял бровь:

– Даже так? Интересно, и каким же образом?

– Отдав половину своего обеда нашему... кхм, господину бывшему подполковнику, – проворчал Макферсон, недовольно поглядывая на них обоих: ему и самому не слишком нравилась навязанная Рэдфордом игра, но, в отличие от Генри, он привык в точности выполнять указания начальства. – Капитан, вы ведь сами распорядились, чтобы...

– Совершенно верно, мистер Макферсон, – с трудом сохраняя невозмутимый вид, кивнул Джек. – Я с ним серьезно поговорю. Что-нибудь еще?

Слава Богу, ничего более значительного у слишком серьезно относившегося к своим обязанностям старого боцмана не произошло, и Джек с облегчением собственноручно захлопнул за ним дверь, после чего на пару секунд прижался к ней лбом в приступе беззвучного смеха и, приняв строгий вид, обернулся к Генри.

– Это несправедливо, – тихо и необыкновенно серьезно проговорил тот. Веселье как рукой сняло – Джек шагнул к нему и привычно обнял за плечи:

– Я же уже говорил тебе, что твоя доброта ничем не поможет. Знаешь, что этот Дойли сейчас думает о тебе? То, что ты унизил его своей помощью, и только. – Юноша упрямо молчал, не поднимая на него глаз. – Чего ты добиваешься? Я очень рад, что ты смог найти общий язык с командой, но ты ведь не думаешь, будто этого достаточно, чтобы стать пиратом?

– Не думаю. Просто мне казалось, что надо помогать своим товарищам, как ты сам и говорил, – парировал Генри. Рэдфорд закатил глаза, но тотчас припомнил, что действительно сказал это пару недель назад в приступе чрезмерной разговорчивости, уже не раз подводившей его в жизни. Мысленно ругнувшись, он попытался придумать какое-нибудь достойное объяснение своим словам, но, не найдя его, честно сказал именно то, что думал:

– Так если бы товарищам. А то – этому Дойли, будь он неладен. . .

То, что матросы пиратского корабля никогда не примут его как своего товарища, Эдвард понимал с самого начала. Понимал – но сперва ему это было просто все равно, а потом. . . впрочем, потом тоже. Безразличие ко всему вообще было необыкновенно полезно: стало легко и просто выполнять самую черную работу, вне очереди выстаивать полную ночную вахту по четыре и пять раз за неделю, а потом, пошатываясь от усталости, заваливаться спать в засаленный, пропахший солью и потом гамак, не слушая насмешливых или оскорбительных окриков. Эдди-Неудачник – обидное, но верное прозвище на редкость быстро приклеилось к нему, и спустя месяц он начал отзывать на него, будто на родное имя.

Пол камбуза, набранный из кое-как обструганных досок – видимо, первоначально здесь был один из трюмовых отсеков, пока пираты, по своему обычаю, не перекроили весь корабль по своему вкусу – был невероятно грязным и жирным, и Эдвард с отвращением думал, что после едва ли получится дочиستا отмыть руки. Мерзкое сало забивалось под ногти, пальцы щедро усеивали крупные и мелкие занозы – о, теперь он прекрасно понимал то злорадство, с которым Джек отправил его сюда. . . Отвратительнее всего было громкое чавканье кока, хлопотавшего возле громадного котла с побулькивающей похлебкой – Макферсон в своем рвении заявил, что и ужина сегодня «господин подполковник» может не дожидаться. Оставались лишь поспешно сунутые ему Генри и теперь припрятанные за пазухой два сухаря – остальное, то, что Дойли не успел сразу убрать туда же, заметивший все боцман поспешил забрать. Сперва Эдварду и самому невероятно хотелось швырнуть эту подачку в лицо наглomu юнцу, но желание есть пересилило гордость, а теперь, отчаянно презирая себя, он не мог дожидаться момента, когда удастся спуститься в темный трюм и там уничтожить, наконец, заветные сухари.

– Эй, ты долго там собрался возиться? Заканчивай, мне еще ужин на всю вашу братию готовить, – недовольно окрикнул его кок. Эдвард стиснул мокрую тряпку и хрипло ответил:

– Одну минуту, мистер Хоу.

– То-то же. Добро бы хоть мыл как следует, а то. . . – проворчал тот, гремя посудой. Смягчившись, порылся в одном из ящиков, стоявших у стены, и протянул Эдварду кусок вяленого черепашого мяса: – На вот, держи. Опять, небось, без ужина останешься ведь. . .

– Благодарю, – с отвращением к самому себе принимая новую подачку, кивнул Дойли. Ее он, завернув в вытертый и потерявший всякий вид носовой платок, сразу же отправил за

пазуху, к сухарям: во второй раз Макферсон вполне мог и отправить его в карцер, куда уже пару раз побывавшему там человеку совершенно точно не захотелось бы.

Слава Богу, на этот раз боцман ничего не заметил – или просто сделал вид, что не заметил: в сущности, он вовсе не ненавидел Эдварда и никогда не стремился как-то намеренно ухудшить его положение – разве что по прямому приказу капитана. Стоило бывшему офицеру опрокинуть за борт ведро с грязной водой и зачерпнуть свежей, как Макферсон без долгих речей отправил его в помощь Дэнни, Питеру и Эйбу – матросам, проверявшим припасы, вынесенные из нижнего грузового отсека, где разглядеть их качество при слабом свете фонаря не представлялось возможным. Эдварду, разумеется, досталась самая тяжелая и неприятная работа – таскать мешки с уже осмотренными продуктами обратно – но он уже не только свыкся с таким положением вещей, но и втайне радовался ему. В трюме он оставался хотя бы ненадолго один и получал возможность сделать то, о чем в последние месяцы думал практически все время, пока был трезв. В одной из бочек с крепким, ничем не разбавленным ромом Дойли заранее просверлил отверстие, которое заткнул куском пробки, получив возможность почти незаметно наслаждаться заветным напитком в любой удобный момент.

Огненная жидкость восхитительно обожгла язык и небо, знакомой терпкой горечью коснулась горла, но Эдвард, всхлипнув, заставил себя отстраниться: нельзя, чтобы матросы почувствовали запах рома. Сперва... сперва отнести все мешки. Или нет, просто отпивать каждый раз по глотку... сегодня у него снова ночная подвахта, там можно будет и поесть, а сейчас – ром!

– Эй, Неудачник, где пропадал? Держи, не растряси – мешок больно хлипкий! – предупредил его Питер, наиболее дружелюбно к нему настроенный матрос из той самой троицы, стоило Эдварду, слегка пошатывавшемуся от усталости и выпитого на голодный желудок, подняться по скрипучей лестнице. Кажется, тайком от этих людей урвать немного рома будет несложно; и обрадованный этой мыслью Дойли почти бегом вновь отправился вниз.

Относя последние мешки, он уже был уверен, что его никто не хватится, так что удастся попить вволю: те трое, сходу направившись в кубрик отдыхать, даже не заметили его отсутствия. Теперь, рассмотрев забракованные припасы, которые следовало уничтожить в первую очередь, начиная с сегодняшнего ужина: отвратительно пахнущую солонину, кишевший личинками горох, бочку рома, имевшего странный и неприятный вкус – Эдвард был даже рад своему наказанию, избавившему его от необходимости их поедания.

Пить тайком из общей бочки было для него невероятно сладостно вовсе не из-за блаженного состояния опьянения: ром сильно горчил и обжигал горло, хотя и снимал уже с месяца привязавшееся на трезвую голову ощущение тупой тяжести в затылке. Впервые почувствовав такое, Эдвард испугался и сгоряча зарекся пить, но страх почти сразу прошел, а отвратительный вонючий корабль – то, с чего он когда-то начинал и к чему в итоге вернулся – никуда не делся, и казалось бессмысленным пытаться стать лучше, когда вокруг все равно ничего от этого не изменится... И он начал пить снова – в глубине души радуясь мелкой и подлой радостью оттого, что может хоть как-то отомстить остальным: издевавшимся над ним матросам, Джеку, даже не пытавшемуся скрыть свою ненависть к нему, когда-то отчаянно завидовавшим ему другим офицерам – богатые и знатные, знали ли те, что, получив когда-то назначение, он вовсе не радовался ему, а лихорадочно размышлял о том, где взять денег на офицерский патент? Тогда все обошлось, необходимую сумму он смог собрать, заняв денег у всех старых знакомых – и после еще полтора года, соблюдая строжайшую экономию, по частям отдавал их – и работал, трудился что есть силы, стремясь стать лучшим и незаменимым офицером в своем гарнизоне. Скука, а затем и равнодушие ко всему – страшная сила: именно они становились злейшими врагами мелкого колониального офицерства, и Эдварду не раз доводилось видеть, как достойнейшие люди в пять-шесть лет превращались в жалких пьяниц, забияк или откровенных садистов, с превеликим удовольствием издевавшихся над солдатами за малей-

шую провинность, попадавших в нелепейшие и нередко заканчивавшиеся чей-либо смертью истории – лишь ради того, чтобы вдали от непосредственно военных действий, в глуши и серой рутине дней вновь ощутить себя живыми. Он клялся себе, что никогда не станет им подобным; но и самого Дойли потихоньку начинало затягивать в эту трясику – на исходе второго года своей службы в Нью-Лондоне, неполных двадцати трех лет он уже начал позволять себе по вечерам обязательных два-три стакана бренди и как минимум один – с утра, чтобы избавиться от неприятной ноющей боли в затылке. Конечно, он мог обойтись и без этого – по крайней мере, уверен был в этом – но тогда настроение его на весь последующий день становилось на редкость отвратительным, и Эдвард, приметив такую закономерность, решил все-таки не отказывать себе в этой маленькой слабости. Армейская жизнь не слишком баловала его, а все свои обязанности он выполнял исправно – так почему бы и нет? Тем более что спустя всего несколько жалких месяцев всей его жизни оказалось суждено перевернуться с ног на голову, и Дойли наконец-то стало действительно не до мыслей о вине...

Мэри Фостер была дочерью одного из влиятельнейших людей на Бермудских островах, несколько раз назначавшегося временным губернатором сэра Джосиаса Фостера – но даже будь ее отец одним из сотен переселенцев из Старой Англии, отправившихся в Новый Свет в поисках лучшей жизни, Эдвард все равно никогда не смог бы выбросить из памяти ее светлый образ. Было в этой девушке то, что сразу отличало ее от всех прочих женщин, куда более важное, чем яркие голубые глаза, золотистые волосы и не тронутая солнцем фарфоровая кожа: уверенность и удивительное спокойствие, с которыми она шла по жизни, ее бесстрашие и необыкновенная душевная сила, щедро даримая всем окружающим. Тогда еще капитан Дойли, конечно, понимал, что ему ни за что не стать мужем подобной девушки – да он и сам не посмел бы о таком задумываться, не имея возможности дать ей все блага этого мира.

Он был уверен, что пройдет три, четыре месяца – и Мэри непременно выйдет замуж; но спустя год Эдвард получил звание майора, а мистер Фостер даже не заговаривал о свадьбе дочери. Конечно, ему некуда было торопиться: Мэри едва минуло шестнадцать, она вполне могла радовать дом отца своим присутствием еще несколько лет – но Эдвард отчаянно спешил, боясь, что кто-нибудь опередит его. И раньше крайне ревностно относившийся к своим обязанностям – как все люди, многого добившиеся лишь своим трудом, он был честолюбив и в глубине души всегда мечтал о карьере в Лондоне – он вовсе с головой ушел в решение воинских вопросов и всеми правдами и неправдами добился-таки спустя еще четыре года звания подполковника и значительной прибавки к жалованью.

Весь мир, казалось, лежал у его ног, когда он, не веря своему счастью, летел в дом теперь уже претендовавшего на должность постоянного губернатора Фостера – и сперва подумал, что попросту сошел с ума, услышав тихий, но решительный ответ девушки:

– Благодарю вас, мистер Дойли. Поверьте, я очень ценю ваши чувства и навсегда останусь вашим преданным другом, но я... Я уже обещана другому.

– Кому?!.. – тогда с трудом выговорил он, слепым безумным взглядом впиваясь в ее прекрасное лицо. Любая другая девушка испугалась бы его в такую минуту, но Мэри лишь мягко отстранилась, без слов прося его уйти – и Эдвард знал, что ни за что она не открыла бы ему имени его счастливого соперника. В тот вечер он впервые в жизни напился по-настоящему.

На памяти Эдварда хоть раз подобным образом срывался каждый офицер в их гарнизоне, офицеры, и практически всем это сходило с рук – полковник Ричардсон был человеком понимающим и хорошо знавшим слабости своих подчиненных. Но именно на следующий день – когда Дойли, силой одной лишь многолетней выдержки вынудил себя подняться с постели с чудовищной головной болью и мучительным чувством ненависти ко всему, что его окружало – в расположение части прибыл генерал Эффорд, старый почтенный ветеран многочисленных войн, известный своим суровым нравом, неукоснительным следованием воинскому уставу и ненавистью к пьяницам всякого рода. Не удивительно, словом, было то, что именно Эдвард

попался ему на глаза – при всем желании он не смог бы скрыть полностью последствий бурных ночных возлияний. Он и сам сознавал, что виновен полностью, а потому не стал бы оправдываться; но, глядя в побелевшие глаза генерала, честившего вытянувшегося перед ним во фронт старика Ричардсона, Дойли совершил то, чего никогда, ни при каких обстоятельствах не позволил бы себе прежде – сделал два шага вперед и очутился прямо перед разъяренным Эффордом.

– Р-распустили полк! Безобр-разие! Как были бесхребетным слюнтяем всю жизнь... – успел еще прокричать тот в совершенно закаменевшее, судорогой сведенное морщинистое лицо Ричардсона, и тут Дойли поднял руку. Послышался негромкий, но в мертвой тишине даже до неприличия отчетливый звук пощечины; и в ту же секунду Эдварда схватили с обеих сторон сзади, швырнув грудью о землю так, что в голове у него все смешалось. Как ни странно, стыда за содеянное он не почувствовал – лишь веселое и озлобленное удовлетворение.

Последующие пять или шесть часов на гаупвахте Дойли помнил смутно. Конечно, он знал, что безнаказанным его поступок не останется; той частью себя, которая еще могла что-то чувствовать, он остро и мучительно ощущал вину за позор, которым покрыл полк и своего командира – но все больше и больше изнутри него поднималась при мысли об этом каждый раз какая-то пустота, полная тошнотворного равнодушия. Его выпустили ближе к вечеру – по-видимому, сразу же, едва генерал Эффорд уехал – и к тому моменту Эдварду было уже совершенно все равно, что ждет его после утренней выходки.

Старый полковник Ричардсон, годившийся ему в отцы и всегда искренне радовавшийся его успехам – по слухам, он очень хотел иметь сына, но в его доме росли и хорошели только шесть дочерей-погодок – долго мялся, не зная, как начать. Он был одним из тех, у кого Эдвард когда-то брал в долг, чтобы получить офицерский патент, и очень хорошо знал, что тот живет на одно лишь жалованье; но случившееся, конечно, невозможно было игнорировать. Наконец Дойли поднял на него сумрачный взгляд, глухо произнес:

– Я подам в отставку, сэр. Не утруждайте себя, – и вышел, забыв на столе шляпу.

...От выпитого рома уже изрядно кружилась голова, съеденные сухари и мясо оставили после себя приятное ощущение сытости, а сам Эдвард растянулся прямо на составленных в углу бочках, решив немного подремать перед своей вахтой, когда откуда-то сверху сквозь все перегородки послышался негромкий звук, скорее похожий на хлопок – но то в глубине корабля, а наверху он должен был быть значительно отчетливее...

Так и оказалось: с верхней палубы сразу же раздалось несколько возбужденных, говоривших наперебой голосов, и число их тотчас начало увеличиваться. Дойли, ухватившись за тяжелую голову, словно вознамерившуюся отделиться от тела и пуститься в пляс, со стоном поднялся на ноги и похолодел: неужели нападение? Теперь, когда они захвачены врасплох каким-нибудь испанским галеоном-охотником, предназначенным именно для борьбы с пиратами, знающим все их уловки... А он сам еще и пьян настолько, что едва может удержать в руке саблю! Прежде Эдвард не боялся смерти и был уверен, что сможет дать отпор любому противнику, но именно в этот момент он впервые ощутил мерзкий, липкий, лишаящий способности ясно мыслить страх лишиться бесценной, несмотря на все ее изъяны, жизни.

На палубе и впрямь творилось что-то странное: стоило Эдварду выбраться из трюма, как он сразу наткнулся в толпе сперва на Джека, с крайне озабоченным видом втолковывавшего что-то Макферсону, затем на Питера, мгновенно отвесившего ему затрещину и возмущенно поинтересовавшегося, где его, Эдварда, носит, но ответить ничего толком не успел. Рулевой Фрэнк Морган, дюжий широкоплечий человек лет сорока пяти, вечно хмурый и имевший привычку брать на себя боцманские обязанности по так называемым «обучению» и «воспитанию» молодых матросов, бесцеремонно сгреб его за шиворот и велел:

– Поплывешь с ними: жаль добрых ребят пускать на такое.

– Значит, все-таки... – не то возмущенно, не то испуганно начал было Питер, но Морган, даже не взглянув на него, отрезал:

– Приказ капитана. Бери тех двоих и поторопись, долго вас ждать никто не будет.

В том, что именно произошло, Эдвард с грехом пополам разобрался лишь после того, как они четверо, спустив шлюпку на воду, взялись за весла, и хмурый, крайне встревоженный Питер снизошел до скупых объяснений:

– Вон тот островок впереди видишь? С него, значит, выстрел и раздался. Может, кто-то помощи просит, а может, там засада. Капитан наш не захотел рисковать, поэтому...

– Поэтому послали тех, кого не жалко, – усмехнулся Эдвард. От жары и духоты у него так раскалывалась голова, что ощущение опасности даже отошло на второй план.

– За себя говори, Неудачник! – задетый за живое, крикнул сидевший на носу Дэнни – самый молодой из них четверых. – Тебе-то, может, уже нечего терять, а я сегодня умирать не собираюсь!

– Притихните оба! Раз уж нас приговорили, придется выкручиваться самим, – проворчал Эйб, уже пожилой и самый опытный среди них, запойный пьяница и картежник, благодаря чему и оставался в свои сорок лет простым матросом и имел нелестную репутацию человека, которому нельзя верить. Однако теперь Питер с нескрываемой надеждой смотрел на него:

– И как мы будем это делать?

– Будто ты сам не понимаешь, – буркнул Эйб, прищуренными красноватыми глазами разглядывая голубоватый силуэт крошечного островка впереди. – Причаливать не станем, пройдем так в пятидесяти ярдах от берега, покричим для виду и вернемся. Я прихватил три мушкета – держите наготове, – велел он, заранее передавая оружие Питеру и Дэнни и беря последний сам. Эдвард стиснул зубы: у него имелся с собой кремниевый пистолет с запасом в десяток пуль, но ставить остальных в известность об этом теперь было глупо и бессмысленно. Оставалось лишь молча проглотить обиду и продолжать грести.

– Тебе, Неудачник, не даю, а то вдруг спяну ногу себе прострелишь, – хрипло рассмеялся Эйб, вновь берясь за весло. Питер и Дэнни поддержали его дружным хохотом.

Дойли молчал, гребя все сильнее и ожесточеннее, так, что шлюпку, несмотря на течение, все равно постоянно заворачивало на правый, противоположный борт. Солнце слепило глаза, мучительно хотелось выпить – уже не рома или вина, а простой пресной воды, которая на корабле была куда ценнее любого алкоголя – к тому же голова с каждой минутой принималась болеть все сильнее, раскаленным обручем обнимая лоб и впиваясь в виски, добираясь, казалось, до самого черепа. Эдварду было уже совершенно все равно, куда они гребут и что их ждет; он даже не поднимал слезящихся глаз на издевательски сверкающую морскую гладь, надеясь лишь, что через какое-то время его товарищи скажут, что можно разворачивать шлюпку и отправляться обратно на корабль.

На корабль, где снова будет грязная, тяжелая работа, любопытные взгляды остальных: и сколько ты еще продержишься, гордый Эдвард Дойли, бывший офицер бывшего короля и нынешнего правительства? Недостойный даже того, чтобы просто зваться хорошим матросом, знающим свое дело – в какую ночь вместо ночной вахты, самими пиратами названной «собачьей», ты проберешься в трюм и там потихоньку удавишься, перед тем напоследок еще раз приложившись к краденому рому? Ибо даже им, пиратам, отлично известно, что трезвым ты ни за что не осмелишься свести счеты с жизнью, потерявшей цену даже для тебя самого...

– Эй, ты оглох, что ли? Влево заворачивай, говорю! – пихнув его в спину, зло прикрикнул Дэнни. Эдвард вскинул на него пустой, отрешенный взгляд:

– Я слышу. Вдоль берега пойдем?

– Даже подозрительной трубы для нас пожалели... Не видно ни черта, не здесь будь он помянут, – пожаловался Эйб Питеру, словно не заметив ни оплошности Эдварда, ни выходки Дэнни.

– Вот уж действительно... И ближе не подобраться, тут уж они сами нас достать могут, – отозвался тот, шурясь на потемневшую полосу берега и приобретшие очертания макушки пальм, возвышавшихся на высоте добрых двадцати футов над песком.

– Едва ли. Для выстрела из ружья или мушкета расстояние слишком велико, устанавливать пушки на этом острове – нецелесообразно, а корабль мы бы уже заметили, – глухо прошептал Эдвард, без особого интереса разглядывая бившиеся о борт шлюпки гребни волн.

– Тебя забыть спросили, – недовольно хмыкнул Питер, вновь пересаживаясь на корму. – Дэнни, у тебя глаза молодые, всяко лучше наших с Эйбом – глянь, есть там кто?

– Глядел уже, – отозвался юноша, запустив пальцы в свои длинные светлые волосы, свившиеся в такой узел, что без помощи ножниц распутать его было бы невозможно при всем желании. – Нету там никого! Подозрительно это. Лучше бы уйти подобру-поздорову, пока...

– Что ты заладил: «нету» да «нету»? Сигнал-то ведь кто-то подал? – возмутился Питер. – Гляди еще раз, я говорю!

– А может, это и не сигнал вовсе был? Может, это у нас самих в трюме что-нибудь взорвалось? Вон, Неудачник там лазил, он, небось, и...

– Ну, ты ври, да не завирайся! Что же, капитан с боцманом не сообразили бы, откуда звук идет? – вмешался старый Эйб. – У меня, брат, и у самого на такие вещи слух наметанный. С острова стреляли, как пить дать.

Дэнни со злостью взглянул на него и предположил:

– Может, сигнал был и с острова, но кто его подал? Я слышал, в этих водах и вовсе, – голос его упал до низкого шепота, – людям оттого мерещатся всякие странности, что тут нечистая сила водится. Подманивает любопытных, а потом и утаскивает к себе на дно...

– Ты еще про «Летучий Голландец» скажи! Ишь, знаток какой выискался, – с досадой оборвал его Питер, снова поворачиваясь лицом к островку. Но тотчас его загорелое лицо смертельно побледнело, на губах замерли не успевшие сорваться слова – с неприкрытым ужасом он протянул руку, указывая пальцем на что-то впереди. Дэнни, тоже взглянув туда, отшатнулся, едва не перевернув шлюпку, рухнул на Эдварда, вырвал у того из рук весло и выставил его перед собой, как пику.

– Святая мать Божья, – с не меньшим ужасом прохрипел скорчившийся за спиной Питера Эйб. Дойли, сидевший позади них и потому видевший меньше остальных, в растерянности пытаюсь понять, что же столь страшного те увидели. За прошедшие месяцы он успел неплохо разобраться в пиратских обычаях, суевериях и легендах, но все равно не встречал в них образа или персонажа, способного до полусмерти напугать троих взрослых мужчин – и поэтому неизвестная опасность страшила и его тоже.

Сперва он увидел лишь точку, похожую на булавочную головку, то поднимавшуюся на гребне волны, то полностью исчезающую под водой. Она медленно, но верно приближалась, и вскоре Эдвард разглядел уже темную тень, причудливо изгибавшуюся и короткими, судорожными рывками подбиравшуюся все ближе к шлюпке.

– Да ведь это же человек! – осененный внезапной догадкой, воскликнул он. Остальные со смесью возмущения и удивления оглянулись на него.

– Какой еще человек?! У тебя последние мозги ромом вымыло? – охрипшим голосом выдохнул Дэнни. – Посмотри, разве это похоже на...

– Это он подал сигнал, – убежденно возразил Дойли. Питер переглянулся с товарищами.

– Вполне возможно, что и так, – с заметным облегчением сказал он в итоге, опять беря в руки весло. – Но тогда нам тем более надо убираться отсюда.

– Зачем? – растерялся Эдвард.

– Ты что, совсем не соображаешь? – снова встрял Дэнни. – Это ж явно засада! А тот человек – просто приманка!

– Или он потерпел крушение либо был оставлен на острове умирать, и ему требуется помощь, – скороговоркой выпалил Дойли, стиснув зубы – сама необходимость с кем-то спорить угнетала его, и больше всего Эдварду хотелось замолчать, сесть за весла и отправиться обратно на корабль. Но резкие, совершаемые с явным напряжением последних сил, больше похожие на конвульсии движения незнакомца вызывали у него невольную жалость и смутное желание помочь.

– Брось, парень. Не знаешь, так не говори, – по привычке ворчливо, но несколько мягче пробурчал старый Эйб, протягивая ему весло. – Было б так, сроду он в воду не сунулся, сил не хватало бы: в этакую жару люди без питья и двух дней на ногах не держатся.

Эдвард покорно принял весло, сделал несколько пробных гребков – неизвестный задержался в воде отчаяннее, пытаясь нагнать начавшую удаляться от него шлюпку. Ему явно не хватало сил на то, чтобы одновременно держаться на плаву и бороться со встречным течением, сносившим его назад. Быть может, это и впрямь было мастерски разыгрываемым спектаклем, рассчитанным на то, что люди в лодке сжалятся и решат подойти поближе... В конце концов, пиратам, много лет плававшим в этих водах, лучше известны подобные уловки!

Эдвард снова оглянулся через плечо на темную тень, подумал и с силой швырнул весло на дно шлюпки, под ноги оторопевшим товарищам:

– К черту! Я сам поплыву туда.

Плавал он, благодаря прошлому юнги и последним месяцам службы на судне, вполне сносно. Эдварду хватило всего пяти или шести минут, чтобы подплыть к неизвестному на расстоянии десятка ярдов. Темная фигура хрипела и булькала что-то невнятное: держаться на воде несчастному, похоже, становилось все труднее. Дойли заколебался: еще, чего доброго, решит утащить его за собой на дно, спятив от жары и обезвоживания – но, устыдившись таких мыслей, подплыл ближе. Худая смуглая рука тотчас уцепилась за его плечо.

– В... В-вы... – Голос оказался женский, хотя и страшно сорванный и сиплый. Эдвард, подавив желание отшатнуться, правой рукой торопливо принялся загребать, чтобы удержаться на плаву, а левой поймал незнакомку за подбородок. Все возможные мысли мгновенно вылетели из его головы, когда он разглядел ее лицо. С запавшими щеками, отчетливо выступающими под сухой кожей скулами и дугами бровей, ярко и жутко блестящими глазами – на него было сложно и неприятно смотреть, не выдавая внутреннего содрогания. Охваченный жалостью и отвращением, Эдвард поспешно отвернулся обратно к шлюпке:

– Сюда! Сюда, скорее! Нам нужна помощь! – Собственный голос вдруг показался ему слабым и жалким.

– По... мощь, – хрипло повторила за ним девушка – трудно было в таком состоянии определить ее возраст, но Эдварду показалось, что она лет на пять или шесть моложе его – и вновь с дикой, обреченной силой впиалась ногтями в его плечо. – Е... ему.

– Кому? – не понял Дойли. Незнакомка не отвечала, переводя дыхание – воздух со свистом выходил из ее сухого горла и направлялся обратно. – На острове остался кто-то еще?

Шлюпка была уже совсем близко. Эдвард почти без усилия – тело девушки, казалось, не весило совсем ничего – перетащил незнакомку через борт и сам тяжело плюхнулся рядом:

– Воды, воды дайте скорее, она умирает!

Питер, с сомнением посмотрев на него, отстегнул от пояса объемную флягу. Дойли, позабыв о головной боли и намокшей одежде, мерзко облепившей тело, выхватил ее, подполз к девушке, приподнял ее горячую голову и поднес флягу к судорожно шевелившимся губам. Вниз он старался не смотреть: одного звука жадно втягиваемой сухим горлом воды было достаточно, чтобы его начало мутить.

– Хватит, хватит, – спохватившись, вмешался Эйб. – Нельзя сразу много пить. Бедняжка, сколько же она пробыла на том острове?

– Во... восемь... дней, – глухо проговорила девушка. Лежа на спине, она жадно слизала с губ остатки воды, и в ее остановившемся взгляде вдруг появился ужас: – Б... Б-Билл...

– Это ваш товарищ? – сжимая ее слабую горячую руку, спросил Эдвард. Страшные, черные, будто у какого-то огромного насекомого, глаза девушки засверкали:

– Он там, на ост... ро... ве. Я... По... пожалуйста, я... в поряд... ке. Помогите ему!.. – вдруг захрипела она совершенно разборчиво, с явным усилием приподнимаясь на локтях и хватаясь за рукав Эдварда. – По... можете!..

– Хорошо, хорошо, мы поможем! Я обещаю, – поспешно прибавил тот, догадавшись, чего от него ждут. Девушка снова откинулась на спину, что-то невнятно бормоча.

– Плохо дело. На остров ее тащить нельзя, того и гляди концы отдаст, – через плечо озираясь на нее, негромко проговорил Питер.

– Так что же, бросаем того, второго? – с надеждой спросил Дэнни.

– Не бросаем, а отвозим его подружку на корабль, все объясняем капитану и возвращаемся. Или лучше с ней же...

– Не лучше, – внезапно перебил его Эдвард. В последние месяцы он уже отвык от единоличного принятия решений, но на сей раз молчать у него почему-то не получалось. Не сводя глаз с лежащей девушки, он глухо потребовал: – Везите ее на корабль прямо сейчас. Объясните все капитану и попросите выслать подмогу. Если не даст, просто отправляйтесь на остров еще раз и...

– А ты сам? – нахмурился Дэнни.

– Я поплыву на остров и посмотрю, что там. Второму, может, уже не помочь, а ей еще можно, – отрезал Дойли. Он поднялся на ноги, поежился, еще раз взглянул на девушку и спрыгнул в воду.

Течение быстро вынесло его на пологий песчаный берег. Островок был не слишком велик: с десятков кокосовых пальм, густо разросшаяся у их подножий трава и торчавшие кое-где возле выбившихся из песка узловатых корней редкие кустарники. С трудом верилось, что в этом месте в самой середине нестерпимо жаркого карибского лета люди смогли больше недели выживать без запасов еды и воды.

Впрочем, наиболее вероятную тому причину Эдвард увидел, только-только выбравшись на берег. В десятке шагов от него на песке стояла непонятная конструкция, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся обернутой пальмовыми листьями скорлупой кокоса, в которой находилась другая, поменьше, наполовину заполненная пресной водой. Дойли усмехнулся: он слышал во время обучения в офицерской школе о таком нехитром способе преобразования непригодной для питья морской воды с помощью ее испарения и сбора затем в другую емкость, но не предполагал, что ему доведется увидеть его в действии. Неужели та девушка додумалась до такого? В том, что никакой засады на острове не было, а его невольным обитателям и впрямь требовалась помощь, он уже не сомневался.

– Эй! Здесь есть кто-нибудь? – громко позвал Эдвард. Заметив на песке ведущую к пальмовой роще цепочку свежих следов – должно быть, оставленных спасенной девушкой – он направился туда, не переставая повторять: – Я хочу помочь вам! Я знаю, что вы здесь. Пожалуйста, отзовитесь!

Следы закончились на границе песка и травы, но примятые кое-где высокие стебли, кусочки рыбьей чешуи и скорлупы кокосовых орехов указывали дорогу не хуже них. Подозрительно полная, звенящая тишина вокруг настораживала, и Эдвард, несмотря на свою недавнюю уверенность в отсутствии опасности, потянулся за пистолетом. Бог весть, что случилось с той девушкой... может, она попросту сошла с ума и вообразила, что все эти дни была тут не одна? Эдвард с досадой оглянулся на далекий корабль, едва видимый из-за плотной занавеси пальмовых листьев. Вернутся ли за ним? Быть может, ненавидящий его Джек воспользуется этим шансом, чтобы навсегда избавиться от него... Дойли помнил, что не в пиратских обычаях

бросать своих товарищей на произвол судьбы иначе, кроме как по решению всей команды – но едва ли это правило распространялось на него самого.

Разозленный и испуганный этой мыслью, он повысил голос:

– Меня зовут Эдвард Дойли! Ваша... спутница прислала меня, чтобы помочь вам. Пожалуйста, отзовитесь, у нас не так много времени!

За его спиной еле слышно зашелестела на ветру трава. Эдвард мгновенно обернулся, вскинув перед собой пистолет – и наконец увидел лежащее в густых зарослях и наполовину ими скрытое неподвижное темное тело. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что помощь здесь уже не требуется: мужчина был давно и окончательно мертв. Правая рука его все еще зажимала глубокую рану на левом плече, неумело перевязанную пальмовыми листьями и обрывком уже начинавшей подсыхать лианы. Запекшаяся кровь была отталкивающего густо-коричневого цвета, и над ней, негромко и монотонно жужжа, кружились крупные черные мухи. Одна из них, особенно настырная, крутилась прямо у лица мужчины, и Эдвард, через пару секунд справившийся с первым, инстинктивным позывом тошноты, заметил, что губы умершего были влажные, словно кто-то лил в них воду, и по ним были растерты белые кокосовые волокна.

– Да ведь она сумасшедшая! – с отвращением отвернувшись, прошептал Дойли. Одной рукой он уперся в холодную, сразу показавшуюся скользкой и липкой траву, а другой зажал рот и нос: его все еще мутило, а труп, будучи как минимум двухдневным, уже начинал издавать тот особый, душно-сладковатый смрад, хорошо знакомый любому, кто хоть раз имел с ним дело. – Он, должно быть, умер от раны, а она все его кормила и считала еще живым! Господи, Господи!

Он не помнил, как добежал до берега, рухнул на колени в воду и долго умывался ею. Соль мерзко щипала глаза, и это, в конце концов, отрезвило Эдварда. Первая волна естественного отвращения схлынула, и теперь в его памяти снова возник образ спасенной девушки: ее горящие безумной, но оттого не менее искренней мольбой о помощи глаза, ее хриплый, сорванный голос, худые руки, бессильно цеплявшиеся за его одежду... Кем приходился ей умерший? Муж, любовник, старший брат, быть может, очень близкий друг – кого еще она могла столь отчаянно желать спасти? Эдвард знал, что голод и жажда делают с людьми, как они заставляют идти на самые жестокие поступки ради собственного выживания – и добровольно терпеть их, отдавая другому, заведомо обреченному, скудные крохи еды и питья... Жалость к выжившей девушке все сильнее закипала в его сердце.

По крайней мере, оставалось еще одно, что он должен был сделать для нее, прежде чем покинуть этот зловеющий остров.

Песок легко поддавался ножу: всего через полчаса была готова глубокая, просторная яма, и Эдвард, отвернувшись, чтобы не вдыхать, за ноги дотащил и уложил в нее труп. Подумав, закрыл ему лицо своим платком, с трудом уложил непослушные окоченевшие руки на груди крестом и принялся закапывать. Подумалось, что нельзя вот так просто, без молитвы; Эдвард, напрягая заметно ослабшую в последние месяцы память, начал вполголоса читать «Pater noster»¹, не выпуская из рук ножа. Закончив, он еще какое-то время простоял на коленях, перекрестился и с трудом поднялся на ноги. Кружилась голова, очень хотелось пить, но уже как-то отвлеченно, словно жажда отошла на второй план. Медленно, устало, с давно забытым чувством исполненного долга Дойли поплелся обратно на берег. У него не было ни капли сомнения в том, что корабля на горизонте он уже не увидит, но и это стало почти безразлично.

Эдвард усмехнулся: значит, вот как все происходит на этом острове. Сперва жажда, голод и страх, затем все возрастающее равнодушие, а потом – смерть. И тишина, звенящим пологом окутывающая все вокруг... Ну так что ж – разве гибель в бою чем-то лучше подобной участи?

Добравшись до воды, он ладонью зачерпнул ее и умылся, привычно зажмурившись. Уселся на горячий песок, спокойно наблюдая за лизавшими его босые ступни теплыми вол-

нами, поднял голову и вдруг громко, во весь голос рассмеялся: от «Попутного ветра», все еще видневшегося вдали, к острову медленно и словно бы неохотно направлялась шлюпка.

Глава II. Остров смерти

Сознание возвращалось к спасенной девушке медленно, вспышками, перемежавшимися долгими часами полубоморочного сна. Тогда она изредка поднимала голову, с усилием глядя на окружающих – доктор Халуэлл, осматривавший ее, начинал спрашивать, как та себя чувствует, но добиться от нее ответа было равносильно тому, чтобы Генри внезапно выучил уже месяц не желавшие запоминаться названия всех парусов, а боцман Макферсон перестал каждый вечер чистить свой любимый мушкетон. Раньше всех понявший это Джек давно оставил попытки разговорить девушку и просто старался накормить бульоном с размоченными в нем сухарями, умыть и переодеть в чистое, пока та была в сознании. Эрнеста покорно принимала из его рук еду, вероятно, не вполне понимая, что делает, бессильно отворачивала лицо к стене и снова засыпала. Сны были для нее и спасением от того, что она не могла еще услышать, и лекарством для измученного тела, и бесконечной пыткой для не менее истерзанного разума. Во снах приходилось заново вспоминать события последних лет и тот проклятый остров, навсегда изменивший всю ее жизнь...

...Так легко, так просто все казалось ей семь лет назад, когда они вместе с Винченсо и Биллом впервые вышли в море на их общей шхуне «Кобра» – даже спустя годы та все еще оставалась флагманским судном в их флотилии, разросшейся до пяти кораблей. Винченсо команда практически единодушно выбрала капитаном, Билл удовлетворился ролью старшего помощника и боцмана «Кобры» – должность квартирмейстера спустя два года перешла к матросу Стивенсону, толковому и пользовавшемуся всеобщем уважением человеку средних лет, не раз своими советами выручавшему их троих – а сама Эрнеста стала их неизменным штурманом и главным источником идей по сбыту награбленных товаров. Даже когда денег едва хватало на то, чтобы выдать положенную команде долю и подготовиться к следующему рейду, втроем они всегда что-то придумывали и потом сообща праздновали очередную победу над смертью, не заполучившей их в свои холодные жадные лапы.

Но то было семь лет назад, а теперь Эрнеста все чаще замечала, что все важные решения Винченсо начал принимать самостоятельно или советуясь с кем-то в обход нее и Билла. И то это он делал явно неохотно, лишь тогда, когда не хватало даже его редкой изобретательности – своей властью Алигьери совершенно точно ни с кем делиться не желал. Возможно, ее саму какое-то время он бы согласился потерпеть – ее связи и умение заводить знакомства еще были нужны ему. Возможно, смирилась она полностью с его властью и демонстрирует это команде при каждом удобном случае, Винченсо даже не стал бы ничего предпринимать. Возможно...

Но Билл Катлер, их старина Билл, сильный, добродушный, вспыльчивый, отходчивый и беззаветно преданный как друзьям, так и их общему делу, при всем желании не смог бы понять таких тонкостей. За него следовало опасаться прежде всего, но после двухдневного бегства от не первый месяц гонящихся за ними униженных рядами пушек испанских «охотников» Эрнеста настолько устала, что легла спать прямо на заваленный картами и листами с расчетами стол. Когда с верхней палубы послышались крики, а затем звук выстрела, она сперва даже ничего не поняла. Но на столе было жестко и неудобно, поэтому сразу же снова заснуть у нее не получилось. А потом сквозь никак не утихающий гул человеческих голосов сверху она различила голос Билла – громкий, яростный, полный боли и гнева...

...На палубе было полно народу – собрался, казалось, весь экипаж «Кобры» и не меньше десятка человек с каждого из остальных кораблей – но Эрнеста почему-то сразу же увидела именно Винченсо. Раскрасневшийся, возбужденный, в расстегнутом жилете, он стоял на капитанском мостике и размахивал какой-то бутылкой, в которую, как она успела разглядеть, вложен был клочок белой бумаги.

– Смотрите, братья! Вот оно, сообщение со сведениями о нашем маршруте, адресованное неприятелю! Подписанное...

– Это ты мне подбросил, – глухо, хрипло перебил его Билл. Двое дюжих матросов за плечи удерживали его на коленях, и при виде этой унижительной позы у Эрнесты потемнело в глазах.

– Пропустите, пропустите меня! – изменившимся голосом потребовала она, проталкиваясь к другу и сразу же беря его за руку. – Вставай, Билл, вставай, все в порядке... Отпустите! Что случилось, в чем они тебя обвиняют?

– Нэнси, – с какой-то иступленной мольбой глядя на нее, торопливо заговорил мужчина, – Нэнси, Богом клянусь, я никогда в жизни...

– Уильяма поймали, когда он отправлял это сообщение нашим врагам, – поспешно перебил Винченсо, спускаясь с капитанского мостика и подходя к ним. Злополучную бутылку он все еще держал в руках. – Вот, можешь взглянуть и убедиться, это его почерк.

– Да я и так скажу вам, что это подделка! – в запале крикнула девушка, но, спохватившись, выхватила бумагу: – Нет, нет, лучше я все-таки взгляну... Вот, капитан, посмотрите! Билл всегда делает большие отступы, когда начинает писать с новой строки – мистер Стэнли, помните, вы жаловались, что на него бумаги не напасешься? Вот, вот, еще взгляните: буква «а» написана по правилам, хотя Билл всегда ставит крючок вместо перекладки, и здесь...

– Мисс Морено, – Винченсо, зная ее нелюбовь к этому обращению на английский лад, крайне редко называл ее так, но теперь Эрнеста даже забыла его поправить, ее потряс его тон: официально-холодный, враждебный, словно у совершенно постороннего человека. – Мисс Морено, некоторые искажения почерка – возможно, кстати, сделанные намеренно – не снимают подозрений с человека, чьему преступлению есть свидетели и очевидное объяснение. В него, смею заметить, входят и ваши попытки...

– Какие еще свидетели? Да ты спятил, Винченсо! – в отчаянии закричала она, позабыв, что, теряя спокойствие, играет по его правилам: вся команда настороженно наблюдала за ними, слушая каждое слово. – Ребята! Разве вы забыли, о ком речь? Помните, как мы попали в мертвый штить возле Сен-Симонса и стояли там три недели, не зная, случится ли вовсе попутный ветер? Не Билл ли тогда поддерживал всех и каждого, когда и у капитана, и, если честно, у меня опустились руки? Помните, как в схватке с «Грозой пиратов» Билл первым ворвался на вражескую палубу и зарубил их капитана? Помните ли, как он застрелил рулевого «Морской Удачи», благодаря чему мы смогли тогда не только одержать победу, но и забрать себе судно почти без потерь? Помните...

– Что толку говорить о прошлом? Каждому из нас найдется, что сказать о себе! – проревел под одобрительный гул своих товарищей плотник Марти – широкоплечий здоровяк полных шести футов росту, славившийся своей безусловной верностью Винченсо.

– Но не каждого из нас ведь обвиняют в предательстве!

– Быть может, – глаза капитана опасно сверкнули, – быть может, мисс Морено так защищает предателя, потому что ей самой есть что скрывать?

– Что ты сказал? – Эрнеста стремительно, всем телом повернулась к нему. Мгновение – и ее тонкие сильные руки сомкнулись на вороте его рубахи, прежде чем Марти и остальные успели оттащить ее.

– Нэнси! Нэнси, не вздумай! – предостерегающе крикнул Билл, силясь подняться на ноги. Даже вчетвером вырвать капитана из рук Эрнесты никак не выходило: намертво вцепившись в разорванный воротник, она продолжала повторять, глядя в лицо Винченсо:

– Ты нас с ним убить решил, да? Мало власти тебе... Мало, пока мы живы. А кто из нас сколько во все это вложил, помнишь? Черта с два ты остался бы капитаном без Билла, черта с два продал бы добычу без меня! – Ей заламывали руки, оттаскивали за локти и плечи назад, а Эрнеста все не умолкала: – Кто тебе чертил все фарватеры, кто ночей не спал, чтобы

только в шторм не попасть, кто каждый раз договаривался с командой, лишь бы тебя не сняли с должности капитана?! Забыл, да? Это не только твоя заслуга!..

Билл, кое-как высвободив одну руку, тотчас уложил двоих из четырех державших его матросов, пробился к ним, обхватил девушку за пояс и оттолкнул к себе за спину, загораживая от столпившихся вокруг членов команды. Винченсо, в разорванной рубаше, утиравший текшую из носа кровь, едва отдышавшись, проорал:

– Марти, сейчас же обыщи ее каюту! Найди, найди... что... – и без слов было понятно, что исполнительному боцману следует «найти», и Эрнеста, стиснув зубы, с отчаянием поняла, что этой ожидаемой выходкой погубила не только друга, но и себя. Однако Билл в очередной раз, далеко не первый со времени их знакомства, удивил ее.

– погоди, капитан. Никуда не надо ходить, – неожиданно с удивительным достоинством и почти спокойно проговорил он, и привыкшие подчиняться ему матросы невольно остановились. Даже Марти, заколебавшись, еще раз искоса взглянул на капитана, ожидая подтверждения приказа. Но Алигьери молчал, лицо его было непроницаемо.

– Чего ты хочешь? – наконец спросил он.

– Я признаю свою вину. Да, я сговорился с испанцами! Мне предложили немалую сумму денег – достаточную, чтобы осесть на суше и зажить спокойно, – глухим, чужим голосом проговорил Билл, крепко сжимая локоть Эрнесты. Впрочем, особой нужды в этом не было: от изумления девушка все равно не могла произнести ни слова. – Я признаю, что заслуживаю наказания, но прошу снисхождения в память обо всем, что сделал для команды, для нашего общего дела и... – Глаза его чуть заметно сверкнули. – И для вас лично, капитан.

Винченсо помрачнел, но в глазах его мелькнуло едва скрываемое торжество:

– Никакого снисхождения для предателей не будет!

– Снисхождения не для меня, – слегка охрипшим от волнения голосом ответил Билл. – Я действовал в одиночку, Эрнеста тут ни при чем. Она заступилась за меня, потому что... потому что считала достойным своей дружбы. Я прошу простить ей эту ошибку, капитан!

– Не нужно мне его милосердие, Билл! Не вздумай играть по его правилам, – вмешалась Эрнеста, прожигая Винченсо яростным взглядом. – Мы ни в чем не виноваты, нам не в чем признаваться!

– Это ваше последнее слово, мисс Морено? – прищурившись, отдельно и тихо переспросил Алигьери, и на секунду она ощутила с особой ясностью, что сила на его стороне. Только сейчас она заметила, что вокруг – сплошь и рядом люди, завербованные и нанятые Винченсо не позже года назад, порой даже и служившие не на «Кобре», но в этот вечер почему-то оказавшиеся на ее борту. Разумеется, для них единственным источником власти был Винченсо, и они выполнили бы любой его приказ – даже, может быть...

– Запереть ее! И позовите мистера Стивенсона. Пусть примет решение, каким должен быть приговор, – с едва уловимым торжеством распорядился Винченсо.

– Сволочь! – более чем хладнокровно принявший собственную участь, теперь Билл рванулся к нему, готовый задушить голыми руками – что, скорее всего, и сделал бы, не удержи его бывшие товарищи и не оттащи к грот-мачте – плотник Марти сам принялся привязывать его к шпилью куском сурового каната. Эрнесту, стиснувшую зубы – она понимала, что сопротивление сейчас бессмысленно – держа за локти, провели в трюм. Она еще слышала, как плевавшийся кровью после чьего-то особо жестокого удара в лицо Билл проклинал Винченсо, звал ее и клялся, что не позволит причинить ей вред – но его голос доносился все слабее сквозь многочисленные переборки и вскоре затих полностью.

Карцер находился в одном из нижних грузовых отсеков и, по сути, представлял собой просто помещение с несколькими решетчатыми клетками в человеческий рост. Проводившие Эрнесту матросы не стали с ней разговаривать, да и она не рискнула настоять – эти двое были новичками, совсем плохо ей знакомыми, и переманить их на свою сторону едва ли удалось бы,

а вот вызвать ненужные подозрения – вполне. Обыскать ее они, слава Богу, не догадались, и девушка, как только захлопнулась тяжелая дверь, вытянула из сапога припрятанный за голенищем кортик – не оставаться полностью безоружной никогда ее научил еще отец.

Нужно было спешить, лихорадочно думала она, просовывая кончик лезвия в скважину замка. Квартирмейстер Тобиас Стивенсон был уважаем всей командой за справедливость и беспристрастность, однако имел и еще одно качество, отмечаемое куда реже и немногими – в какой-либо рискованной ситуации он мгновенно определял приоритетную для себя позицию и сразу же занимал ее без колебаний. И если на сей раз он решит, что для него лучше принять сторону капитана, а не низложенных старшего помощника и штурмана...

Замок скрипел, но упорно не желал поддаваться. Эрнеста, изо всех сил сдерживавшая ругательства и дрожь в затекших руках, продолжала орудовать лезвием до тех пор, пока не услышала долгожданный щелчок замка. Засунув кортик обратно за голенище сапога, она выбралась из клетки и уже подбежала было к двери, когда та внезапно распахнулась.

– Так и знал, что нельзя надолго оставлять тебя одну, – с усмешкой заявил Винченсо, в сопровождении двух матросов вступив в карцер. Эрнеста невольно попятилась, но, овладев собой, скрестила руки на груди.

– Что это значит, Винченсо? – как можно более спокойно и твердо спросила она. – Правда, у нас с тобой были разногласия, но ведь не мог же ты посчитать меня и Билла предателями?

– Факты – вещь упрямая, мисс Морено, – с непроницаемым видом ответил Алигьери. Словно почувствовав в нем какую-то тщательно скрываемую слабость, Эрнеста мгновенно подалась вперед и положила руки ему на плечи:

– Какие еще факты, Ченси? Мы же втроем организовали это дело, помнишь? И мне, и Биллу наша команда дорога ничуть не меньше, чем тебе! Я признаю, что погорячилась – прости меня: очень уж мне было оскорбительно это обвинение. Но ведь ты и сам понимаешь, что мы в жизни не стали бы сотрудничать с врагами! Да и какой от этого прок? Для испанцев все мы – пираты, одинаково заслуживающие петли...

– Ты и сама испанка, – возразил Винченсо. – Неужели ты, с твоим умом и способностями, не сумела бы договориться с ними?

– Что?.. Ты серьезно?! Да я едва понимаю их язык, если хочешь знать! – сжав кулаки, с негодованием выдохнула Эрнеста. – Я никогда не была и не являюсь для них испанкой. Скорее уж ты, уроженец Сиены, смог бы договориться с ними!

– Что ты сказала?

– Что слышал! Думаешь, я и правда поверю, что Билл способен на такое? А вот ты вполне мог приказать кому-то из своих людей бросить за борт ту бутылку! Вот только ничего у тебя не выйдет, Ченси, – с нажимом продолжала она, не давая себя перебить. – В отличие от Билла, я-то тебе нужна. Если останешься в открытом море без штурмана – испанцы доберутся до тебя еще быстрее, чем до нас!

– Это вряд ли, – спокойно усмехнулся Винченсо и неожиданно извлек из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист бумаги, в котором Эрнеста с ужасом узнала карту с собственноручно час назад вычерченным ею фарватером. – До Тортуги мы доберемся без особых проблем, а там я найду другого штурмана. Вероятно, он не будет столь талантлив, как ты, – Алигьери издевательски ухмыльнулся, – но как знать? Может, это и к лучшему...

– Не посмеешь, – сжав кулаки и гордо вздернув подбородок, прошипела она прямо в сужившиеся до точек зрачки капитана, полные нестерпимой, наглой уверенности в себе и своей правоте. – Не посмеешь меня, словно какую-то...

– Не посмею? Ты права. Я сделаю кое-что получше, Нэнси, – с издевкой выговорил он старое обращение, давно забытое всеми членами команды, даже теми, кто еще был жив с того момента, как они впервые вышли в море на этой самой «Кобре» – один лишь Билл все еще

звал ее так. Только ему Эрнеста позволяла это, только на него не обижалась за излишнюю и бессмысленную опеку и глупые детские прозвища – на него, большого и не слишком умного, но отзывчивого, храброго и великодушного, ставшего ей старшим братом и единственным близким человеком за семь лет, проведенных бок о бок. И черта с два Винченсо мог рассчитывать, что угрозой смерти ухитрится мгновенно разорвать эту прочнейшую связь, куда крепче той, что была у каждого из них с ним самим или у него со множеством девушек в любом порту, в который они когда-либо заходили...

– Меня зовут Эрнеста Морено, – упрямо не опуская перед ним глаз, ответила она. – Мое имя уже знают и запомнят надолго, поверь! А капитана Винченсо Алигьери никто не вспомнит, даже если ему суждено ходить по морям еще сорок лет...

– Однако из нас двоих именно мне, а не тебе, доведется проверять справедливость твоих слов, – злорадно отрезал Винченсо, и она похолодела, поняв, что этот человек не отступится от своих слов. Холодная, жуткая злоба сверкала в его глазах, ставших на мгновение очень похожими на глаза хищной мурены, приготовившейся к атаке, когда Алигьери коротко приказал, обернувшись к ожидавшим за его спиной матросам: – Утопить. Немедленно.

– Что?.. Нет, нет! Отпустите меня! На помощь! – змеей извиваясь в чужой хватке, закричала Эрнеста – хотя ей и заломили за спину руки, заткнуть рот не догадались. – Ченси, не смей! Ты не можешь... – выворачивая шею, чтобы заглянуть в лицо то ему, то волокшим ее прочь из карцера матросам, все еще не веря в происходящее, повторяла она. – Алан, Питер, это же я привела вас на «Кобру»!.. Отпустите меня! Ради Бога, кто-нибудь, помогите! – Увидев над собой решетку трюмного люка, девушка забилась с новыми силами. Винченсо, шедший позади них, стянул с себя шейный платок, завязал посередине узел и, несмотря на яростное сопротивление, заткнул ей рот этим импровизированным кляпом.

– Ведите быстрее! – немного нервно потребовал он. Подумал, затем концами платка завязал отчаянно дергавшейся девушке и глаза. Теперь ей оставалось полагаться лишь на слух и осязание, но против троих сильных и вооруженных мужчин этого было явно недостаточно.

Свежий морской воздух, смешанный с неприятным запахом нечистот, ударил ей в лицо и, даже не слыша еще шума волн, Эрнеста поняла, что ее вытащили на гальюнную палубу – лишь с нее можно было столкнуть человека в воду, не привлекая лишнего внимания. Даже добивать не потребуется – острый киль корабля завершит дело не хуже пули в голову...

– Держи, держи ее! Я сейчас... – раздался голос одного из матросов, и она поняла, что момент настал. С силой откинувшись назад, затылком Эрнеста попала точно в лицо державшему ее со спины и ощутила, что сжимавшие ее запястья пальцы разжались.

– Держи ее!.. – проорал откуда-то сбоку Винченсо, но у Эрнесты не было времени думать: зная свой корабль до последней досочки, она метнулась к окну, подпрыгнула, обеими руками ухватившись за носовую фигуру, перебралась на бушприт и спустя несколько секунд уже оказалась на верхней палубе. Лишь теперь она сорвала с себя повязку – и застыла, похолодев.

Вся палуба была заполнена матросами, с веселым ревом особенно налегавшими на правый борт – там, где на узкой доске, ведущей прямо в море, виднелась одинокая фигура со стянутыми за спиной руками и так же, как у нее самой недавно, завязанными глазами.

– Держи ее! – раздался снизу голос Винченсо, как видно, бросившегося через трюм на палубу, и Эрнеста отмерла.

– Ребята! Мистер Стивенсон! – в последней, отчаянной надежде заговорила она. – Ни я, ни Билл ни в чем не виноваты! Капитан Алигьери только что пытался меня убить, потому что боялся, что я расскажу вам об этом!.. Вспомните, сколько всего мы с вами вместе прошли – я же ни разу не делала ничего, что бы могло вам навредить... Милостивым Богом клянусь вам, своей жизнью и памятью моих родителей – я не предатель!..

– Вот она! – выкрикнул показавшийся в отверстии трюмного люка Винченсо. Жар погоны, похоже, пересилил в нем даже обычную осторожность: обернувшись ко всем матросам сразу, он выхватил из-за пояса пистолет и громко велел: – Хватайте предательницу!

Все остальное Эрнеста, застывшая в понимании, что на расстоянии десяти шагов уйти от пули ей не удастся, запомнила смутно: вот чья-то рука уже поднялась, другая – коснулась кожи выше локтя – а затем тяжелое сильное тело врезалось в нее сзади, сбив с ног и отшвырнув прочь с линии огня. Билл, как был, связанный и ничего не видящий, сумел невесть как в толпе по голосу узнать ее, и теперь ринулся вперед в последней, отчаянной и бессмысленной попытке найти Винченсо...

– В воду, Билл! Скорее в воду! – охваченная единственной мыслью, что ее друг обречен на смерть, крикнула Эрнеста, и Катлер, казалось, услышал: он круто повернулся и бросился к ней. Ему оставалось всего несколько секунд, когда грянул выстрел. Билл, уже добравшийся до фальшборта, пошатнулся, сделал два неверных шага и, перевернувшись по плану, рухнул в воду. Эрнеста, ахнув, бросилась к тому месту, где он стоял всего мгновение назад: крик замер у нее на губах.

Холодное лезвие шпаги вкрадчиво царапнуло шею.

– Ну же, – выставив перед собой оружие, усмехнулся Винченсо. Глаза его указывали на воду. – Акулы ждут вас обоих.

Мгновение Эрнеста молча глядела на него, чувствуя, как борются, словно две огромные волны, ярость и гордость в ее душе. Затем она обернулась и посмотрела на изгибавшееся в воде среди расплывающегося кровавого пятна тело. Отец, отец! Что сказал бы он, увидев свою дочь в этом положении? И... что бы сделал сам на ее месте?

– Я не умру, – сдавленным шепотом выдохнула она и, подняв голову, повторила в лицо своему палачу: – Слышишь, ты – и пусть они тоже услышат: я не умру!..

Не раздумывая ни секунды более, она сразу бросилась прямо вниз, в окровавленные волны. Билл был хорошим пловцом, но простреленное плечо и связанные за спиной руки сделали свое дело: с огромным трудом Эрнесте удалось вытянуть его за собой на поверхность. Мгновенно с корабля раздался пистолетный выстрел, и пуля прошила воду в футах от них.

– Ныр... рять надо, – прохрипел Билл, отчаянно дергая связанными руками. Эрнеста обняла его за здоровое плечо, отчаянно ощупывая голенище своего сапога в поисках кортика, который обычно клала туда перед сном. Мокрая веревка резалась тяжело, но узел, слава Богу, оказался простым, и спустя несколько секунд ей удалось освободить запястья друга. Второй и третий выстрелы грянули практически одновременно.

– Вдохни поглубже, Билл! – только и успела проговорить она, увлекая его под воду. Когда они вынырнули, едва дыша, расстояние до корабля увеличилось до полусотни футов, но стрельба все еще не прекращалась.

– Даже шлюпку не дали, – со злобой проговорила Эрнеста, жадно хватая ртом воздух.

– Ост... ров, – отозвался Билл глухо, глядя куда-то ей за спину. Эрнеста обернулась и стиснула зубы:

– Значит, он и правда все подстроил!..

– Я знал, – тяжело наваливаясь на нее всем телом, продолжил Билл. – Знал, что Ченси... что он сделает что-то подобное. Зря ты... вмешалась. Он... давно уже...

– Тогда какого черта ты молчал?! – не сдержавшись, девушка впиалась ногтями ему в здоровое плечо.

– Я не верил... Думал, мне кажется. Прости, это я... я во всем... – голос Билла слабел, он явно с трудом держался на плаву. Эрнеста отвернулась к едва заметной на горизонте темной полоске земли:

– Давай попробуем добраться туда. С твоей раной нельзя долго находиться в воде.

Огненное, нестерпимо яркое солнце, казалось, выжигало сам воздух вокруг. С огромным трудом Эрнеста дотащила Билла до небольшой пальмовой рощицы, перевязала, как умела – слава Богу, он, обмякший на ее руках сразу, стоило им добраться до берега, не пришел в себя в это время. Ковыряться в живом мясе, при помощи широкого неудобного кортика пытаюсь достать пулю, было тяжелым и кровавым делом. Но долгие семь лет в пиратской команде, где штурман и судовой врач на время боя нережно становились коллегами, сыграли роль: Морено, все-таки подавляя приступы тошноты, сосредоточенно кромсала глубокую рану на плече друга, добираясь до пули, пока наконец не смогла нащупать ее пальцами и вытянуть наружу. Корабли их недавних товарищей уже скрылись за горизонтом, когда девушка, покончив с остановкой упорно не желавшей переставать течь крови, принялась осматриваться вокруг.

Островок оказался совсем маленький, песчаный, всю приметную растительность которого составляли пальмы и несколько мелких кустарников, торчавших в их тени. Никакой пресной воды на нем не оказалось, и Эрнеста, поблагодарив мысленно Небеса за то, что не сняла перед сном на корабле привязанный к бедру кортик, полезла на ближайшую пальму. Билл заворочился в тот момент, когда она, сбросив на землю крупный кокосовый орех и два больших листа, начала спускаться обратно.

– Какого... Что ты делаешь? – хрипло и раздраженно пробормотал мужчина. Эрнеста широко, через силу ухмыльнулась:

– Очнулся! Вот и славно. Сейчас поедим, а потом я добуду нам воду.

– При... береги лучше. Для себя. Я... не голоден.

– Не глупи. Мне нужны две половинки, чтобы собрать эту штуковину. Отец когда-то показывал что-то похожее – вот и пригодилось... – Эрнеста начала широкими движениями срезать верхушку кокоса. После продолжительного молчания она подняла голову, тяжело поглядела на Билла и заявила: – Даже не думай! Мы обязательно выберемся отсюда.

Всю жидкость она отдала другу, а сочную, ароматную мякоть поделила пополам. Затем в одну из опустевших половинок скорлупы – в ту, что была побольше – налила морской воды, опустила внутрь вторую половинку, туго обвязала пальмовыми листьями и выставила получившуюся конструкцию на солнце. Таким нехитрым способом можно было добыть до двух пинт спасительной пресной воды в день. Будь Эрнеста одна, этого количества ей с лихвой хватило бы, но терзаемому лихорадкой Биллу требовалось пить как можно больше, а расходовать сразу несколько кокосов девушка не решалась: Бог весть, сколько времени им еще предстоит провести на этом острове!

Первые сутки прошли все же сносно: сознавая, что от жары, голода и жажды ее разум скоро начнет путаться, Эрнеста заранее осмотрела берег, с особым сосущим чувством отметив отсутствие черепашьих кладок, на содержимое которых она очень надеялась, и кортиком обстругала плотный и твердый стержень пальмового листа для ловли рыбы. Стоя на мелководье, она долго и жадно всматривалась в синюю даль горизонта, но безуспешно. Ни единого намека на заветный белый парус, их единственную надежду на спасение!

Вечером, когда они поедали двух мелких рыбешек, выловленных ею после почти часа неловких ковыряний по пояс в воде, Билл сказал:

– Он знал, где нас посадить. В этих водах плавают разве что контрабандисты, да и то редко.

Эрнеста промолчала – она и сама прекрасно знала об этом, но надеялась, что редко интересовавшийся подобными тонкостями Билл не догадается. Шансов у них и впрямь было немного: когда-то в прошлом она сама рекомендовала островки в этих широтах как идеальное место для кренгования, удаленное от всех морских путей...

– Нэнси, – голос его звучал хрипло и до того безнадежно, что хотелось завывать, – Нэнси, нам обоим не выжить, ты же понимаешь? Я хочу, чтобы это была ты. Ты слышишь?

– Замолчи, – поднявшись на ноги, она принялась собирать рыбью кожу и кости. – Может, удастся приманить на них кого-нибудь покрупнее.

– Нэнси...

– Замолчи и ложись спать! Нечего зря тратить силы, – огрызнулась Эрнеста и побрела обратно на берег. Уже смеркалось, рыбы почти не было; завернув свою приманку в платок и придавив ко дну камнем, девушка уселась на песок и долго слепо глядела на лизавшие ее босые ноги серые волны.

...Второй день она помнила хуже, хотя он был самым радостным: удалось поймать одну, но довольно крупную, в полфута рыбку, долго бившуюся в ее руках – Эрнеста долго кромсала ножом нежно-розовую плоть, не веря своему счастью; и Биллу полегчало – вечером он даже пытался садиться, и девушка, кусая губы от счастья, придерживала его за плечи. Но на третьи сутки удача словно отвернулась от них. Биллу опять стало хуже, на мелководье крутились одни мальки – слишком юркие и настолько крошечные, что даже поймай девушка их с десятков, она не смогла бы утолить голод. Однако все это было еще терпимо: у них оставались спасительные кокосы, свежая зелень пальмовых листьев, возможность использовать в еду растертую кору, небольшой, но стабильный источник пресной воды, а вместе с ним и надежда на спасение...

...но Биллу, как она ни старалась, никак не удавалось понять это. Его рана стремительно воспалялась, сменяемые повязки сразу пропитывались отвратительно пахнущим гноем; он часами метался в бреду, не узнавая хлопотающую вокруг него девушку, а придя в себя, снова и снова уговаривал ее прикончить его, не трата бесценные воду и еду на того, кто и так обречен. Эрнеста стискивала зубы, но упорно повторяла, что станет пить и есть и ляжет спать только после него: иного способа заставить не менее упрямого Катлера повиноваться не было. Ночью четвертого дня она проснулась от слабого всплеска на берегу и сперва обрадовалась, решив, что их обнаружили: хотя древесину требовалось беречь, но по вечерам, когда увидеть что-либо на горизонте становилось невозможным, девушка непременно разводила сигнальный костер подальше от пальмовой рощи. Однако, повернув голову и увидев на том месте, где раньше лежал ее товарищ, лишь примятую траву, кое-где запятнанную кровью, она сразу все поняла.

Слава Богу, рана помешала Биллу быстро осуществить задуманное: он успел зайти в воду лишь по плечи, когда Эрнеста, едва дыша от ужаса и бега, обхватила его поперек груди и поволокла обратно на берег. Была какая-то долгая, бессмысленная возня в холодной воде, заливавшей глаза и рот, были чужие яростные выкрики и собственные горько-отчаянные мольбы, в которых смешивалось все, что хотелось сказать, но никак не говорилось на этом проклятом острове – с которого, как ей казалось, им уже вовек не выбраться...

Потом они лежали рядом на мокром песке, с трудом переводя дух – Эрнеста захлебывалась злыми слезами, до боли впиваясь ногтями в чужие плечи, а Билл держал ее за руку и глухо, отрывисто говорил:

– Послушай, ну послушай же... Нэнси, какая же ты дурочка, ведь ты же могла бы... Если бы не я – давно уже сделала бы плот или еще что-нибудь... Бессмысленно тут сидеть, понимаешь? А там... за три-четыре дня... будь ты одна, уже была бы на каком-нибудь судне... Нэнси, посмотри на меня! Посмотри – я уже труп! Тебе бежать от меня нужно, Нэнси... Беги, говорю! Проваливай, безмозглая девчонка! Проваливай, спасай свою жизнь!..

Небо над головой казалось огромным пистолетным дулом – выстрелит или нет? Даже упорно подавляемое ею усилием воли чувство голода куда-то пропало. Вытирая жгучие слезы, она прижималась щекой ко лбу Билла и твердила сорванным шепотом:

– Заткнись, заткнись, ради Бога! Мы обязательно выберемся отсюда, разыщем Винченсо и устроим ему такую веселую жизнь, что он вообще пожалеет о том, что на свет родился... Совсем немного осталось, Билл, слышишь? Помнишь, через что мы прошли вместе? А тут – такая мелочь, что и говорить не стоит... Потом вместе над этим посмеемся!..

...Билл очнулся только поздним утром. Поднял голову, долго смотрел на сидевшую рядом Эрнесту, потом спросил:

– Ты что же, совсем ночью не спала?

– Я теперь вообще спать не смогу по твоей милости, – зло ответила девушка, протягивая ему наполненную водой половинку кокосовой скорлупы. – Пей первым.

К ее удивлению, Билл подчинился. Допивая остатки, она осторожно спросила:

– Как рана?

– Лучше не стало, – пожал здоровым плечом мужчина. Кое-как прикрытое пальмовым листом, сочащееся сукровицей и гноем кровавое пятно на его груди и впрямь выглядело страшно, но Эрнесту почему-то даже не испугалось. Странное равнодушие, охватившее ее, было уже не первым тревожным признаком голода: с самого утра девушку не покидала мысль об отвратительности любой еды и процесса насыщения ею. Но пока еще кое-как сквозь это чувство пробивался слабый голос истощенного разума, твердивший, что есть необходимо, чтобы оставаться на ногах. А это необходимо, чтобы кормить себя и Билла, чтобы в свою очередь оставаться на ногах, чтобы...

– Нэнси, – вдруг тихо позвал тот, большой трясущейся рукой беря ее за запястье. – Нэнси, прости. Я вел себя, как последняя скотина... Ложись спать, я не сбегу больше.

– Некогда... спать, – к горлу подступил ком, но Эрнесту привычно списала это на чувство голода. – Схожу на берег, может, поймаю что-нибудь. Все равно надо постоянно наблюдать, а то вдруг пропустим корабль...

– Тогда давай смотреть по очереди. Поможешь мне дойти?

Эрнесту с недоверием покосилась на него, ожидая подвоха, но сил спорить у нее уже не было: все забрала эта жуткая, одна из самых страшных в ее жизни ночь. Она обхватила друга за пояс, невольно сгибаясь под его тяжестью, помогла дойти до границы травы и песка, где начинался берег, уложила под ближайшей пальмой и отправилась ловить рыбу. Ставшая отчего-то очень легкой голова кружилась, мучительно хотелось лечь куда угодно – хоть на ту же водную гладь – и на пару минут прикрыть глаза, но Эрнесту понимала, что если сделает это, то уже ничто не заставит ее снова встать.

Поесть было необходимо. Кое-как ей удалось в тот день поймать трех рыбешек, которых они съели сырыми, даже не разжигая огня, а вечером девушка даже вытащила из воды невесть откуда взявшегося столь близко к берегу краба, клешни которого они честно поделили между собой. Теперь Билл ел и вообще послушно делал все, что она говорила, но эта покорность настораживала ее: Эрнесту знала, что стала думать медленнее и хуже, но даже в таком состоянии видела, что друг перестал спорить лишь потому, что у него не осталось на это сил.

...Седьмой день был ужаснее всего. Голода Эрнесту уже не чувствовала, но почему-то именно в то утро она ощутила, что не сможет подняться на ноги. С трудом перекатившись на бок, она поднесла к лицу руки, с холодным липким ужасом разглядывая отчетливо выступившие под кожей вены и кости.

– Не хочу умирать, – с трудом ворочая языком, прохрипела она – надо сейчас же поставить воду, чтобы хоть к полудню напиться! Надо... надо встать... У нее не получалось: ослабевшие, словно сделанные из ваты ноги подкашивались, и лишь спустя пару минут Эрнесту смогла встать на четвереньки. Вспомнив о Катлере, она подползла к нему и тронула за плечо:

– Эй, Билл... – В ответ совершенно черное – мертвое! – лицо повернулось к ней, и Эрнесту с криком отшатнулась, зажмурившись, но холодная влажная рука тотчас сжала ее запястье:

– Я здесь, Нэнси. Все в порядке. Я напугал тебя?

– Н-нет, просто я... Нет, все отлично. Тебе стало хуже?

– Нет, намного лучше. Давно уже так хорошо не было, и совсем ничего не болит, – голос Билла звучал необыкновенно ласково и даже крепче прежнего, но, повинувшись какому-то животному страху, она все еще не решалась взглянуть на него. – Только очень хочется пить...

– Я сейчас поставлю новую порцию, а тебе принесу росы, – пообещала Эрнеста. Холодная рука чуть сильнее стиснула ее запястье:

– Себя тоже не забудь: если не будешь пить, то тело ослабеет. Без тебя мы оба тут пропадем, Нэнси. И срежь еще один кокос, слышишь? Не жалея. Неизвестно, будут ли у тебя силы лазить за ним завтра. Надо съесть хотя бы один сейчас...

Свежая, сочная мякоть плода действительно вернула ее к жизни. Эрнеста чувствовала, как отступает слабость, будто ее молодое, крепкое и привыкшее к лишениям тело использовало самую крошечную возможность, чтобы восстановить силы. Билл, лежавший под пальмой – лицо его было в тени буйно разросшейся травы – спрашивал почти обычным голосом:

– Лучше?

– Ага. Еще по кружке доброго рома – и вообще отлично было бы, – усмехалась Эрнеста, жадно пережевывая свою порцию сладких белых волокон и запивая заветной водой.

– Да, было бы недурно. Но ведь так тоже неплохо, правда, Нэнси? – на его широком загорелом лице вновь появлялась улыбка. – Раньше я и не замечал, как здесь хорошо. Тепло, покой, тишина... Что еще нужно для счастья?

– Еда и пресная вода, например, – предположила Эрнеста, растягиваясь рядом на траве и глядя в чистое синее небо. Билл оглянулся на нее, помолчал и глухо, невесело рассмеялся

...И был восьмой день, светлый и спокойный. Проснувшись, Эрнеста долго лежала, повернув голову на восток, и глядела, как встает солнце.

– Наверное, ты прав, – сказала она с улыбкой. – Будь у нас побольше питья и еды, можно было бы остаться здесь вдвоем навсегда... Только ты и я, а? Как тебе такая идея?

– Не говори глупостей, – сухо зато отозвался из тени Билл. – Сходи за водой, будь добра.

Они напились, съели остатки вчерашнего кокоса – Эрнеста старалась не думать о том, что будет, когда орехи кончатся, но и это почему-то почти не волновало ее. Мучительно хотелось спать, но Билл уговаривал ее сходить за рыбой, и девушка уступила. Она снова стояла по колено в воде, держа свое импровизированное копье, а друг с берега что-то говорил, и голос его доносился до нее так хорошо, словно звучал совсем рядом. В другое время Эрнеста удивилась бы, но теперь сил на удивление не оставалось, и она лишь тихо радовалась звуку этого голоса, не позволявшему ей потерять сознание. Потом она ела пойманных ею мальков – неохотно, потому что есть совсем не хотелось, но Билл убеждал ее, что это необходимо – и уже после, упробив его подежурить, легла прямо на горячий песок и мгновенно заснула.

– Нэнси, Нэнси! – мужчина тряс ее за плечо слабой рукой, и Эрнесте на миг опять почувдились страшные трупные пятна на той, но на сей раз она не закричала, а лишь заглянула в его глаза – шальные, яркие и невероятно живые – и наваждение сразу же прошло. – Нэнси, смотри, там, на юго-востоке, корабль! Скорее стреляй! – Пистолет словно сам прыгнул ей в руку, и звук единственного выстрела оказался настолько громким, что Эрнеста едва вновь не потеряла сознание. Жадным, остановившимся взглядом она впиалась в едва различимую темную тень паруса – корабль, очевидно, был пиратский – всего в паре миль от острова. Будь она сильна и здорова, даже догнать это судно вплавь оказалось бы делом одного часа!

– Не разворачиваются, – глухо пробормотала она, облизывая сухие губы. – Чего они ждут?

– Опасаются, что это ловушка, – прошелестел за ее спиной Билл. И без того почти черное лицо его потемнело еще больше, он тяжело дышал, словно ему вдруг стало хуже. Охваченная внезапным ужасом, Эрнеста схватила его за руку:

– Эй, ты чего? Билл, Билл! Не вздумай... Не смей сейчас, ты что?.. Билл, тебе плохо?

– Очень... Очень плохо, Нэнси, – прохрипел тот, жадно заглядывая ей в глаза. – Нэнси, милая, попробуй добраться до них. Нэнси, прошу... Тебе надо доплыть до их корабля и все рассказать! Ты ведь сможешь это сделать?

– Да. Да, конечно, – растерянно кивнула девушка, крепко держа его за плечи и помогая улечься под пальмой. – Я сейчас вплавь доберусь до них и попрошу помощи, слышишь, Билл? Я уйду всего на пару часов. Мы вернемся за тобой, клянусь! Ты ведь дождешься меня?

– Да, я обещаю, – еле слышно отозвался тот, еще раз крепко пожимая ее руку. – Я никуда не уйду, Нэнси, честное слово, только ты плыви, плыви скорее...

...вода, бесконечная и почему-то холодная, соленая – Эрнесте неизмеримо хотелось пить, но она помнила какими-то остатками разума, что морская вода не утолит жажду, а лишь усилит ее. Было сперва принятое ею за бред темное пятно шлюпки, и совсем смутно – как она забралась в нее и как чья-то рука держала ее голову и подносила ко рту фляжку с водой...

... и голос, чужой, мужской, хриплый, спрашивающий о чем-то важном, обещающий помощь, кров, еду, а вместе с ними и то, что они означали вместе – жизнь.

– Кажется, заснула, – негромко сообщил Джек, притворяя за собой дверь своей же каюты – непрестанно ухаживая за больной, работать он все же в последнее время предпочитал на капитанском мостике, куда за ним и проследовал любопытный Генри:

– И все-таки, кто она, Джек, твоя знакомая? Ты так волновался, когда увидел ее...

– Знакомая, да, – рассеянно усмехнулся Рэдфорд, при скудном свете фонаря – уже смеркалось, солнце село полчаса назад – пытаюсь разобрать собственные выписки из географического атласа. – Разве мистер Макферсон не рассказывал тебе?

– По-моему, мистер Макферсон вообще старается не упоминать о ней. А команда и вовсе считает, что мы спасли какое-то... – юноша замялся, но потом все же закончил: – Я не совсем понял, кажется, какого-то злого духа в женском облике.

– Вот ведь напридумывают, правда? – рассмеялся капитан, но глаза его стали совершенно серьезными и озабоченными. – А сам-то ты что думаешь?

– Ну... Я думаю, она человек, – осторожно ответил Генри. Поймав чужой насмешливый взгляд, возмущенно пояснил: – Я видел, как она ест и пьет. Разве дьявол не снабдил бы своего служителя всем необходимым? И вообще, наверное, чертям не нужна еда...

– По твоей логике, Бог тем более должен был помочь этим двоим. Во всяком случае, Эрнесте точно – не думаю, что она стала менее упертой протестанткой, чем ее мать.

– Ты знаешь ее семью? – растерялся Генри, увидев, насколько серьезным и полным скрытой горечи стало лицо Рэдфорда:

– Когда-то знал очень хорошо.

Над их головами тревожно закричала сидевшая на брамсе одинокая чайка – ослепительно белая на фоне быстро темнеющего неба. Джек помолчал, глядя пальцами темное дерево фальшборта, затем прислонился боком к плечу не посмевшего отстраниться Генри и заговорил:

– Эту девушку зовут Эрнеста Морено, она дочь сразу двух пиратских капитанов – Антонио Морено и Фрэнсис, его жены, в девичестве Флэнеганн. Еще ее считают одним из лучших штурманов, когда-либо плававших в этих водах.

– Считают? – нахмурился юноша. – Значит, ты сам с этим не согласен?

– Не согласен, – кивнул Джек. – Я считаю, что она – лучший штурман, когда-либо плававший в этих водах, но не суть. Важно то, что когда-то мы с ней были знакомы, и я, если честно, немного жалел, что Эрнеста пошла не ко мне на судно. Впрочем, в этом я сам виноват... Словом, сейчас она осталась без команды, без капитана, и, возможно, мне удастся ей все это обеспечить. Соображаешь? – подмигнул он опешившему собеседнику:

– Ты... Ты думаешь, она согласится?

– Дьявол, а с какой стати ей отказываться? – непривычно раздраженно отозвался Джек: эта мысль, очевидно, приходила на ум и ему. – Разве я такой плохой капитан? Или, быть может, у нее есть варианты получше?

– Нет, Джек. Ты чудесный капитан, – мягко ответил Генри, сжимая его локоть – всю злость Рэдфорда словно смыло огромной волной, он усмехнулся и прикрыл глаза ладонью. – Но если мисс Морено все же откажется – после того, что с ней произошло...

– Отвезу ее в тот порт, в который пожелает. Может быть, на Тортугу, если для нее это не опасно, – нахмурился капитан. – Не думаю, что она случайно оказалась на том острове...

– Ты не отвезешь ее к ее родителям? – удивился юноша.

– Они погибли. Давно уже, больше семи лет назад, – глухо пояснил Джек, в задумчивости снова обхватывая рукой его узкие плечи. – Мне сказали, случился взрыв порохового склада. Именно после этого Эрнеста и подалась в пираты – до того отец ей запрещал, мол это слишком опасно... в те годы много каперов попало на том, что служили не той власти. Я только потому и уцелел, что служил частной торговой компании... А Эрнеста, видимо, не захотела.

– Семь лет... Сколько же ей тогда было? – потрясенно шепнул Генри.

– Примерно пятнадцать-шестнадцать. Мне было столько же, когда я стал пиратом. Только ей, видимо, повезло чуть меньше моего, – проворчал Рэдфорд, невольно оборачиваясь и поглядывая на плотно закрытую дверь своей каюты. – Ничего. Только бы на этот раз обошлось, а там уж я позабочусь, чтобы у нее все было в порядке. Как и у нас всех...

Глава

III

. Заманчивое предложение

Эрнеста очнулась как-то совсем внезапно, на пятый день своего пребывания на корабле. Джека в каюте не было – он еще с утра отправился осматривать судно – и когда она, как всегда, открыв глаза, неожиданно заснула опять, а перевернулась на спину и попыталась сесть, над ней склонилось совершенно незнакомое лицо.

– Где это я? Что... – часто моргая, с трудом проговорила она.

– Вы на корабле «Попутный ветер», мэм. Вас... – стройный, темноглазый юноша с необычайно для пирата красивым и открытым лицом, сидевший у изголовья кровати, на секунду запнулся, но тотчас продолжил: – Вас нашли в открытом море четыре дня назад. Вы помните, что с вами случилось?

– В каком еще море... что ты мне голову морочишь? – стискивая виски пальцами, прикрикнула на него Эрнеста; лицо девушки болезненно скривилось, когда она, опираясь на локоть, более-менее устойчиво села в постели. – Пить хочется ужасно, дай воды...

– Сейчас, сейчас! – спохватился юноша, торопливо шаря на столе в поисках чистого стакана: никогда не отличавшийся аккуратностью Джек в собственной каюте порой устраивал самый настоящий бардак, а юнг для уборки впускал только тогда, когда сам переставал понимать, где что находится. – Меня Генри зовут. А вы Эрнеста, я уже знаю...

– Ты у них новенький, что ли? – с болезненной гримасой наблюдая за ним, поинтересовалась девушка. – Не ищи, я прямо так выпью... О-ох, Господи, – простонала она, в три больших глотка осушив полупустую бутылку. – Какое же счастье – когда есть вода... – Юноша при этих словах невольно напрягся, и во взгляде Эрнесты тотчас загорелся тревожно-подозрительный огонек.

– Мэм, я, наверное, схожу за капитаном, – сделал попытку ускользнуть от тягостных объяснений Генри, но девушка с внезапной для только-только пришедшего в сознание человека силой сжала его запястье:

– Погоди-ка! Я вспомнила, вспомнила, – ее голос задрожал от волнения. – Я была на острове, увидела ваш корабль, выстрелила, вы долго не отвечали... я попыталась вплавь вас нагнать, и шлюпка... Нет, нет, это все вздор! Ты только скажи, скажи мне, что с Биллом? Билл Катлер – мой друг, мы вместе с ним были на острове...

– Мэм, – побелев, чуть слышно откликнулся юноша; Эрнеста вскинула на него горящий взгляд, вся напрягшись в ожидании ответа. – Мне очень жаль. Вашего друга спасти не удалось.

Он ожидал истерики, неверия, чего угодно – но лицо девушки осталось совершенно непроницаемым. Выпустив его запястье, она тяжело откинулась на подушку и кивнула:

– Ясно.

– Мэм, я... – начисто растерявшись, начал было Генри, но осекся, не зная, что сказать. Девушка медленно подняла голову.

– Есть хочется. Дай, – кивнула она на стоявший на столе поднос с зелеными яблоками. На негнущихся ногах Генри подошел к ней и протянул просимое. Эрнеста взяла один плод, провела ногтем тонкую черту по гладкой глянцевой кожуре: – Дай нож. Надо очистить.

Но Генри не сдвинулся с места. Ее жутковатое спокойствие заворожило его, но не лишило способности мыслить. Много лет назад, еще в далеком детстве, когда мать посылала его в лес за грибами, однажды он встретил там потревоженную гадюку: приподняв над землей свою плоскую голову и глядя в пространство бесстрастными стеклянными глазами, она казалась совершенно равнодушной ко всему вокруг. Но стоило Генри слегка зашуршать травой, как все это длинное чешуйчатое тело оборотилось к нему, а в прежде пустых глазах загорелась отчетливая холодная злоба. Змея уже была готова атаковать, когда он наконец отмер, развернулся и опрометью бросился прочь. И теперь, спустя много лет глядя в каменное лицо этой девушки, Генри вновь ощутил тот же липкий ужас.

– Ну же. Дай сюда, – повторила она, и юноша выдавил из себя кривую усмешку:

– Может быть... будет лучше, если я сам почишу? Позвольте... – он наклонился, протянул руку к зажатому в ее ладони яблоку и едва успел отдернуть, заметив недобрый огонек в непроглядно-черных глазах. Длинные острые ногти Эрнесты сильнее впились в кожуру плода и из-под них уже пробежали первые тоненькие дорожки прозрачного сока.

– Не глупи. Подай мне нож, – совершенно иным тоном потребовала она.

– Не дам, – сжавшись под ее взглядом, тем не менее твердо ответил Генри. В глазах девушки на секунду мелькнуло какое-то странное выражение, но затем она лишь усмехнулась, хищно оскалив ровные белые зубы:

– Ну, не дашь, так я сама возьму... – Одним неуловимым движением она вскочила с кровати, и ничто, кроме болезненной худобы и тяжелого дыхания, не выдавало в ней недавно перенесенных лишений: перед Генри был даже не человек, а сильное, дикое животное, изготавившееся к атаке. Инстинктивно он отодвинулся к стене, но все же успел схватить лежавший на столе нож и спрятать его за спину.

– Мэм, вам нельзя сейчас вставать. Пожалуйста, лягте на место, – изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал мягко и убедительно, попросил он. Девушка усмехнулась, не сводя с него глаз – и затем резко, внезапно, безо всякого перехода оказалась прямо перед ним. Тяжело вздымавшаяся худая грудь вжалась в плечо Генри, а ледяные пальцы сомкнулись поверх его собственных на ручке ножа, больно царапая ногтями.

– Дай... Дай мне! – глухим, страшным голосом повторяла она, безуспешно пытаясь отнять у него оружие – ее сил все еще не хватало на сколько-нибудь серьезное нападение, хотя эта слепая, безумная ярость и обескуражила Генри настолько, что он даже не догадался швырнуть нож в открытое окно справа от себя. – Дай, будь ты проклят, дай!..

– Не надо, не давай! – неожиданно раздался знакомый властный голос. Капитан Рэдфорд стоял в дверях, и при одном взгляде на него Генри почувствовал несказанное облегчение:

– Слава Богу! Джек, я...

– Все хорошо, – окинув юношу быстрым взглядом, едва заметно успокаивающе улыбнулся Рэдфорд. Подойдя к ним, он решительно забрал из его руки нож, заткнул за пояс и обнял за плечи девушку: – Эрнеста, немедленно ложись! Ты едва стоишь на ногах.

– Это ведь неправда, Джек? – ее лицо на мгновение вновь озарилось надеждой, глаза заблестели. – Джек, Джек, я все пойму, даю слово! Только скажи мне, где Билл?

– Эрнеста, – с заметным усилием начал Рэдфорд, но она, не слушая его, замахала руками:

– Я не спрашиваю тебя, что с ним! Не надо утешать меня – сама понимаю, что такие раны без последствий не бывают. Скажи только, где он сейчас?

– Эрнеста, – шагнув вперед, Джек поймал ее за обе руки и крепко сжал, вынуждая посмотреть себе в глаза. – Эрнеста, мне очень жаль. Он мертв.

Генри изо всех сил стиснул зубы, приготовившись к тому, что ему сейчас снова придется говорить бессмысленные слова утешения рыдающей или бьющейся в истерике женщине. Но Морено, как и прежде, молчала; только ее огромные черные глаза, казалось, став еще больше, жадно впились в лицо старого друга. Затем тело ее начала бить крупная дрожь – медленно, словно в бреду, она повернулась, как-то боком пошла к кровати, но, не дойдя двух шагов, споткнулась и рухнула бы на пол, не подхвати ее Джек под локти.

– Воды дай, – не оборачиваясь, велел он Генри и тот, отмерев, метнулся к столу за стаканом. Но Эрнеста пить не стала: трясущейся рукой отстранила его и проговорила, глядя не на Джека, а куда-то в стену перед собой:

– Где?..

Рэдфорд покосился на Генри, предупреждающе нахмурившись, и тихо ответил:

– Там же. На том острове, где мы нашли вас обоих.

– Ты врешь! Это ложь! – с силой оттолкнув его руки, выкрикнула она. – Все, все ложь! Ты просто не захотел возвращаться за ним! Я обещала, я же обещала ему, что вернусь вместе с помощью, он ждал... – захлебываясь рыданиями, повторяла она, по-прежнему вздрагивая при малейшей попытке Джека обнять ее. – Это ты, ты во всем виноват! Ты обещал, что спасешь его, ты обманул меня...

– Это неправда! – вдруг звонко перебил ее до того молчавший Генри. Рэдфорд, побледнев даже сквозь весь свой загар, взмолился:

– Молчи!

– Не замолчу! Она не имеет права говорить о тебе так и заслуживает знать правду, – необыкновенно решительно ответил юноша. Эрнеста, на мгновение забыв о своем горе, вскочила на ноги с новыми силами:

– Какую еще правду? Что вы не договариваете?.. – Обернувшись к Генри, она страстным, задуманным шепотом взмолилась: – Твое лицо кажется мне правдивым. Ты – не Джек, тебе не нужно бояться за меня. Ради Иисуса и Пресвятой Девы Марии, скажи мне, что с Биллом?

Несколько секунд юноша колебался, затем, низко опустив голову, шепнул:

– Джек, я скажу ей. – Рэдфорд ничего не ответил, лишь с присвистом втянув воздух, и Генри снова поднял на девушку свои блестящие темные глаза. – Вы сказали, что пробыли на острове восемь дней, так?

– Какое это имеет значение? – ответила та, побледнев. Генри, закусив губу, пояснил:

– Должно быть... На шестой или седьмой день... Вы этого не помните? Когда мы причадили к острову, ваш друг был уже мертв.

– Нет... – едва слышно сорвалось с ее губ. Джек, лучше знавший ее нрав, почти бессознательно метнулся вперед и успел схватить девушку поперек груди еще до того, как она вцепилась в горло Генри: ее худые темные пальцы успели зацепить лишь ткань его жилета. Беспомощно извиваясь в крепких руках капитана, она продолжала повторять голосом, больше похожим на хриплый, тоскливый волчий вой: – Нет, нет, нет!..

В глазах Рэдфорда плескался ужас наполоам с беспомощностью, словно он внезапно увидел перед собой целую армаду вооруженных сотнями пушек испанских галеонов; но Генри, похоже, почти не испугавшись происходящего, осторожно приблизился к ним и положил руки поверх ладоней Джека на плечи девушки.

– Мэм, мы очень, очень хотели ему помочь! – с жаром и мольбой заговорил он, не обращая внимания на ее новые попытки схватить его за горло. – Я знаю, вы тоже этого хотели. Вы не виноваты, что так получилось... – Его мягкий, успокаивающий тон, казалось, действовал

на девушку благотворно: конвульсии и рывки понемногу начинали стихать, в глазах появилось подобие осмысленного выражения, хоть и смешанного со жгучей болью. Ободренный этим, Генри продолжал: – Вы не виноваты, но и мы – тоже! Только тот человек, который... который нанес смертельную рану вашему другу – только он повинен в случившемся!

– И мы отомстим ему, Эрнеста. Обязательно отомстим! Если ты скажешь мне, кто он... – начал Рэдфорд, но девушка, не слушая его, бессильно откинулась на подушку и закрыла глаза.

– Ты не сможешь. Никто теперь не сможет его убить...

– Это еще почему? – нахмурился тот. – Я, конечно, не сам капитан Флинт, но на кое-что тоже способен...

– Не сможешь, – глухо повторила Эрнеста. – У тебя один корабль – у него пять. В твоей команде дай Бог чтобы набралась хотя бы сотня человек, так ведь? А у него их четыреста семьдесят две души, – она громко, горько расхохоталась, отворачиваясь к стене и подтягивая худые темные руки к слабо подрагивающей груди: похоже, у девушки снова начиналась истерика. – Это почти смешно – ведь я же сама, сама сделала его настолько сильным!..

– Генри, выйди, – тихо и мягко, как и всегда, когда он говорил с ним, но с непривычной юноше непреклонностью приказал Джек. Усевшись рядом с несчастной девушкой, он решительно приобнял ее, забормотал что-то успокаивающее, пальцами расчесывая темные кудри той, явно давно не знавшие ни гребня, ни мыла.

– Ничего... ничего больше... я совсем одна... – донеслись до Генри едва различимые среди смеха и плача слова девушки. Он уже взялся за дверную скобу, когда Джек окликнул его:

– Скажи мистеру Макферсону, что я сам к нему подойду позже. Пусть не тревожится, я уже понял, в чем там дело, и это вполне может подождать.

– Хорошо, – кивнул Генри. Он окончательно перестал понимать, что следует делать, поэтому на сей раз предпочел просто подчиниться приказу капитана.

Прошло целых три дня, прежде чем Эрнеста смогла подняться с кровати и выйти на верхнюю палубу. Это случилось поздним вечером, как раз после окончания вахты – скорее всего, звук рынды и разбудил спавшую девушку – и палуба была заполнена матросами, предпочитавшими доесть свой ужин и выпить припасенную с обеда порцию рома. Бледная и худая, больше похожая на привидение девушка сперва оказалась никем не замечена и сама, как видно, ничуть не интересовалась чужим весельем. Решивший вспомнить молодость старый Эйб вооружился губной гармошкой и начал выводить на ней какой-то незатейливый мотивчик, а остальные принялись – сперва тихо, а затем все громче – подпевать и отбивать ритм, хлопая в ладоши. Никто не обратил внимания на одинокую девушку, медленно, едва волоча ноги, пробравшуюся на квартердек и вставшую у самого фальшборта.

Но случилось непредвиденное: матрос Джейк по прозвищу Трехпалый – два пальца он потерял еще мальчишкой, случайно выстрелив из заряженного слишком большим количеством пороха пистолета – выпив свой заслуженный грог, отправился в корабельный галюн. И по возвращении оттуда он случайно увидел тонкий женский силуэт совсем рядом с собой.

– А... Эй! – поразившись такой удаче, окликнул он незнакомку – товарищи, конечно, поговаривали о девушке, жившей в капитанской каюте, но сам Джейк, ту вахту честно проспавший в трюме и за это уже получивший изрядную выволочку от Моргана, считал все это враками. Однако теперь приходилось верить обратному – девушка, хотя и слишком худая на его вкус, была вполне реальной, пахнувшей какой-то странной смесью трав и моря, а еще удивительно теплой и мягкой на ощупь. И не слишком сопротивлявшейся ему: когда Джейк положил ей руку на плечо, та лишь повернула в его сторону голову, но не сказала ни слова.

– Я... Я здесь постою, ничего? – почему-то робея – хотя он никогда не отличался особой деликатностью в обращении с женщинами – осторожно предложил Джейк. Девушка чуть заметно кивнула. – Так это вы... Вы та самая девушка, которую выловили из моря? – в ответ последовал еще один кивок, приободривший Джейка. Он облокотился о планшир и широко,

нарочито развязно улыбнулся: – Видите, я уже знаю, кто вы. А вы вот не знаете обо мне, ага. Но вы, если хотите, спрашивайте...

Девушка странно усмехнулась. Ее большие черные глаза с каким-то неприятно пристальным выражением остановились на лице Джейка:

– О чем спрашивать-то?

– И то правда, – обрадованно заторопился тот. – Лишние вопросы – лишние проблемы, как говорила моя покойная матушка. Да и народу здесь много, вам, наверное, неуютно, – он осторожно провел рукой ниже по теплой спине и остановился на изгибе высокой талии – настолько восхитительно женской, что вся кровь бросилась Джейку в голову. С трудом сохраняя самообладание, он наклонился здесь и хрипло, торопливо зашептал:

– Может, не будем здесь стоять, а? Я знаю тут одно чудесное место, где мы сможем...

– Внезапно он задохнулся и умолк, уставившись на лезвие ножа, аккуратно и небрежно представленное к его животу сквозь тонкую ткань рубашки. – Эй, я не... какого черта?!..

Странная девушка, склонив голову, все еще глядела на него своими блестящими темными глазами, в которых отчетливо заметно было жутковатое и, как показалось Джейку, совершенно безумное выражение. Громко, так, что остальные матросы на палубе начали оглядываться в их сторону, удивленно переговариваясь при виде ножа в ее руке, она спросила:

– А хочешь, я прямо сейчас вспорю тебе живот, вытащу из него все кишки и брошу их на корм вон тем акулам?

– Я... да... зачем же?... Я прямо сейчас уйду... могли бы просто сказать... – косясь то на нож, то на ее страшно поблескивавшие глаза, забормотал Джейк. – З... за что вы?... Я так...

– А у меня лучший друг умер девять дней назад, – все так же громко и спокойно пояснила девушка, с нажимом проводя ножом уже по голой коже – рубашка, похоже, прорезалась лезвием. – Ты же хочешь жить, да? Вот и он хотел.

– Послушайте... Послушайте! – пытаюсь незаметно вытянуть из-за пояса собственный нож правой рукой, взмолился Джейк. Лезвие ножа неожиданно легко коснулось внутренней стороны ее запястья:

– Не дергайся! И больше никогда не подходи ко мне, пока сама не позову. Тебе ясно? – Нож снова тронул кожу живота, и Джейк поспешил кивнуть. Девушка пугающе усмехнулась: – Хорошо. А теперь возвращайся к остальным и скажи: пусть только попробует еще кто-то сунуться ко мне...

– Мэм... Мэм, вот вы где! – раздался с палубы звонкий юношеский голос, и Генри Фокс практически бегом бросился на капитанский мостик. Не обратив никакого внимания на зажатый в руке девушки нож, он осторожно поймал ее за запястье и потянул за собой: – Мы с Джеком уже думали, что что-то случилось... Здравствуйте, мистер Шоу! – вежливо склонил он голову. – Извините, что помешал, но капитан звал вас, мэм. Разрешите, я вас провожу?

– Разрешаю, – сухо отозвалась девушка; глаза ее сразу потухли, а лицо стало непроницаемым, словно у китайской фарфоровой куклы. Не взглянув больше на Джейка, она позволила юноше увести себя в каюту: очевидно, ей и в голову не пришло угрожать тому ножом, как его незадачливому предшественнику. Однако, присоединившись затем к своим товарищам, Джейк, памятуя ее слова, все-таки посоветовал им не трогать странную гостью капитана – его закономерно одняли на смех, но затем притихли с непривычной в отношении женщин настроенностью: похоже, избранная девушкой тактика все же принесла свои плоды.

В тот вечер Джек ни о чем не беседовал с Эрнестой – лишь уложил спать и поблагодарил расторопного Генри за помощь; однако с утра он действительно планировал серьезный разговор и долго мялся, сверля взглядом ненавистные карты и не зная, как начать. Как назло, Эрнеста совершенно не собиралась помогать ему: сидя на застеленной кровати, она равнодушно листала потрепанный географический атлас, время от времени делая на полях мелкие поправки и замечания карандашом.

– Черт возьми! Что же у меня никак маршрут не сходится... – проворчал он наконец, зачеркивая старые расчеты и беря новый лист бумаги. Эрнеста взглянула на карту через его плечо и неопределенно хмыкнула, но промолчала.

– Что смеешься? Да, не всем такие таланты от Бога даются, – проворчал Рэдфорд, вертя в пальцах карандаш и искоса поглядывая на нее. – Второй месяц как штурмана нашего не стало. Хоть бы до Тортуги дотянуть – еды-то нам хватит, а вот пресной воды в трюме на три недели... Весь рейд к черту! Как я без добычи ребятам велю разворачиваться?

Эрнеста сумрачно взглянула на него:

– Хочешь, чтобы я тебе начертила фарватер до Тортуги?

Рэдфорд с силой стиснул карандаш:

– Ты и сама знаешь, что не в этом дело, – девушка равнодушно отвела взгляд, но он все равно с жаром продолжил: – Да, да, знаешь! Мне нужен новый штурман, а тебе – новая команда. Так какого дьявола ты молчишь?

– Мне ничего не нужно, – глухо, еле слышно отрезала Эрнеста. – Я не собираюсь оставаться у тебя в команде, Джек.

– Хорошо, ну а куда ты пойдешь? Нет, не подумай, я тебя доставлю, куда пожелаешь, – голос Рэдфорда на мгновение смягчился, – но зачем? Чем мой корабль для тебя хуже прочих?

– Я думала, ты-то должен понимать, – с горькой усмешкой ответила она. Джек замер, потом внезапно поднялся на ноги, пересек каюту и уселся на кровать рядом с ней:

– То, что я в долгу перед твоей семьей, обязывает меня, а не тебя! И вообще... может быть, я ошибся, а тебе... не стоит повторять эту ошибку, – вдруг заметно тише прибавил он и продолжил прежним тоном: – У меня, конечно, нет пяти кораблей, но приличные условия тебе я обеспечить сумею. Команду возьму на себя – никто и пикнуть не посмеет... да, я в курсе, что произошло вчера, не смотри так! От тебя только и потребуются сидеть в каюте и заниматься твоим любимым делом – ковыряться в чертовых картах, получать за это приличную долю и быть вторым человеком на судне! Какие могут быть проблемы – ума не приложу...

– Проблема одна, Джек, – спокойно возразила Эрнеста, и лишь очень чуткий человек уловил бы дрожь в ее голосе. – Я завязала с морем. Не хочу больше видеть эти, как ты говоришь, чертовы карты и вообще все, что с ними связано. Я больше не могу так, Джек!

– Но... Но тогда мы возвращаемся к вопросу: куда ты пойдешь? – приобняв ее за плечи, растерянно спросил Рэдфорд. – Ты же ничего больше не умеешь! Вне моря мы все – ничто.

– Море... – горько усмехнулась девушка. В глазах ее стояли слезы. – Море отняло у меня слишком много, Джек. Не думай, что я позволю ему забрать что-то еще. С меня хватит, – тяжело поднявшись на ноги, выдохнула она. Рэдфорд схватил ее за руку:

– Это всего лишь слова! Я знаю, как тебе плохо сейчас. Но все же – подумай над моим предложением. Просто подумай... С морем так легко и не завяжешь, знаешь ли.

– А ты пробовал? – фальшиво улыбнулась она, берясь за дверную скобу. Дикая, звериная тоска была в ее глазах – такая, что Джек невольно поежился:

– Подумай!..

– Я подумаю, – чуть слышно донеслось до него из-за закрывающейся двери. – Подумаю...

В трюме, как всегда, было темно, грязно и душно. Эдвард скреб заплыванные ступени лестницы, стараясь не думать об обеде, сейчас жадно поглощаемом остальными матросами. Неимоверно хотелось наведаться к заветной бочке рома с собственноручно им просверленным отверстием в днище, но на этой неделе он уже дважды попался возле него – не стоило лишний раз испытывать терпение боцмана. Мистер Макферсон, правда, был довольно снисходителен к бывшему офицеру – или, во всяком случае, не ставил своей целью унижать его по любому поводу – однако выгораживать Дойли перед капитаном явно бы не стал. Снова оказаться на улице без работы Эдварду не хотелось.

Вылив за борт ведро грязной воды и зачерпнув новой, он отправился ещё раз протереть все насухо и был неприятно удивлен, застав на лестнице ту самую девушку, которую они подобрали неделю назад. Все ещё болезненно худая, с почти закрытым темными волосами лицом и бессильно сгорбленными плечами, в чужой одежде, висевшей на ней мешком, она на мгновение пробудила в нем давно забытое чувство жалости и желание помочь. Но, переведя взгляд ниже, на запыленные носы ее сапог, Дойли вновь ощутил привычное раздражение.

– Извините, мисс, вы не могли бы отойти в сторону? Я вообще-то только что здесь помыл, – глухо буркнул он, вновь берясь за тряпку.

Глаза девушки неожиданно сверкнули злым огнем:

– Только что помыл, говоришь? Да в таком хлеву разве что свиней держать! Тут все переделывать надо...

– Отойдите, пожалуйста, в сторону! – вспыхнув, повторил Эдвард. Слова девушки, тем более что были справедливы, неприятно задела его, но ей явно оказалось этого мало:

– Отойти?! Да ты кто такой, чтобы указывать мне? Сперва научись мыть полы как следует, чтобы другим не приходилось вечно все доделывать за тебя! Я здесь всего неделю, а уже слышана о твоих подвигах. Пьяница и лентяй, которого из милости здесь держат!.. – со слезами выкрикнула она и, грубо толкнув его плечом, выбежала на палубу. Эдвард, с трудом сдержавшись, чтобы не крикнуть ей вслед что-нибудь в тон, размашисто вытер лестницу ещё раз, трясушимися руками выжал тряпку, постоял немного, затем швырнул ее в ведро и тоже кинулся наверх. Смутное предчувствие беды, после того, как он начал пить, заменившее ему прежнюю способность просчитывать все происходящее наперед, не подвело: на пустой в обеденный час палубе, не считая дремавшего в «вороньем гнезде» вперёд смотрящего, не было ни души, чтобы остановить девушку, уже забравшуюся на планшир по правому борту. Эдвард не видел ее лица, но во всей ее фигуре ему почудилось что-то болезненно настороженное, отчаянное. Внезапно она выпрямилась и протянула руки вперёд, всем телом подавшись за борт.

Дойли и сам не понял, как в его ослабевшем, разбитом теле взяли ловкость и сила, даже большие, чем в лучшие времена – но через секунду он оказался рядом с девушкой и крепко удерживал ее извивающееся тело, одновременно пытаясь затащить обратно на борт.

– Пусти... Пусти меня! Господи, Господи, не могу больше!.. – словно в бреду, твердила она, царапая его пальцы острыми ногтями и бессильно запрокидывая голову ему на плечо. – Не могу я, слышишь? Отпусти...

– Нельзя, нельзя, мисс... сеньорита! – наугад выпалил Дойли и, впервые взглянув на нее прямо, понял, что угадал. Лицо девушки явно выдавало в ней полукровку: англичанкой она казалась значительно меньше, нежели испанкой. Красивой, впрочем, ее это не делало: глубоко запавшие черные глаза, широковатые скулы, все еще плотно обтянутые сухой загорелой кожей щеки, и узкие темные губы, искушенные теперь в кровь, вызвали у Эдварда скорее легкую брезгливость в сочетании с неприязненным сочувствием, нежели сколько-нибудь приятное чувство – хотя он и не помнил уже, когда в последний раз держал в объятиях женское тело. Пользуясь ее секундным замешательством, он поспешил выдохнуть: – Как вас зовут?

– Эрнеста. Эрнеста Морено, – хрипло ответила она, в забытьи позволив вновь опустить себя на палубу и до боли вцепившись в плечи только что спасшего ее мужчины – стоять ей все ещё было сложно. Эдвард поморщился, но отталкивать ее не стал и даже сам на всякий случай придержал за талию – мало ли что ещё придет в голову этой несчастной.

– Сеньорита Эрнеста, ну что же... Понимаю, как вам сейчас одиноко и больно, но так нельзя. Надо... надо жить, даже если совсем все плохо, – собственные слова показались ему невероятно фальшивыми, и, взглянув в напряжённое, но открытое лицо девушки, он неожиданно спросил именно то, что хотел знать: – Тот мужчина на острове – это был ваш муж?

– Нет, – глухо ответила она, отвернувшись и долгим, полным муки взглядом впиваясь в залитую солнцем морскую гладь. – Это был мой друг. Лучший друг... Нас обвинили в сговоре с испанцами и оставили на том острове умирать.

– Мне жаль. Простите, – пробормотал Эдвард, опуская голову – собственный вопрос показался ему ужасно пошлым и глупым. Эрнеста вдруг спросила, все еще не глядя на него:

– Зачем ты это сделал?

– Что именно? – не понял Дойли.

– Я ведь оскорбила тебя. Разве не логичным было бы хотеть моей смерти? – просто объяснила девушка. Голос ее вдруг стал почти мертвенно спокойным. – Особенно после того, что ты сделал. Я помню, – с горькой усмешкой пояснила она. – Помню то, что было в шлюпке. Это ведь ты отправился хоронить его?

– Я не хочу вашей смерти, – невпопад ответил Эдвард и поспешно кивнул: – Да, я... Это был я. Мне показалась, что он заслуживал христианского погребения.

– Заслуживал... – тихо подтвердила Эрнеста. Ветер развеивал ее темные волосы, скрывая лицо, и Эдварду оставалось лишь наблюдать за тонкими смуглыми пальцами девушки, выступившими какой-то замысловатый мотив на нагретом дереве планшира. Внезапно она обернулась и впервые посмотрела на него своими внимательными черными глазами: – Почему Джек зовет тебя подполковником?

– Ч... Что? – задохнувшись, словно от удара в самое сердце, почти прошептал Эдвард. От неожиданности он даже не сообразил, что можно было бы отшутиться или солгать.

Лицо девушки осталось невозмутимым и, что удивительно, совершенно серьезным:

– Он ненавидит тебя, но все же принял в команду; поручает самую черную работу и разрешает измываться над тобой остальным; легко мог бы рассчитать тебя за пьянство, однако ему, очевидно, доставляет куда большее удовольствие видеть тебя в таком состоянии – значит, оно когда-то было иным. Кто ты такой?

– Меня зовут Эдди-Неудачником, – криво усмехнулся мужчина. Эрнеста улыбнулась уголками губ:

– А как звали раньше?

– Раньше... – еле слышно вздохнул он. На душе стало невыносимо тоскливо и горько, но вместе с тем и спокойно – что ещё может быть страшно для него? – Подполковник Эдвард Дойли. Я получил назначение в Нью-Лондон шесть лет назад.

– И что же произошло с вами, мистер Дойли? – тихо спросила Эрнеста. Он неловко отвернулся, запустив пальцы в сальные, давно не мытые волосы:

– Это... Это не ваше дело, и я не понимаю, зачем вы спрашиваете. – Ему самому почему-то мучительно хотелось рассказать обо всем, хоть с кем-то поделиться своими несчастьями – пусть даже с этой девушкой, вынесшей не менее страшное горе. – Знаете, когда... когда кажется, что ты наконец добился всего – признания, положения в обществе, какого-никакого благосостояния... и все это вдруг оказывается совершенно бессмысленно... на многие вещи начинаешь смотреть иначе.

– Да, это правда, – легко согласилась девушка, и Эдвард вновь почувствовал раздражение: что-то было в ней такое, что мешало ему вернуться к уже ставшему привычным существованию от одного сделанного украдкой глотка рома до другого, в промежутках между которыми – опять те заплеванные ступени, доски, грязные котлы на камбузе, тычки, насмешки, чужие любопытные взгляды: сколько он ещё продержится? Здесь была эта странная девушка с черными глазами и высокими испанскими скулами, говорившая по-английски без малейшего акцента, в одежде с чужого плеча – и словно окруженная вихрем стремительного и непрерывного движения, так, что даже воздух вокруг нее будто чуть рябил и искрился, как вода под солнечными лучами.

– А вы никогда не пробовали... быть может, начать все с начала? – внезапно, как и все, что она делала, спросила Эрнеста, и в ее глазах Эдвард прочёл приглашение. Но ответить он не успел – из-за спины послышался недоуменный возглас выбравшегося на палубу боцмана:

– Какого чёрта ты тут делаешь? Ну-ка бегом... кхм, простите, мисс Эрнеста, – оторопело пробормотал он, уставившись на нее с таким видом, будто перед ним был по меньшей мере сам король Англии в окружении блестящей свиты. Немного опомнившись, он стянул с головы свою засаленную треуголку, дружелюбно осклабился и сквозь зубы буркнул Эдварду: – Ступайте работать, мистер Дойли. Потом поговорим.

– Он не пойдет работать, мистер Макферсон, – неожиданно громким и спокойным голосом, сразу открывшим в ней привычку к беспрекословному подчинению, ответила Эрнеста, не дав Эдварду и рта открыть. – Я освобождаю мистера Дойли от наказания. Пусть ходит на камбуз, поест как следует и отдохнёт. И снимите его, пожалуйста, сегодня с ночной вахты. Если я не ошибаюсь, на ней все равно не положено находиться больше двух дней подряд.

И без того красное от ежевечерних возлияний и постоянного нахождения на верхней палубе лицо Макферсона совсем побагровело; он ошарашенно переводил взгляд с девушки на Эдварда, то открывая, то закрывая рот, и лишь спустя полминуты выдавил:

– При всем уважении... Вы наша гостя и не можете оспаривать приказы боцмана.

– По корабельной иерархии штурман стоит выше боцмана, – спокойно перебила его Эрнеста. – За отсутствием старшего помощника и квартирмейстера я – второй человек на корабле после капитана! Поэтому действуйте, мистер Макферсон, и ни о чем не тревожьтесь.

– Капитан ничего не говорил мне... – в голосе его послышалось уже не негодование, а недоумение, и девушка позволила себе чуть смягчить тон:

– Вероятно, он собирался сообщить об этом команде за обедом. Я приняла предложение капитана Рэдфорда всего лишь полчаса назад.

– Но я всё равно не понимаю... Он ведь должен был вам объяснить, – Макферсон покоился на Эдварда, и глаза Эрнесты вновь сверкнули злым огнем:

– Делайте, как я сказала. А с Джеком я сама поговорю, – коротким кивком дав понять, что разговор окончен, она быстро пересекла палубу и скрылась в капитанской каюте. Макферсон пожал плечами и недовольно, но, похоже, в душе уже смирившись, проворчал:

– Ладно уж, раз такие дела... Идите обедать, мистер Дойли.

– Есть, мистер Макферсон, – с усмешкой отозвался Эдвард. Впервые за много дней ему хотелось выпить ровно настолько, чтобы иметь силы удержаться от этого.

Джек корпел над картой, выписывая на ее поля из судового журнала вычисленные координаты – вожделенный маршрут все никак не желал укладываться в необходимые временные и пространственные рамки – когда дверь в каюту с треском распахнулась. Подобным манером к нему могли войти лишь двое – и то Генри в последнее время приобрел совершенно очаровательную привычку стучать, хотя капитанского разрешения по-прежнему не дожидался. Ну, не все сразу, усмехнулся про себя Джек, сразу повеселев.

– Подумала над моим предложением?

– Дай-ка мне выпить, – вместо ответа попросила Эрнеста, бесцеремонно разглядывая карту через его плечо. Вид у нее был настолько воодушевленным и бодрым, что Джек и вправду вылез из-за стола и подошел к комоду, из верхнего ящика которого извлёк пузатую флягу:

– Лучшее, двенадцатилетней выдержки. Знала бы ты, где я его оторвал... впрочем, нет, лучше тебе не знать. Надеюсь, я потрачу его не впустую?

– Лучше взять южнее. Пройдем вдоль побережья Санта-Катарины, а стоянку сделаем в бухте Симонса – сейчас там наши, с водой и припасами проблем не будет, – отозвалась Эрнеста, не сводя глаз с карты. – Так мы избежим шторма и сможем по дороге перехватить пару-тройку

жирных торговых суденышек. Как думаешь, мало ли добра на кораблях, владельцы которых готовы идти против закона, лишь бы не платить положенную пошлину?

– Я знаю лишь несколько товаров, ради которых можно было бы пойти на такой риск. И предупреждаю сразу: рабами я не торгую, – прищурился Джек. Эрнеста протянула ему стакан:

– Далась тебе эти рабы! Тебе бы я такое и не предложила. Специи и золотой песок – вот что они везут. Я знаю скупщиков, которые оторвут их с руками... Ну что, это стоит твоего вина?

– Черт возьми! Я знал, что приобретаю сокровище, но чтобы такое... – он щедро плеснул в стаканы искрящийся ароматный напиток. Девушка подняла бровь:

– Ещё не приобрел. Это всего лишь дружеский совет. Разве я сказала, что согласна остаться на твоём корабле и вступить в команду?

– Хочешь сказать, тебя не устраивают условия? Ладно, я слушаю, – нахмурился Джек. – Что я упустил?

– То, что на твоём корабле довольно малочисленный командный состав. Значит, на мои плечи сразу ляжет множество обязанностей помимо непосредственно навигаторских, – Эрнеста, не спуская с него настороженного взгляда, уселась в кресле поудобнее. – К тому же, я не привыкла работать одна. Мне требуется помощник.

– Хочешь, чтобы у нас появился ещё и подштурман? Так и быть, я кого-нибудь подберу, – кивнул капитан. Девушка сощурила черные глаза:

– Я уже подобрала. Это мистер Дойли.

Смуглое лицо Джека потемнело, с его губ едва слышно, но отчётливо сорвалось несколько ругательств. Эрнеста невозмутимо промолчала, поэтому после недолгой паузы он отрезал:

– Это исключено. Выбери кого-нибудь другого.

– С какой стати? Он бывший офицер королевского флота и наверняка неплохо разбирается в навигации, картографии и астрономии. Можем испытать его, если хочешь, но я и так уверена, что он справится со своими новыми обязанностями.

– Вот, значит, как, – по-волчьи оскалился Джек, глядя на нее тяжело и в упор. – А он тебе не рассказывал, за что его из этого самого флота вышвырнули, как трёхдневного котенка?

– Предоставь это мне, – пожала плечами Эрнеста. – Если через месяц он не бросит пить, я и сама его вышвырну.

– То есть то, что он пьяница, ты уже знаешь... А то, что он едва не повесил меня в Нью-Лондоне – это твой распрекрасный Дойли не говорил? Да если бы не Генри, меня бы...

– Ах, вот оно что! А я ещё гадала, в чем причина такого особого отношения к этому мальчишке, – усмехнулась Эрнеста так, что по спине Джека пробежали мурашки. Наклонившись вперед и положив локти на стол, она очень четко, тихо и спокойно продолжила: – У всех нас есть свои слабости. Я не задаю вопросов тебе, а ты – мне; если так будет впредь, то не окажется и препятствий для нашего долгого и плодотворного сотрудничества, – залпом допив вино, она поставила пустой стакан вверх дном. – Больше никаких конфликтов внутри команды. Никаких притеснений, никакого их поощрения. Мы договорились, капитан?

Джек смерил ее долгим взглядом, затем поморщился, но кивнул:

– Ладно, так и быть. Дадим нашему славному подполковнику ещё один шанс... Будешь должна, – предупредил он, пожимая протянутую ею узкую смуглую ладонь. Эрнеста кивнула:

– Разумеется. Когда я смогу приступить к своим обязанностям?

– Не спеши. После обеда начнёшь, а пока ещё надо представить тебя команде, – теперь Джек снова улыбался с самым доброжелательным видом. Девушка отвела взгляд, явно не желая поддерживать правила новой игры:

– С этим я уж как-нибудь справлюсь... Мне нужны будут все имеющиеся карты и лоции, чтобы знать, чего нам не хватает. Если в бумагах полный бардак, лучше скажи сразу.

– Обижает! Я тебе ещё сюрприз подготовил, после обеда покажу. Как для тебя сделан!
– Надеюсь, он исправный или хотя бы вкусный, – усмехнулась Эрнеста, берясь за ручку двери. – Не опаздывайте к обеду, капитан!

Эдвард уже успел утолить голод и теперь наслаждался недовольно-удивленными взглядами остальных членов команды, которые, словно ощутив некую перемену в расстановке сил на корабле, даже не отпускали привычных шуточек в его адрес. Это чувство защищённости, определенной уверенности хотя бы в ближайшем будущем было столь упоительным, что непременно терзавшая бы его прежде мысль о постыдности помощи от женщины теперь лишь маячила зыбким призраком где-то на границе сознания. От неторопливо съеденного обеда, пусть его и составляли лишь два жёстких сухаря с уложенными на них тонкими ломтиками солонины и стакан грога, живительное тепло разливалось по его телу, смешиваясь с приятной усталостью.

Эрнеста, стремительная и неожиданно красивая – без чужого кафтана на плечах, замененного чисто выстиранной рубахой, и в новом сатиновом платке густо-синего, завязанном поверх как следует расчесанных темных волос – возникла на палубе словно из ниоткуда. Прежде чем кто-то успел произнести хоть слово, она уже уселась за расстеленным куском парусины, заменявшим команде стол и бодро произнесла, поднимая кружку с грогом:

– Ваше здоровье, ребята!

– И вам не хворать, мэм! – отозвался кто-то из матросов. Удовлетворенная этим, Эрнеста принялась сосредоточенно, с аппетитом жевать жесткое мясо, не глядя ни на кого. Покончив с едой, она подняла голову, словно впервые заметив, что все внимательно смотрят на нее, и сказала громко:

– Возможно, кто-то из вас меня не знает, поэтому представлюсь: меня зовут Эрнеста Морено. Капитан Рэдфорд решил, что с этого дня я буду вашим новым штурманом... И, – она внезапно улыбнулась Эдварду своими темными, сверкающими глазами, – заодно познакомьтесь с моим помощником, мистером Дойли.

Больше всего Эдварда удивило то, что никто из присутствующих не осмелился открыто воспротивиться такому решению, так что после того, как схлынула первая волна удивленного гула, матросы вновь принялись за еду. Лишь старый рулевой Фрэнк Морган, громко и отчётливо сплюнув, заявил, что не голоден и потому отправляется в трюм отдыхать. По пути он едва не столкнулся с как раз вышедшим из своей каюты капитаном, но извиняться не стал, вместо этого проворчав что-то неодобрительное о принципах набора команды последним.

Эдвард хотел поговорить со своей неожиданной благодетельницей сразу после обеда, но Джек, не дожидаясь конца трапезы, увел девушку с собой на капитанский мостик и там вручил ей что-то, завернутое в кусок парусины. Это оказался обыкновенный небольшой медный квадрант, какие Эдвард неоднократно видел во время службы во флоте, но хорошо и надёжно сделанный, без присущих данному прибору огрехов, сильно сказывавшихся на точности измерений. Когда Эрнеста, придирчиво оглядев его со всех сторон, принялась сразу же вычислять местонахождение корабля, глаза ее едва ли не впервые за время пребывания на «Попутном ветре» загорелись настоящей радостью, как у человека, после долгого перерыва занявшегося наконец любимым делом.

– Ну что, угодил тебе? – с довольной усмешкой спросил капитан, через плечо наблюдая за ее манипуляциями. Эрнеста кивнула, не сводя глаз с прибора.

– Мистер Дойли, будьте добры, принесите карту текущего маршрута. Она в капитанской каюте, в верхнем правом ящике стола, – вдруг негромко и совершенно буднично приказала она. Эдвард, растерявшись, перевел взгляд с нее на Джека и обратно: это что, новая шутка?

– Мистер Дойли, я жду, – напомнила девушка, даже не взглянув на него. Матросы за его спиной начали перешептываться; капитан Рэдфорд нахмурился, но промолчал.

На негнущихся ногах Эдвард встал, прошел мимо них и доплелся до каюты. Карты в указанном ящике лежали кучей, и он долго рассматривал их, пытаясь найти нужную: и без того начерченные на тонкой и скверной бумаге контуры расплывались перед глазами.

– Благодарю вас, – все так же безучастно проговорила Эрнеста, когда он вновь появился на палубе. Пока он передавал ей бумагу, девушка скользнула взглядом по его трясущимся, словно после попойки, рукам, и чуть мягче прибавила: – Да, это именно то, что нужно.

Она быстро развернула карту, намазанным углем кончиком бечевки отметила нужную точку и провела от нее тонкую линию около двух дюймов длиной:

– Это наш маршрут на ближайшие три дня. Верно, капитан?

– У тебя другие предложения?

– Нет, пока все в порядке. Сейчас менять курс нельзя, можем попасть в шторм, а вот дня через четыре... – Пальцы ее заматались над картой, проводя какие-то едва уловимые глазу измерения. – Через четыре дня после полудня поворачиваем на... на где-то тринадцать с половиной градусов к югу – вечером скажу точнее – и с поправкой на ветер... В общем, через восемь дней выходим на те самые торговые пути.

– А мы... Мы сами не попадем в шторм, пока будем менять курс? Если он проходит здесь... – сам ужасаясь своей наглости, пробормотал Эдвард, прикасаясь к карте. Эрнеста, к его удивлению, нисколько не смутилась:

– Нет, к тому моменту он уже уйдет на восток. Вот, смотрите, если сейчас он здесь, а его скорость примерно равна... – склонившись над картой, принялась объяснять она. Дойли, задыхаясь от отвращения к самому себе, слепо кивал на каждое ее слово. Лишь теперь он начал понимать, почему своевольный и безрассудный капитан Рэдфорд был готов пойти на столь значительные уступки ради того, чтобы заполнить на борт эту девушку.

Все матросы уже разошлись работать или отдыхать, когда, обсудив скорректированный маршрут, Эрнеста с Джеком наконец оторвались от карты; сам Эдвард, не вмешиваясь более, стоял возле фок-мачты и делал вид, что прилаживает на место отвязавшийся конец.

– Вот и отлично, раз тебя все устраивает. Мистер Дойли, пожалуйста, отнесите на место, – вновь распорядилась девушка, сворачивая карту.

– Знаешь, на самом деле теперь ее место не у меня, – остановил ее Джек с заговорщической ухмылкой. – Видишь ли, первоначально я готовил тебе немного другой подарок, а это... Словом, тебе просто надо кое-куда пройти.

– Следуйте за мной, мисс Эрнеста, – предложил возникший словно из ниоткуда мистер Макферсон.

Небольшую, но удобную комнатку в трюме, отделенную от кубрика добротной перегородкой, готовили явно особо для девушки. Находилась она не в глубине корабля, а по левому борту, и сквозь отверстие, раньше, очевидно, служившее орудийным портом, а теперь расширенное и снабженное занавеской, солнечный свет бил прямо на придвинутый к перегородке письменный стол. Помимо него в комнате находились два стула, большой сундук, на который при желании можно было бы даже улечься, как на турецкий диван, несколько ящиков для бумаг и подвешенный к потолку гамак.

– Ну, ты пока здесь устраивайся, мешать мы не будем. Если что-то потребуется, говори сразу, – распорядился Джек после продолжительного молчания, по-видимому, не слишком рассчитывая на слова благодарности – девушка, вздрогнув, подняла на него свои темные глаза:

– Да, конечно. Спасибо.

Рэдфорд, поморщившись, плечом оттер Макферсона, мимо Эдварда прошел с таким видом, будто за обедом увидел в своей тарелке дохлую крысу, и сквозь зубы приказал:

– Идите за мной. Заберете все карты, приборы, бумагу – словом, то, что необходимо – и принесете сюда, надеюсь, дорогу уже запомнили... мистер Дойли.

Когда спустя полчаса тот вновь появился на пороге комнатки, Эрнеста, уже по-новому передвинув сундук и расставив по углам ящики, стоя спиной к двери, натягивала гамак.

– Это вы, мистер Дойли, – неожиданно тихо проговорила она, не повернув головы – темный силуэт ее на фоне светлого окна казался еще тоньше и трогательнее. – Оставьте все на столе, я потом разберу.

– Быть может, вам помочь? – поколебавшись, предложил он. Плечи девушки чуть дрогнули:

– Нет, спасибо. Вы три ночи не спали нормально, лучше идите отдыхать. Со всем этим я и сама прекрасно справлюсь... – зайдя сбоку, Эдвард успел заметить усталое и печальное выражение ее лица, и ощутил уже позабытую злость:

– Тем не менее, я останусь. Если хотите, можете отдохнуть сами, а я еще не настолько отупел, чтобы не суметь разложить карты по ящикам!

– Хорошо, тогда давайте работать вместе, – ничуть не удивившись внезапной вспышке его гнева, согласилась девушка. Подойдя к нему, она взяла лежавшую сверху стопку бумаг: – Кладите отдельно розы ветров, звездные карты – по полушариям; вот сюда положите лоции, а остальные – в тот ящик. И да, еще вот в эту коробку – те, которые надо перечертить, – спокойно приговаривала она, раскладывая по столу пожелтевшие листы.

Какое-то время они работали молча, прежде чем Эдвард, закончив рассортировывать очередную стопку, спросил:

– Зачем вы сделали это?

– Вам что-то не нравится? – откладывая в сторону чистые листы, уточнила девушка. Насмешка, мелькавшая в ее загадочных темных глазах, неизменно раздражала, но Эдвард принудил себя ответить почти вежливо:

– Нет, но ваши... действия могут навредить вам. Вы чужая на этом корабле...

– Никому они не навредят. Я просто не люблю быть в долгу перед кем-то, – устало, будто ребенку, объяснила Эрнеста. – Не отказывайтесь от помощи, мистер Дойли, и не думайте, что я собираюсь делать вам какие-то поблажки – я довольно требовательна. Вам был дан шанс, надеюсь, вы сможете им воспользоваться.

– Сделаю все возможное, – глухо ответил Эдвард. Он и сам ненавидел чувствовать себя кому-то обязанным, но отказаться от такой удачи было выше его сил. Впрочем, девушка, похоже, отлично видела его замешательство и не собиралась его ни в чем винить. Ее тонкое, с удивительно правильными чертами, которые не портил даже не подходящей женщине ровный темный загар, лицо выражало лишь спокойную сосредоточенность на работе:

– Идите отдыхать, мистер Дойли. Бумаги мы разобрали, а курс лучше рассчитать мне самой. Не уверена, что сегодня это получится с первого раза, но... Видимо, мне тоже предстоит сделать все возможное, – она склонилась над картой, будто разом забыв обо всем. Эдвард покорно повернулся и вышел прочь. Столь странно, непривычно растерянно – словно находясь на распутье, исход которого не знал и сам – он не чувствовал себя уже очень давно.

Глава

IV

. Вопросы и угрозы

Последующие две недели стали самыми странными в жизни команды «Попутного ветра». Новая «мисс штурман», как ее именовали теперь за глаза матросы, хладнокровно и бесцеремонно обустроивалась на судне, вмешивалась во все дела и приходила в капитанскую каюту по десятку раз в день. Со своими непосредственно штурманскими обязанностями она справлялась за пару часов с утра, рассчитанный маршрут отдавала на утверждение Джеку, после чего всегда лично приносила его недолюбливавшему ее рулевому Моргану. За две недели Эрнеста успела добиться смены части бегучего такелажа судна, клятвенного обещания Рэдфорда провести в ближайшее время кренгование, полной перевески коек в кубрике и, что было особенно

удивительно, новых гамаков и экипировки для матросов. На последнее были отданы заботливо прибереженные в трюме до часу рулоны холста для запасных парусов, которые прежде никто не смел трогать из опасения вызвать гнев Рэдфорда; однако Эрнеста, посоветовавшись с Макферсоном, также исполнявшим роль парусного мастера, принялась с завидным упорством втолковывать капитану, что менять оснастку в ближайшие полгода больше не потребуется, а команде новые гамаки и рубашки крайне необходимы.

Четыре дня продолжалось их противостояние, в которое с попеременным успехом окказались с разных сторон втянуты Макферсон, Морган, Эдвард и Генри, послуживший последним и самым убедительным доводом Эрнесты. В итоге Джек сдался и заявил, что упрямую бабу даже морской дьявол не переспорит: внушительные серые рулоны, увязанные в просмоленное сукно, перешли в ведение Эрнесты и назначенных ей в помощь четырех матросов. Впрочем, жадной или слишком наглой Морено не оказалась: после того, как пошив рубашек и гамаков был окончен, она лично вернула оставшуюся часть парусины на ее законное место. Получившиеся шедевры кустарного портновского искусства, по скромному мнению Эдварда, невозможно было бы надеть без косых взглядов и насмешек со стороны окружающих. К тому же парусинный холст был слишком груб и с непривычки неприятно натирал плечи и спину. Но пираты приняли новую одежду и койки с восторгом: маленькая «мисс штурман» надежно закрепилась в их сознании как человек, имеющий власть и не забывающий притом об их собственных нуждах.

Сам Эдвард относился к девушке с все возрастающим непониманием того, какие отношения должны их связывать. С одной стороны, Эрнеста, конечно, помогла ему своим неожиданным покровительством: с тех пор, как Дойли был назначен подштурманом, он мгновенно стал как бы на голову выше своих бывших обидчиков – и теперь даже Макферсон и капитан Рэдфорд, казалось, старались избегать вмешиваться в отношение к нему команды. То, чего Эдвард не мог добиться полгода, ловкой Морено удалось за жалких две недели – теперь приязнь к ней возвышала и ее помощника. Однако Дойли отлично видел, что на самом деле его должность не имеет смысла, и это было отвратительнее всего. Все необходимые вычисления Эрнеста делала сама, а ему доставались лишь совсем жалкие задания вроде того, чтобы снять показания квадранта, да и то лишь тогда, когда ей самой было некогда или не хотелось идти на палубу. О методах навигации, изучавшихся им в офицерской школе, она, правда, спрашивала подробно и с неподдельным интересом – эта ее тяга к любым новым знаниям уже была известна Дойли. Он даже успел проникнуться ощущением собственной важности и на мгновение подумал о девушке более снисходительно: и вовсе она не столь плоха, просто в силу своего происхождения не смогла получить образования, соответствующего ее способностям – весьма незаурядным и достойным, пожалуй, даже представителей высшего сословия... Но Эрнеста в какой-то момент внезапно перебила его и попросила написать формулу, по которой они вычисляли расстояние до точки назначения. Эдвард, никогда особенно не увлекавшийся такими вещами, взялся было за перо, но тотчас отложил его в сторону:

– Я не помню точно.

– А хотя бы примерно? – живо поинтересовалась Эрнеста. Досадуя на нее, Дойли, на ходу домысливая – комбинация цифр никак не желала четко вспоминаться – выписал на листе бумаги замысловатую дробь и протянул ей. Морено в задумчивости пробежалась по ней взглядом, поменяла местами тройку с пятеркой, разделила знаменатель на два и снова повернула листок к нему:

– Может, вот так?

Снисходительная усмешка уже успела было родиться на губах бывшего офицера – но на сей раз некстати точная память подсказала ему, что формула написана верно. Кусая губу от досады, он отвернулся.

Словом, Эрнеста Морено нравилась ему с каждым днем все меньше и меньше.

Настроение у Джека Рэдфорда было не лучше. В отличие от Эдварда, присутствию на корабле Эрнесты он был даже рад – та брала на себя значительную долю обязанностей, которые раньше полагалось исполнять именно ему. Джек видел, с каким остервенением она вмешивалась даже в откровенно не касавшиеся ее дела, но не мешал. С раннего утра до позднего вечера девушка металась по верхней палубе или окапывалась в трюме, выстаивала положенные вахты и брала внеочередные, после которых глубоко за полночь приплеталась в собственную каюту, забиралась в гамак и спала там как убитая до рассвета, с которым все начиналось вновь.

Обычно при этом она казалась веселой, и, глядя на нее, матросы частенько забывали, при каких обстоятельствах у них появился новый штурман. Но Джек знал и другое: иногда во время ночной вахты он видел, как Эрнеста ненадолго покидала свой пост, подходила к фальшборту и нестерпимо пристально смотрела в темную линию горизонта, где сливались безмолвные вода и небо. И всегда, как бы корабль ни менял курс, Эрнеста смотрела в одну четко выверенную точку – и без компаса Джек был уверен, что именно в том направлении находится безымянный остров, забравший жизнь и тело ее друга. Рэдфорд не был сентиментален и ни за что на свете не стал бы утешать девушку: она и сама наверняка отлично знала, что пиратской жизни без потерь не существует. Но что-то в его душе ныло и зудело, как заноза, заставляя каждый раз, когда Морено приходила с очередным предложением, внимательно выслушивать его. Черт возьми, да он даже согласился терпеть подштурманом треклятого Дойли ради ее спокойствия!

Правда, с чего вдруг Эрнеста вступилась в это дело, было неясно. Генри, похоже, заметивший чуть больше Рэдфорда, советовал не тревожиться:

– Может, дело просто в том, что она сейчас очень одинока, Джек. Раз ей приятно общаться с мистером Дойли – это же хорошо? К тому же они с первого дня знакомы...

Хорошего в этом было мало, но альтернатив уже порядком уставший от постоянного надзора за чужой жизнью Джек не видел и потому лишь брезгливо кривился: как же, с самого первого дня... Что ж, может, ей и правда надо развеяться. А ненавистного бывшего офицера можно вышвырнуть с судна и парой месяцев позже.

Однако чем больше Джек наблюдал за ними, тем сильнее сомневался в том, что ему это удастся даже и через полгода. Эдвард и Эрнеста медленно, с опаской притирались друг к другу, ходили кругами, с досадой отмалчивались в ответ на все вопросы окружающих: Дойли иногда срывался и отвечал в тон, Морено просто уходила в трюм и там возилась, проводя ревизию грузов и состояния судна. Но оба они так ни разу и не проговорились кому-то третьему, что им тяжело или неприятно работать вместе; а Джек знал, что рано или поздно все неувязки пройдут и заставить этих двоих отказаться друг от друга станет на порядок сложнее. Он упорно отсылал Эдварда на прежние унизительные работы, но тот, невесть откуда набравшись такой дерзости, выполнял их не только без ропота, но и с вызывающей легкостью. Складывалось даже впечатление, что он нарочно стремится поскорее закончить дела наверху и отправиться вниз, в штурманскую каюту – Рэдфорд бесился в душе, проклиная его и все на свете, но никак не мог отделаться от этой крамольной мысли.

Единственное, что радовало Джека в Эрнесте помимо безупречной службы – это то, что она ухитрилась сразу же поладить с Генри. Та ее угроза, решившая судьбу Дойли, стала единственной: спустя неделю юноша ходил за ней чуть ли не по пятам, обретя, наконец, человека, стабильно снабжавшего его фактами и терминами, присущими повседневной пиратской жизни. Доходило до смешного.

– Значит, простому матросу полагается фиксированная часть добычи – доля. Юнге полагается половина доли, так же? Погодите, а почему же Карлито...

– А это у нас капитан – человек хороший. Так и запомни... Канонир и боцман?

– Старший канонир, боцман и судовой врач – доля с четвертью, штурман и старший помощник – полторы доли, капитан – две... а квартирмейстер?

– Квартирмейстер – четвертую часть всей добычи, но на нее он должен закупить необходимое снаряжение для корабля на следующий рейс. В карман себе кладет только остатки, а иногда самому еще и добавлять приходится – у нас на судне такое в первые годы бывало не раз... Ясно тебе? Повтори.

– Эрнеста, вот зачем ты ему этим забиваешь голову? – возмутился Рэдфорд, и в глазах девушки появились редкие искры чуть мрачноватого веселья:

– Джек, лучше не вмешивайся, пока я не начала рассказывать ему о прелестях мателотажа!

– Ма... мате... Как-как вы сказали? – вмешался любопытный Генри, и Эрнеста, поглядывая на несколько смутившегося Рэдфорда, принялась объяснять:

– Мателотаж – это когда два пирата клянутся всегда заботиться друг о друге, вместе ходить в море, делить все найденное пополам. А в случае смерти одного из них другой должен взять на себя опеку над его семьей.

– Похоже... Немного похоже на брачную клятву, – пробормотал Генри после непродолжительного молчания; щеки его заметно порозовели. Эрнеста внезапно начала смеяться, а Рэдфорд, сердито косясь на нее, буркнул:

– Нисколько. Мателотаж означает братство пиратов и совместное предприятие, а не семейные узы.

– Ага, замечательное братство. Редко где такое встретишь, – весело продолжила рассказывать Эрнеста. – Еще мателоты обмениваются кольцами, когда дают ее, как правило, делят один гамак на двоих...

– Ну это уже вздор! – сердито оборвал ее Рэдфорд. Генри удивленно переспросил:

– Один гамак на двоих? Как это... это же... неудобно...

– Удобно, удобно, – успела вставить Эрнеста прежде, чем Джек перебил ее:

– Ты же сам много раз ночевал в трюме и знаешь, как там бывает тесно. Раз команда все равно делится на вахты и ее половина при любом раскладе находится на верхней палубе, то можно использовать одно спальное место на двоих. После восьмой склянки вахтенный с подвахтенным просто меняются местами.

– Именно так они и делают, – вновь обретя серьезность, согласилась Эрнеста. – Слово голландское, а на их судах – флейтах – требуется большая команда. И Джек, в общем-то, прав, мателотаж регулирует преимущественно материальные вопросы, – хитро покосившись на него, она подмигнула имевшему совсем растерянный вид Генри: – А остальное – это уж как мателоты сами договоятся.

– Вы... Вы что-то имеете в виду?.. – совсем тихо спросил тот, глядя на нее огромными глазами, и даже суровая Морено невольно смягчилась:

– Нет. Нет, ничего особенного. Давай я тебя по названиям парусов погоняю, а то у тебя с ними совсем худо. – Полудетская наивность и доверчивость юноши обезоруживала ее так же, как и Рэдфорда, а его обаяние заставляло с не меньшей охотой искать его общества. К тому же, в отличие от Эдварда, Генри беспрекословно слушался ее, впитывал знания, словно губка, и сам лез пробовать все новое и неизведанное. На следующее утро, выйдя на палубу, Эрнеста застала его отрабатывающим фехтовальные приемы с обнаженной шпагой в руках.

– Я правильно делаю, мэм? Вот, поглядите! – непривычно азартно крикнул юноша.

– Вижу, вижу, – снисходительно усмехнулась она. Генри нисколько не обиделся: за прошедшие две недели этот тон ему стал почти привычным. – Джек обучал тебя?

– Да, еще с тех пор, как принял в команду. Вам не нравится? – он широко провел шпагой по воздуху вокруг себя и прокрутил ее над головой. Эрнеста пожала плечами:

– Так тебе никогда не победить в серьезном бою.

– Почему это? – возмутился Генри. Морено пояснила совершенно бесстрастно:

– Твоя булавка ничем тебе не поможет. Пираты используют иное оружие. Подожди-ка здесь, – она скрылась в трюме и спустя пару минут вернулась, держа в руках какой-то сверток.

– Что это? – недоуменно спросил Генри и, разглядев содержимое свертка, радостно улыбнулся: – А, это я знаю! Джек мне показывал, но сказал, что еще рано...

– Вот это называется катласс, – поворачивая в руках оружие, больше похожее на топор для разделки мяса, менторским тоном объяснила Эрнеста. – По-простому – абордажный тесак. Если тебе случится оказаться на верхней палубе во время боя, атаковать, скорее всего, будут именно им. Твоя шпага или даже обычная сабля хороша только для отработки учебных приемов...

– Почему вы так говорите, мэм? – обиженно взглянул на нее Генри. – Джек сказал, что я делаю успехи – к тому же, я вообще раньше никогда не держал в руках оружия!

– Держи, – вместо ответа Эрнеста протянула ему катласс. Генри заколебался, затем осторожно сжал в пальцах рукоять и сразу пораженно заметил:

– Тяжелый!

– Потому что ты его неправильно держишь. Как и шпагу, кстати, но это не столь заметно, потому что она легче, – Морено слегка нахмурилась, дотрагиваясь до его руки. – Расставь пальцы шире, а большой направь вдоль рукояти. И напряги запястье: именно за счет него движется клинок. Теперь нападай.

– К... Как? Прямо... – Генри с сомнением обшарил глазами ее тонкую фигуру. – Вы... возьмите хотя бы нож или что-нибудь другое!..

– Заставь меня, – спокойно ответила Морено, заложив руки за спину.

От первых двух выпадов Генри она уклонилась, просто поочередно отведя назад левое и правое плечо. Когда он, уже потихоньку начав понимать, как действовать новым оружием – не пытаться колоть или сильно размахивать им, а наносить более короткие рубящие удары – напал в третий раз, она наконец пригнулась и вытянула из свертка второй катласс, выставив его перед собой в качестве блока.

– Долго еще собираешься во всем полагаться на Джека? Работай! – с задором крикнула она.

– Я... Я... Я вовсе не полагаюсь!.. – тщетно пытаясь достать ее одним из своих выпадов, отзывался юноша. – Я вообще стараюсь всего добиваться сам!

– Неужели? Да бей же сильнее, не бойся так!

– Я... Я и не боюсь! Он просто мой друг, такой же, как и ваш! – звонко разносился по палубе юношеский голос.

На шум и звон оружия выбрались разбуженные пираты. Сперва они держались настороже; но когда стало ясно, что схватка шуточная, послышались одобрительные и подбадривающие возгласы в адрес обоих противников. На капитанском мостике появился сам Джек Рэдфорд, тоже с интересом наблюдавший за боем.

Эдвард стоял в толпе: стиснутый со всех сторон, он был одним из тех немногих, кто не получал от этого зрелища никакого удовольствия. Напротив, наблюдать за оживленными, наслаждавшимися ощущением силы и свободы Эрнестой и Генри – юноша между выпадами ухитрялся звонко смеяться, запрокидывая голову, да и у самой Морено непривычно ярко сияли глаза – казалось ему чем-то противоестественным, отвратительным и донельзя фальшивым. Какое-то странное смущение заставляло Эдварда отводить глаза и страстно желать заткнуть и уши всякий раз, когда раздавался скрежет скрестившихся клинков или чей-либо слишком громкий возглас. Не вытерпев, он низко опустил голову, покрепче сжал виски пальцами, закрывая уши – и именно в этот момент Эрнеста, отбросив в сторону катласс Генри, с победоносным видом приставила свой клинок к его горлу:

– Сдаешься?

– Сдаюсь, сдаюсь! – примирительно поднимая вверх обе руки, со смехом ответил тот. Джек, улыбаясь, встал между ними:

– Ну все, довольно. Нормально? Никто не пострадал? – обращаясь явно больше к юноше, с необыкновенной заботой спрашивал он; Эрнеста, прищурившись и тоже чуть заметно усмехаясь, наблюдала за ними. Эдвард отвернулся. На душе было пусто, мерзко и противно. Больше всего на свете ему в ту минуту хотелось выпить.

Было уже полуденное жаркое время, когда отобедавшие и переделавшие все утренние дела пираты разбрелись по всей палубе в участки, где паруса создавали хоть какую-то защиту от солнца, лениво переговариваясь между собой, выполняя какие-то нехитрые работы наподобие починки собственной одежды или просто тихо подремывая в тени. Словом, был тихий и излюбленный всеми моряками час, и боцман Макферсон тоже собирался немного отдохнуть от трудов праведных. Однако спать ему мешал чистый и звонкий смех Генри, переговаривавшегося со старыми матросами на баке, которым он помогал счищать пороховой нагар с мушкетов; поэтому он просто улегся на расстеленную холстину, наслаждаясь редкими минутами покоя. Неожиданно рядом присела Эрнеста, державшая в руках тонкую бечевку, с одной стороны уже увязанную во множество замысловатых узлов, и Макферсон проснулся окончательно.

– Кто он вообще такой, этот Генри? – негромко любопытствовала Эрнеста, искоса наблюдая за ним. Макферсон поморщился:

– Видите ли, мисс... У нас об этом как-то не принято говорить.

– Я не болтлива, – небрежно заверила его девушка, накручивая на пальцы бечевку. – Просто хотелось узнать, каким образом парень, в жизни не видавший моря, смог оказаться в команде старины Джека Рэдфорда.

Старый боцман помолчал, тоже с каким-то странным выражением лица наблюдая за сияющим юношей, которого, казалось, не смущали ни грязь, ни тяжесть выполняемой работы: за что угодно он всегда брался с охотой, не теряя своего терпеливого и вежливого отношения к окружающим.

– Мисс, Джек не любит, когда мы об этом вспоминаем; но, если желаете, я расскажу. Вы же помните, как три года тому назад проклятый старпом Робинс организовал бунт на судне, а потом оставил нашего капитана на доске в открытом море?

– Слыхала, – сквозь зубы процедила Эрнеста.

– Так вот, – наклоняясь к ее уху, зашептал боцман, – после того, как его там подобрала какая-то другая команда – кажется, буканьеров, он об этом терпеть не может рассказывать, поэтому я толком и не знаю – полтора года наш Джек, значит, плывал с ними. Потом услышал, что Робинс поплыл наниматься к сэру Джулиасу Фостеру, губернатору Бермуд – и сам, отчаянная голова, туда рванул. Я ему говорил: поостерегись, подожди пару недель-то, мы уже почти с капитаном Бейли Старым столковались, он нам соглашался уступить по такому случаю один из своих кораблей... Но когда Джек кого-то слушал? В общем, в Нью-Лондоне он этого мальчика и встретил – тот его сперва укрыл в лавке, где служил, накормил, подпоил, а там и сдал «красномундирникам»².

– Ловко он, – чуть заметно усмехнулась Эрнеста, хотя взгляд ее становился все более мрачным и напряженным. – А потом что же, сам оттуда и вытащил?

– То-то и оно, что вытащил! – радостно хлопнул по колену старый пират. – Джек-то, видно, размяк, пока в подпитии был, ну и сболтнул ему спьяну про Робинса. Его-то, капитана нашего, в тюрьму бросили, ясно, чем все кончится, ан нет! Спустя четыре дня под вечер заявляется к его камере наш паренек и объясняет, как дело обстоит. Робинс-то проклятый мисс Мэри, дочку губернатора, к себе на судно пригласил – она смелая страсть как, да и пиратов всю жизнь увидеть мечтала – ну и запер у себя в каюте, а потом вышел в открытое море – и поминай, как звали! А губернатору оставил записку: мол, коли хочешь видеть дочку здоровой

– собирай денежки, и назначил столько, сколько тому вовек было не собрать. Губернатор и жених ее, конечно, старались – черт их знает, всякое про них слышал, может, и достали бы они деньги-то... Да только кто ж им даст гарантию, что мисс Мэри вернут целой и невредимой? А Генри-то, слышно, влюблен в нее был крепко. Он и показал сперва Джеку ключи от камеры – где и спер, шельмец! – а потом предложил так: он нашего капитана выпускает, а тот, с Робинсом рассчитавшись, ему отдает Мэри и отпускает их обоих на все четыре стороны. Сбежали они, значит. До Тортуги добрались на каком-то суденышке торговом – наврали, что едут в Гавану, а сами на полпути ночью шлюпку тихонько спустили и добрались до Тортуги – там совсем недалеко было. Ну, я, как про все это прознал, скоренько метнулся к капитану Бейли, мол, не забудьте, сэр, свое обещание. Команда у меня уже почти полная была, погрузились мы на нашу ласточку да и рванули за Робинсом на всех парусах. Он-то шибко умный был, на Тортуге старался не показываться, приглядел себе островок какой-то и на нем и добычу прятал, и кренговался, и прочее все. Жители местные, видно, не возражали. Эх, какие там были цыпочки... – мечтательно зажмурился Макферсон и, поперхнувшись, спешно продолжил: – Словом, там мы их и нашли. Робинса Джек своими руками порешил, а остальных мы на себя взяли – капитан у нас хороший, щедрый да удачливый, почем зря не лупит, такого предавать – распоследнее дело. А мисс Мэри Джек и впрямь отпустил, даже выкупа не затребовал, и отвез чуть ли не до самого дому обоих – разве что у берега в шлюпку их усадил, счастья пожелал, а сам потом у фальшборта встал и долго-долго стоял, все смотрел им вслед. И нам всем словно бы и радостно было, что так все славно закончилось, а вроде бы оно и не так как-то. Да и к парню все мы крепко привязались: и храбрый, и ласковый, и услужить всем старается; ни слова грубого, ни жалобы от него никакой...

– Как же он тогда вернулся? – чуть смягчившись, поинтересовалась Эрнеста.

– А вот, вот, сейчас расскажу! Полгода мы потом с Джеком ходили – остальные-то не замечали, а я его давно знаю, – снова понизив голос, зашептал Макферсон, – так я вижу, что он словно сам не свой: по вечерам, бывало, выйдет на палубу и стоит, смотрит на то, как солнце садится, и приговаривает что-нибудь тихонько; и мальчишку того нам все вспоминает, вроде как случайно, нет-нет, да упомянет в разговоре. Кажется, все к слову, а только видно было, что тяжело ему было. И что вы думаете? Вернулись мы с очередного дела на Тортугу, думаем, может, теперь капитан наш отойдет; вся команда, как положено, на берег сходит, с приятелями старыми здороваемся, девкам подмигиваем уже – и вот он, Генри Фокс наш, собственной персоной! Я сперва даже подумал, будто он помер и к нам с того света вернулся. Чур тебя, говорю, что мы тебе сделали дурного? Иди с миром, мол. Только Джек обрадовался так, обнял его сразу, рядом с собой усадил, налил ему и спрашивать начал: как жизнь, значит, и отчего он опять на Тортуге объявился. А Генри ему и объясняет, что мисс Мэри отец не разрешил замуж за него выйти и вообще у них как-то все не сладилось. Из лавки той его уволили, семьи нет, и идти ему, в общем-то, больше и некуда. Ну, Джек ему возьми и предложи: раз так дела обстоят, то ступай ко мне на судно матросом. Долю ему равную с прочими положил, а мы уж слово дали, что всем премудростям моряцким сами научим...

– Плохо держите слово свое, – усмехнулась девушка. – По сей день ахтерштевень от форштевня отличить не может...

– Это уже наша вина, мисс. Сами понимаете, времени особо нет, да и я ему одно объясняю, мистер Морган – другое, а капитан наш – третье, вот у него в голове все в одну кашу и мешается. Ничего, пообвыкнется со временем. Он парнишка шустрый, сообщает хорошо – должен справиться.

– Верно, шустрый. Такой шустрый и сообразительный, что прямо зависть берет, – задумчиво отозвалась Эрнеста, разглядывая получившуюся цепочку морских узлов. Размохрившийся конец бечевки делился на две совершенно одинаковые ровные половинки.

Был уже вечер, когда Эдвард, тревожно озираясь по сторонам, прокрался в заветный уголок трюма. Желание выпить рому, тщательно подавляемое им весь день, стало просто нестерпимым; однако въедливая и не в меру внимательная Эрнеста, казалось, следила за ним постоянно. Дойли был даже слегка удивлен, обнаружив, что она столь легко позволила ему ускользнуть в трюм: провернуть подобное ему представлялось более трудоемким делом. Но оно было и к лучшему: измученный вынужденной трезвостью разум напрочь отказывался выдавать хоть некоторое подобие плана, как бы наведаться к излюбленной бочке.

Первый глоток привычно обжег горло; Эдвард так торопился, что даже не стал тратить время на то, чтобы нацедить ром в припрятанную в углу кружку, а просто вырвал пробку, швырнул ее под ноги и, пав на колени, прижался искусанными сухими губами к стекавшим по скользкому боку бочки каплям. Отвращения он совершенно не чувствовал – лишь какое-то животное ликование над так ловко обманутыми им пиратами: сколько бы они ни притворялись, что здесь, в море, они лучше него, но даже так – даже теперь, став лишь жалким подобием прежнего себя – он все равно несоизмеримо...

– Мистер Дойли! Что это вы делаете? – невыносимо громко раздался, казалось, над самым его ухом полный зарождающегося негодования голос, и все его гордые мысли как волной смыло. Прижав ко рту ладонь, Эдвард затравленно поднял голову, нисколько не сомневаясь в том, что увидит спустя мгновение.

Эрнеста стояла прямо за его спиной, и в неверном, мечущемся по стенам свете фонаря было отчетливо видно, как на ее смуглом лице сменяют друг друга гнев и отвращение. Последнее показалось Эдварду настолько оскорбительным, что он даже забыл о том, чтобы взмолиться, уговорить ее сохранить его тайну:

– Что, сеньорита, за столько лет пиратской карьеры ни разу так не делали?

– Не знаю, как в славных и непобедимых британских войсках, но у пиратов за воровство у своих же товарищей положена смертная казнь, – тихим, вздрагивающим голосом ответила Морено; лицо ее при этом стало совершенно каменным, словно она вдруг надела маску. Дойли замер, зорко вглядываясь в ее лицо. Как ни странно, страха он почти не почувствовал, попросту не поверив, что девушка не лжет. Криво оскалившись, переспросил:

– Да? А за что еще она положена?

– За пьянство на борту, за исключением случаев, когда отмечается победа над врагом, – все тем же странным голосом принялась перечислять Эрнеста. Слова ее ложились размеренно и четко, словно удары окованной железом плетки-девятихвостки. – За нападение на товарища с применением оружия, за предательство, за покидание своего места во время боя, за трусость, за жульничество в азартной игре, за утаивание от капитана и квартирмейстера захваченной добычи. За попытку бунта, за неподчинение приказам в чрезвычайных обстоятельствах, за пренебрежение интересами матросов для командного состава, за невыполнение своих обязанностей, повлекшее за собой увечье или гибель хоть одного члена команды, за...

– Погодите! – все еще стоя на коленях на полу, Эдвард, недоверчиво усмехаясь, поднял руки ладонями вверх. – Вы все это серьезно говорите?

– Корабельный устав на любом пиратском судне вешается в двенадцати видных местах отпечатанным или четко и разборчиво написанным от руки, а тринадцатый экземпляр находится в капитанской каюте. Также каждое воскресенье во время обеда он зачитывается вслух специально для членов команды, не умеющих читать. Вы не знали об этом, мистер Дойли?

– Нет, не знал, – сухо, отрывисто проговорил Эдвард. Липкий, гадкий страх – неизбежная боязнь любого живого существа в ожидании боли или смерти – наконец проник в его душу, и лишь жалкие остатки былой гордости мешали ему заглянуть в лицо стоявшей над ним девушки и спросить, что она намерена делать. Разумеется, что еще остается ей, пиратке, для которой он – преступник, не заслуживающий снисхождения? Во время службы Эдвард и сам не раз отдавал приказы о повешении за мародерство и дезертирство, и, казалось, ему тем более не

подобало рассчитывать на нечто иное – но как-то не верилось, чуждо и дико было думать ему, что у этого сброда, шайки грязных разбойников на утлом ветхом суденышке, окажется свой свод правил, по строгости не уступавший привычным воинским уставам...

– Меня убьют? – глухо поинтересовался он, подбирая с пола пробку и затыкая ею отверстие в бочке: стекающие на пол капли рома вызвали у него смутное сожаление, хотя он и знал, что ему уже не ощутить на языке их пряный вкус. Эрнеста встретила этот жест удивленным взглядом, однако затем решительно покачала головой:

– Идемте.

– Зачем это? К... к капитану, да? – с раздражением различив хрипотцу в собственном голосе, рискнул выговорить он, но Эрнеста не отвечала: рывком дернув его за запястье вверх и тем заставив подняться на ноги, она решительно повела его прочь из отсека, к лестнице. Следующий уровень, кажется, тоже был грузовым – Эдвард, хотя и провел на «Попутном ветре» свыше полугода, до сих пор еще путался в этом бесчисленном множестве лестниц, перегородок, отсеков, закоулков и переходов – однако девушка, похоже, чувствовала себя здесь более чем уверенно.

Спустя еще несколько минут этого странного блуждания они пришли туда, где Дойли определенно еще не бывал ни разу: судя по ставшей почти незаметной качке, Эрнеста привела его куда-то в кормовую часть корабля, но расположенную также под водой. Несколько перегородок между смежными отсеками и примыкающим к ним коридором было выломано, из-за чего образовалась довольно большая и даже удобная площадка, пока что ничем не занятая. Когда Эрнеста подняла руку и повесила фонарь на вбитый в потолок крюк, Эдвард различил лишь несколько больших мешков с чем-то, похожим на ямс, в дальнем углу.

– Для чего мы здесь? – успел удивиться он прежде, чем девушка с прозвучавшим удивительно громко в непривычной посреди корабля тишине металлическим лязгом вытянула из ножен шпагу:

– Доставайте оружие.

– Зачем это? – нахмурился Дойли. Она повторила чуть громче:

– Доставайте.

Эдвард, совершенно перестав понимать, что вокруг происходит, вынул собственный клинок и сжал покрепче в отчего-то ставшей мокрой и липкой ладони:

– Я не собираюсь с вами сражаться!

– Предпочтете вернуться к проверенному развлечению? Не выйдет, мистер Дойли! – резко перебила девушка; глаза ее сверкали даже ярче пламени над ее головой. – Раз вам требуется объяснять, как тому мальчишке – значит, я объясню!

– Мне ничего не требуется объяснять! Почему вы просто не отправите меня к своему другу Рэдфорду? Он будет крайне рад такой возможности... – договорить бывший подполковник не успел – резкий и неожиданный выпад из самого непривычного положения едва не достал его. Фехтовала Эрнеста так же, как и делала все остальное: стремительно, без малейшего изящества и красоты движений, но на редкость точно, с полным презрением к канонам этого смертоносного искусства атакуя из неожиданных позиций и уходя в защиту не туда, куда следовало.

Однако даже просто достать ее Эдварду, не без оснований считавшему себя сносным бойцом, никак не удавалось: девушка с обескураживающей изобретательностью уходила от его точно выверенных выпадов, заходила за спину, вынуждая крутиться на месте волчком, и набрасывалась на него снова, даже не думая щадить. Из двух царапин на груди и одного довольно неприятного пореза на плече мужчины уже текла кровь, отвыкшие за время долгого перерыва в тренировках мышцы ломило, голова кружилась – не то от алкоголя, не то от необходимости постоянно поворачиваться навстречу ускользающей противнице. Вдобавок от напряжения Эдвард попросту запыхался и с трудом понимал, что происходит вокруг. Его так и подмы-

вало швырнуть шпагу ей в лицо и позволить действовать на свое усмотрение – но сдаться ей?! Сдаться женщине – сдаться пиратке, только-только оправившейся от последствий своего пребывания на острове, еще две недели назад едва державшейся на ногах – сдаться той, что и без того уже нестерпимо унизила его своим непрошеным заступничеством...

Он предпочел бы умереть, но специально напороться грудью или горлом на ее клинок у него не хватало духу. К тому же не похоже было, что Эрнеста допустила бы такое: слишком внимательно ее взгляд следил за каждым его движением и слишком отточенным, с идеально отмеренной порцией ярости был любой взмах ее шпаги – отбить его Эдварду сил хватало, но на большее...

Что же, что же, черт возьми, он делает не так?!..

– Хватит жалеть себя! – лезвие чужой шпаги симметрично куснуло другое плечо и едва не коснулось шеи – Эдвард с глухим рычанием успел уклониться в сторону. Эрнеста зло усмехнулась, и ее жаркий шепот тотчас зазвучал уже с другой стороны: – Плохо, да? Жалеее себя? Отдохнуть бы, рому выпить, – скрестившиеся клинки выбили искры, и на мгновение непроглядно черные глаза мелькнули, казалось, совсем рядом с его щекой, – а эта сумасшедшая ходит за вами по пятам и лезет, куда не просят. И зачем вы только за ней за борт прыгали, а? Пусть бы тогда подохла к чертовой матери...

– Я этого... не говорил!.. – сквозь зубы выдохнул Эдвард, морщась от острой боли в напряженном предплечье: при всей своей внешней хрупкости Морено оказалась не только прочной, но и довольно крепкой, и удерживать ее одной рукой было тяжело.

– А что такого? Вполне разумная мыслишка, вам, аристократам, вроде как даже и не зазорная. Неприятно же, когда всякий мусор вам сидеть и мечтать об упущенных возможностях мешает! – Эрнеста с силой толкнула его в плечо и снова полоснула по руке – глубже и сильнее прежнего, алая дорожка сразу же пробежала от локтя до самых кончиков пальцев. – Больно вам сейчас, а? Разумеется, больно! Начнете об этом думать – пропустите мой удар и умрете. Тяжело вот так, с непривычки драться на пределе своих сил? Но остановитесь – и опять-таки умрете! Жалость к себе – это смерть!..

– Сеньорита, хватит! – сорвавшимся на крик голосом оборвал ее Эдвард. Давно забытым, обреченным движением он провернул лезвие перед ее клинком и резко отвел в сторону. Мгновение он не мог поверить в свою победу – но выбитая им из чужой руки шпага негромко звякнула о доски за его спиной.

Эрнеста, кажется, даже не заметила, как лишилась оружия: темные глаза ее по-прежнему впивались в лицо Дойли – перед их взглядом он и сам забыл о собственном преимуществе, будто замороженный – и в них, полных нестерпимого горя и тоски, медленно вскипали жгучим потоком рвавшиеся наружу слезы.

– Нельзя жалеть себя. Нельзя... жалеть... – глухо проронила вновь Эрнеста, отвернулась и медленно опустилась на корточки, закрыв лицо руками. Поколебавшись мгновение, Дойли отбросил в сторону ставшую бесполезной шпагу, подошел к девушке и неожиданно обнял. Он плохо понимал, что произошло в этот момент с ней, с ним самим и с его обидами: на какое-то время все это потеряло значение. Они сидели рядом, привалившись спиной к шершавой перегородке; щека Эрнесты лежала на его груди, а сам он положил руки ей на спину, приговаривая смутные слова утешения – не то для нее, не то для самого себя.

– Завтра я буду вас ненавидеть за это, – рассеянно шептала девушка, и он усмехался:

– Вам придется встать в конец очень длинной очереди.

– Как будто меня это остановит...

– Могли облегчить себе жизнь, выдав меня Джеку.

– В следующий раз именно так и сделаю, – кивала она равнодушно и снова поднимала свои черные глаза на него. – Нельзя вам пить. Совсем нельзя. Есть люди, которые свою меру знают, но вы не такой. Будете пить – не сможете остановиться...

– Я бы хотел бросить. Я часто об этом думаю, – задумчиво отзывается Эдвард. – А потом что-то случается – и все, конец. Не могу сдержаться. Знаете, когда такая жизнь... – Слава Богу, он успел вовремя прикусить язык, однако Эрнеста все равно прекрасно все расслышала. Тем не менее, Дойли, уже приготовившийся к вполне заслуженной, на его взгляд, отповеди, тревожился зря: девушка понимающе кивнула и положила ладонь на его запястье.

– Приходите ко мне, если совсем худо станет, – предложила она. – Я вас привяжу к койке, поспите так пару часов – и станет легче. Макферсона и Джека беру на себя.

– Не надо, – чуть резче, чем хотел, перебил ее Дойли. – Я... Я уж как-нибудь сам.

– Сами не сможете. У нас в команде – в той команде – был один парень, который с опиумом пытался завязать. Мы все ему помогали, дежурили по очереди, Билл так и вовсе ни на шаг от него не отходил... – нарочито равнодушно отозвалась она, но Эдвард отлично расслышал зазвучавшую в ее голосе дрожь. – Жуткое зрелище, мистер Дойли, жуткое и жалкое, когда человек сам себе не хозяин.

– И что с ним случилось? – поежился Эдвард: откуда-то сверху неприятно сквозило. Эрнеста пожалала плечами:

– Выпал за борт во время шторма. Билл прыгнул следом за ним, сам едва не погиб, но втащить обратно на борт так и не смог.

– Мне жаль, – хрипло выговорил Дойли.

– Я думаю, он специально это сделал. Знал, что ему не хватит сил жить без опиума, и не захотел превращаться в зависимое от него животное... Это была скверная, тяжелая смерть, но все равно лучше того, что его ожидало.

– Вы так спокойно об этом говорите...

– Вы же бывший военный, мистер Дойли – должны знать, что смерть всегда ходит рядом с людьми вроде нас.

– Никогда не мог с этим примириться, – откровенно поделился Эдвард. Холодный, едва заметный блеск глаз девушки вызывал у него глухую досаду. – Зачем вы лжете? Я знаю, вам это не менее тяжело.

– Если я сейчас заплачу и скажу, что жизнь несправедлива ко всем нам... – полусшепотом отозвалась Эрнеста, подтягивая колени к груди. – Что изменится?

Эдвард промолчал.

– Ничего, – наконец сама заключила Морено, оправляя растрепавшиеся волосы, и, наклонившись, похлопала его по плечу: – Вы ступайте наверх сейчас, а я еще тут посижу. Если мистер Макферсон придерется, скажите, что это я вас задержала.

– Нет, – с силой сжимая ее ладонь длинными пальцами, возразил Эдвард. Встретил ставший слегка удивленным взгляд и предложил: – Идемте вместе.

Вплоть до того самого момента, когда они вышли на верхнюю палубу, заполненную народом – было уже время ужина, и бачковые разносили дымящиеся котелки с горячим варевом – Эрнеста так и не отпустила его руку.

Глава V. О преимуществах свободы

То утро было настолько ясным и солнечным, что Джек, едва выйдя на палубу, сразу же заявил Эрнесте:

– Добрый день будет. Вот увидишь, сегодня точно кого-нибудь встретим.

– Все тебе неймется, да? – понимающе усмехнулась девушка, хлопая его по плечу. Она и сама откровенно тосковала в эти дни полуштия и затяжного безделья, хотя из гордости и не признавалась в этом.

Генри, только выбравшийся из кубрика и жадно вдыхавший с ночи еще прохладный и свежий воздух, не преминул вмешаться в их разговор:

– Так это правда, что яркое солнце с утра – к богатой добыче?

– Конечно, правда, – с важным видом кивнул Джек и, не удержавшись, рассмеялся, обхватив его за плечи и усадив рядом с собой на планшир. Эрнеста мгновенно пихнула забывшегося капитана локтем в бок:

– Осторожно, не урони парня!

– Не уроню, – отозвался тот, несколько не обидевшись. Теперь все трое сидели на фальшборте, свесив ноги в сторону моря и рискуя в любой момент рухнуть за борт, но Джека это, похоже, несколько не смущало, а Эрнесту волновало только в связи с возможной необходимостью потом нырять за неловким новичком. Генри на всякий случай уцепился одной рукой за какой-то канат за спиной и осторожно спросил:

– Скажите, а что нужно делать в случае... ну, скажем, абордажа?

– А что, ты еще ни разу не бывал в бою? – с искренним удивлением обернулась к нему Эрнеста, но Рэдфорд опередил ее:

– Зависит от того, кем ты являешься в команде. – И, не дожидаясь следующего вопроса, отрезал: – В твоём случае – находиться в трюме и помогать мистеру Халуэллу с перевязкой раненых.

– Утешься, Генри, тем, что меня капитан тоже не пускает в абордажную команду, – усмехнулась Эрнеста.

– Разумеется! Если тебя убьют или ранят, как мы потом доберемся до суши? – возмутился Джек.

– Ну, положим, твоих картоведческих познаний хватит, чтобы не промахнуться мимо суши, – нарочито ласково отозвалась Эрнеста и тотчас добавила, подмигнув Генри: – А вот чтобы эта суша оказалась обитаемой – тут уже сложнее...

– Вот и идите искать нам такую сушу, штурман Морено! Что же вы тогда сидите тут и насмехаетесь над чужими не столь обширными познаниями в делах, заниматься которыми должны исключительно вы? – с показной суровостью отпарировал Рэдфорд. Эрнеста снова усмехнулась с раздражающим пониманием:

– Действительно, пойду-ка я работать, дел невпроворот. Развлекайтесь тут сами! – Одним ловким движением перепрыгнув на палубу, она с гордо поднятой головой направилась к смолившим снасти матросам и громко, требовательно позвала: – Мистер Дойли, вы мне нужны!

– И вот так всегда, – пророчал Джек, с почти детской обидой наблюдая за ней. – Упертая, как сам дьявол!

Генри промолчал, искоса наблюдая за ним, затем тихо спросил:

– Мы действительно сегодня встретим какое-то судно?

– У Эрнесты, конечно, тот еще характер, но свое дело она знает, как никто другой, – задумчиво ответил Джек. Какое-то время он просто изучал тяжелые изумрудные волны, лизавшие бока корабля, после чего обернулся к юноше и пояснил: – Здесь проходят торговые пути, по которым предпочитают двигаться люди, полагающие, что можно не платить положенных пошлин, не нанимать охрану для своих судов, платить команде сущие гроши и при этом получать неплохую прибыль. Сегодня мы объясним им, что это так не работает, – радостная улыбка появилась на его лице, темные глаза хищно и опасно сверкнули, как у дикого зверя в предвкушении славной охоты.

Ближе к полудню, когда раскаленный шар солнца повис точно в центре неба, превращая все тени в несуразные съежившиеся лужицы прохлады в сплошном жарком мареве, из «вороньего гнезда» наконец раздался крик вперед смотрящего:

– Вижу корабль!

Измученная бездельем команда встретила его слова небывалым оживлением. Матросы, бывшие на палубе, спешно бросились каждый на свое место: расчеты – к пушкам и в крьюйт-камеру за дополнительными картузами, абордажники – за оружием, с десятков матросов-такелажников уже расположились на марсах, готовые в любой момент броситься ставить нужный

парус или в случае сближения корблей распутывать и перерубать свои и чужие снасти. Трое из них заранее запаслись как можно большим запасом ружей: их задачей было прикрывать товарищей сверху и целиться во вражеских капитана, рулевого и главу абордажной команды.

Эдвард, всего одну склянку назад сменившийся со своей вахты, а до того еще два часа почти без инструментов, зато под чутким руководством Эрнесты долго и муторно чертивший отдаленное подобие фарватера, сперва, заслышав оглушительный звон рынды, не понял, что случилось. Первой его мыслью было, что на корабле начался пожар; но по реакции более опытных товарищей догадавшись, что происходит, он сходу бросился помогать носить пороховые картузы к пушкам, предполагая, что ничего более серьезного ему никто не доверит. К его удивлению, рулевой Фрэнк Морган лично вручил ему тяжелый катласс и хмуро сообщил:

– Готовься. Пойдешь вместо Эйба.

– Мистер Морган, где все абордажники? Почему так долго? – из толпы расчетов к ним молниеносно выбежала запыхавшаяся, растрепанная, но совершенно спокойная Эрнеста. Казалось, единственным, что ее беспокоило, была невозможность для нее самой участвовать в абордаже. – Скорее идите, я сама здесь разберусь! Расчеты – по местам! Мистер Дойли?.. – впервые в ее глазах мелькнуло нечто смутно похожее на тревогу. Морган сухо, но не без злорадства пояснил:

– Он идет с нами. Приказ капитана!

– Ради Бога, вы еще здесь? – раздраженно перебила его девушка; положив руки на плечи Эдварда, она неожиданно торопливо заговорила: – Ничего не бойтесь и не пытайтесь сразу же перебраться на их борт. Дождитесь первого залпа и затем сразу лезьте наверх. Стреляйте из пистолета только на расстоянии в десять-пятнадцать шагов – ну, это вы и сами не хуже меня знаете... С марсов вас прикроют. Должны прикрыть!..

– Сеньорита, не волнуйтесь вы так, – чувствуя, как у него самого невольно дрожат руки и сердце начинает биться быстрее обычного, попытался улыбнуться Дойли. Эрнеста, оценив его усилия, тоже криво усмехнулась и крепко сжала его ладонь:

– Да, да, конечно. Это ваш первый абордаж? – Эдвард кивнул. – Тогда все в порядке. Новичков никогда не убивают, они обязательно возвращаются живыми. Идите, мистер Дойли, – хрипло проговорила она, внезапно сняв с шеи один из своих многочисленных амулетов и быстро завязав на его запястье замысловатым узлом.

– Зачем это?

– Теперь ни один враг не сможет вас убить, – уверенно ответила девушка и повторила тверже: – Идите же!

– Эрнеста! Эрнеста, где тебя носит?! – свесившись в трюм, прокричал капитан Рэдфорд, и ее лицо мгновенно приобрело прежнее спокойно-решительное выражение:

– В абордажную команду пролезть не пытаюсь, не тревожусь!

– Еще бы ты попыталась! Весь молодняк отправь к Халуэллу, ему не хватает людей, – показную беспечность Джека как рукой сняло, теперь он тоже уверенно и твердо отдавал распоряжения. – Макферсон останется за старшего канонира; раненые и корабль будут на вас!

– Мы уже все приготовили, пожара не случится, – пообещала Эрнеста. Едва взъерошенная голова капитана исчезла в проеме трюмного люка, девушка вновь бросилась протискиваться сквозь толпу спящих повсюду матросов:

– Генри! Генри, черт бы тебя побрал, где ты? Карлито, Чекко, ну-ка бегом к мистеру Халуэллу, вам тут делать нечего! Еще набегаетесь в «пороховых обезьянках»... Где Генри? Генри!..

– Расчеты, огонь! – едва появившись в трюме, сходу прокричал боцман Макферсон. Канониры бросились к орудиям, и спустя несколько секунд раздался грохот первого залпа.

Абордажная команда вступила в бой практически сразу после того, как «заговорили» пушки «Попутного ветра». Памятуя наставления Эрнесты, Эдвард, услышав треск ружей, не выпрямился во весь рост, стремясь как можно скорее перебраться на вражескую палубу, а наоборот, пригнулся за фальшбортом и, улучив момент, метнулся к переброшенной наподобие трапа доске и сходу врубился в гущу схватки. Еще в офицерской школе он славился своим мастерством фехтовальщика и даже теперь не растерял былых навыков. Его тело, отвыкшее от постоянных тренировок, не двигалось столь же легко и стремительно, как раньше; но Эдварду хватало времени, чтобы замечать выпады противников и либо парировать, либо уворачиваться от них. Быть может, амулет Эрнесты и впрямь хранил его – сперва с трудом подавивший желание, как подобает доброму христианину, сорвать его с себя и выбросить за борт, теперь Эдвард даже испугался, когда не заметил на своей руке этого хитроумно завязанного обрывка бечевки, забившегося под рукав. Убедившись, что тот на месте и надежно закреплен, он сразу почувствовал облегчение.

Команда торгового судна оказалась на редкость хорошо подготовлена: когда орудийные порты тяжеловесного галеона открылись, показались черные дула двух десятков двенадцатифунтовых пушек, а еще три вертлюжных, поменьше, уже плевались картечью с юта в наступающих пиратов. Эдвард, едва увидев трупы двоих абордажников, не успевших отбежать в сторону, и изрешеченную мелкими глубокими ранами грудь третьего, понял, что вывести из строя пушки необходимо во что бы то ни стало. Очевидно, капитан Рэдфорд подумал то же самое одновременно с ним: на полуют они взбежали практически одновременно, но тут же Эдварду пришлось остановиться, чтобы задержать бросившихся им наперез матросов с галеона.

Против него оказались четверо человек: двое крепких, плечистых молодцов, третий – совсем мальчишка и еще один – на редкость худой и тонкий, но проворный, явно знакомый с фехтованием и, в отличие от Эдварда, похоже, занимавшийся им без долгого перерыва. Уворачиваясь от его ловких, уверенных выпадов, Дойли в отчаянии думал, что в одиночку не справится: он сумел уложить двух товарищей своего противника, но с ним самим совладать не мог. Из двух глубоких порезов на груди и плече уже текла кровь, и Эдвард с бессильной яростью сознавал, что замедляется все больше. Внезапный выстрел из пистолета заставил его инстинктивно пригнуться, левую руку обожгло болью, но второго удара не последовало. Эдвард поднял голову как раз вовремя, чтобы поймать последний взгляд своего противника, удивленный, как у всех застреленных в спину, прежде чем тот замертво рухнул на палубу. Генри, бледный, взъерошенный, с перепачканным порохом лицом и дымящимся пистолетом в руках, стоял над ним и протягивал трясущуюся ладонь.

– Надо помочь Джеку, – торопливо проговорил он, и Эдвард не нашелся, что ответить: такой неподдельный ужас, ужас первого убийства, светился в глазах юноши. Однако Рэдфорду помощь уже не требовалась: спустя секунду он сам оказался рядом с ними и схватил Генри за руку:

– Идем! Охраняйте пушки, – бросил он через плечо Эдварду. Дойли обреченно скривился: конечно, он ожидал чего-нибудь подобного, но настолько откровенно... Впрочем, подумалось ему вдруг, чего еще ожидать от Джека? Он ведь не сеньорита Эрнеста и будет только рад, если Эдвард не выживет в этом абордаже. Черта же с два он получит, мстительно подумал Дойли, вместе со злостью ощутив прилив сил. Вдобавок на выручку ему уже мчались посланные Морганом Дэнни и Питер, и Эдвард вновь крепко сжал рукоять катласса, встречая контрвыпадом очередного противника – не все еще потеряно!

Джек, держа пытавшегося что-то объяснить юношу за локоть левой рукой, а правой орудуя катлассом, с трудом прорубился сквозь толпу испанцев, втащил Генри на палубу «Попутного ветра» и почти швырнул под ноги выводившей очередного раненого Эрнесте:

– В трюм его! И сама больше никуда не выходи, слышишь? – Девушка открыла было рот, желая что-то сказать, но Джек, молниеносно крутанувшись вправо, вскинул пистолет и в упор

выстрелил в уже замахнувшегося саблей испанца, перебравшегося на борт следом за ними. Эрнеста мгновенно умолкла и подхватила Генри под локоть:

– Иди за мной. Иди, ну же! – Юноша, как замороженный, покорно сделал несколько шагов, но тотчас рванулся обратно – Эрнеста едва успела удержать его.

– Тебе что, жить надоело? – рывкнула она и тотчас грубо дернула его за руку: – Ложись!

Над их головами мгновенно прогремели два выстрела, а почти сразу же корабль ощутимо дрогнул, а под палубой послышался звук удара и треск ломаемых досок. Генри рухнул на четвереньки, с ужасом озираясь по сторонам: казалось, он ожидал нападения уже с совершенно любых направлений.

– Черт возьми, откуда на торговом судне столько пушек?! – со злостью выкрикнула Эрнеста; при падении она разбила нижнюю губу, и теперь тонкая струйка крови стекала по ее подбородку, наделяя обычно спокойное и красивое лицо жутким хищным оскалом.

– И что же нам делать? – прокричал юноша, очевидно, оглушенный залпами. Эрнеста перевела на него затуманенный взгляд, однако не успела ничего сказать: снова раздался грохот двух пушек, корабль тряхнуло из стороны в сторону, послышались вопли раненых.

– Идем. Идем, живо! – позабыв обо всем, потребовала девушка. – Помогите мне!

Старый Эйб корчился в паре шагов от них, хватаясь за перебитую ногу и громко зовя на помощь. Генри, плохо соображая, что делать, опустился перед ним на колени.

– Быстрее, бери его под руку с той стороны, – хрипло велела Эрнеста, подбежав к ним. – Дотащим сами!

С трудом им удалось поднять старого матроса и довести от самого фальшборта до люка, ведущего в трюм, но тут же снова послышался выстрел – Генри инстинктивно отшатнулся в сторону и услышал, как вскрикнула Эрнеста. Пуля вошла в затылок Эйба и убила его на месте.

– Да когда они уже снимут этого чертового боцмана? – громко и яростно выговорила девушка, не сводя глаз с марсовой площадки грот-мачты вражеского судна. Генри посмотрел в том же направлении и разглядел темную фигурку человека, а рядом с ним – большую корзину с мушкетами и ружьями, возле которой, очевидно, перезаряжая их, возился еще кто-то из вражеской команды.

– Здорово подготовились, – с все той же злостью проговорила Эрнеста, сплевывая на палубу кровь из разбитой губы. – Видимо, крепко мы им насолили... Он уже четверть часа там сидит и выкашивает наших, а ему – хоть бы что! Не пожалей их капитан денег на хорошие ружья...

Вражеский боцман снова выстрелил – с палубы и марсовых площадок «Попутного ветра» ему ответили сразу несколько стрелков, но ни одна из пуль, очевидно, не достигла цели: напротив, послышавшийся следом за этим крик боли, как мог судить Генри по выражению лица Эрнесты, принадлежал кому-то из пиратов.

– К черту, – сверкая глазами, выдохнула она и, пригибаясь к палубе, метнулась к грот-мачте, привычными, сноровистыми движениями начав взбираться наверх по вантам. – Сейчас я сама его уберу!

Генри, позабыв обо всем, тоже бросился к мачте, запрокинув голову:

– Я вам помогу!

– Дурак! Убирайся в трюм, пока живой! – не оборачиваясь, крикнула Эрнеста. Она уже ухватила за свисающий конец шкота и теперь, подтягиваясь на руках, пыталась перебросить правую ногу через рею. Очередной выстрел вражеского боцмана почти достиг цели: пуля сбила с ее головы шляпу, и девушка припала к мачте всем телом.

– А... черт! – хрипло выругалась она, протянув было руку к бесполезному сейчас пистолету и тотчас изогнувшись змеей так, чтобы спрятаться за бьющим по ветру парусом. – Далеко слишком! Ребята, – запрокинув голову, крикнула она сидевшим на марсовой площадке матросам, – Айк, Марти, киньте мне ружье! Любое, только быстрее!.. – Получив требуемое, она снова

выглянула из-за паруса, вскинула оружие, пытаясь прицелиться, но тотчас спряталась снова в укрытие. Вражеский боцман поднял ружье, целясь в кого-то из абордажников-пиратов внизу; Эрнеста моментально выхватила из-за пояса пистолет и выстрелила в парус над его головой.

– Что, съел? – донесся до Генри ее издевательский смех. – Не ты один стрелять умеешь!.. – Новая пуля заставила ее опять пригнуться и прижать ружье к животу. Генри видел, как боцман, что-то бросив своему подручному, склонился над корзиной и, выбрав, очевидно, самый дальнобойный длинноствольный мушкет, подошел ближе к краю площадки, на секунду выпрямившись во весь рост. Два выстрела прогремели одновременно.

Эрнеста оказалась метче: боцман, дрогнув, схватился за ногу и рухнул в море, потеряв равновесие. Генри впился глазами в то место, где он упал, пораженный тем, насколько просто это оказалось: всего мгновение назад человек жил и мыслил, а теперь вместо него – лишь широко расходящиеся круги на воде...

– Идем скорее! – Спрыгнув на палубу, Морено сжала его локоть. Левая рука ее была окровавлена – похоже, покойный боцман тоже оказался хорошим стрелком – но в горячке боя «мисс штурман» даже не обратила на это внимания. Напротив, доведя Генри и втолкнув его в люк трюма, сама она вновь метнулась на палубу и вернулась, поддерживая под руку зажимающего распоротый живот Питера.

– Держи, держи его! А, черт, только не это!.. – вскрикнула вдруг она, быстро толкая раненого на руки Генри – тот едва успел подхватить обмякшее тело – а сама, вырвав из-за пояса Питера тяжелый катласс, метнулась навстречу здоровенному детине с абордажным топором в руках, с диким ревом мчавшемуся к ним. Эрнеста была заметно легче и ловчее него, но в подобном поединке перевес был на стороне ее противника: выше девушки на добрых два фута, с длинными, обвитыми тяжелыми буграми мускулов руками, играючи сжимавшими огромный топор, он в два удара сбил ее с ног, а третьим отрубил бы ей голову, не успей Эрнеста уклониться в последний момент.

– Запри трюм! – прокричала она Генри, перевернулась на бок и снова вскочила на ноги распрямившейся стальной пружиной. Теперь девушка избрала другую тактику: кружа вокруг противника, она почти не пыталась его атаковать, лишь уклонялась от прямых ударов топором, и растерявшийся было Генри только спустя несколько секунд понял, что от него требуется.

В трюме было ничего разобрать после залитой солнцем палубы, и он, кое-как втащив внутрь потерявшего сознание Питера, успел лишь уложить его на кусок парусины перед спешно промывавшим в простом тазу с водой инструменты судовым врачом, отчаянно пробормотал:

– Мистер Халуэлл, пожалуйста, помогите ему! Я... я нужен наверху... – и, низко опустив голову, вслепую нащупывая ступеньки, бросился обратно.

– Нет, Генри! Нет, уходи!.. – крик Эрнесты, прерванный возгласом боли, он услышал словно сквозь толстое одеяло, уже скрестив с противником тесаки в бессмысленной, жалкой попытке выиграть хоть немного времени до самого неизбежного.

Прав был Джек: катласс оказался слишком тяжел для его непривычной руки, и все, на что хватило Генри – на пять или шесть отчаянных, с размаху, ударов. Руку обожгло резкой и почему-то ужасно обидной болью, когда испанец, изловчившись, выбил оружие из его руки и пинком под колено сбил с ног. Следующий его удар мог стать последним для юноши, если бы Эрнеста не успела подставить под вражеский клинок лезвие своего тесака. По ее лицу из глубокой ссадины струилась кровь, но глаза смотрели с все той же непреклонной яростью, а рука, державшая оружие, почти не дрожала. Испанец отступил на шаг в сторону, выбирая позицию для новой атаки – Эрнеста сразу же повернулась лицом к нему, держа клинок перед собой и одновременно трясущейся, мокрой от крови левой рукой утягивая Генри себе за спину.

– Когда... Когда смерть приходит к тебе, знаешь, что ей говорить? – хрипло сорвалось с ее оскаленных губ. Генри замотал головой. – Говори: «Погоди, я еще не убил своего врага!»

Внезапно прогремевший совсем рядом выстрел заставил их обоих вздрогнуть. Испанец, уже занесший было свой топор, вдруг остановился, как вкопанный. На его лбу медленно появилось небольшое кровавое пятно, глаза закатились, и он, слабо качнувшись вперед, снова замер на месте – а затем замертво рухнул на палубу лицом вниз. Эдвард Дойли, все еще сжимавший в руке дымившийся пистолет, стоял на планшире галеона, смотрел на них в упор – и Генри увидел, как при взгляде на него глаза девушки изумленно расширились:

– Вы... Вы?..

Бывший подполковник, рывком засунув за пояс пистолет, внезапно по все той же абордажной доске перебрался к ним на борт, с силой схватил Эрнесту за локоть и потащил за собой – на Генри он и вовсе не обратил внимания:

– В трюм, немедленно! Вы же штурман, чем вы думали, когда так рисковали?! – все так же за руку втащив ее внутрь, выкрикнул он. Генри потрясенно глядел на них обоих – он и представить себе не мог, чтобы кто-то так разговаривал с сеньоритой Эрнестой – но девушка неожиданно покладисто молчала, не сводя глаз с разошедшегося помощника.

– Сидите здесь и занимайтесь своими обязанностями! Еще раз попытаете вытворить нечто подобное, и я... – в запале начал Эдвард и умолк, поняв, что сказал уже совсем лишнее. – Сидите здесь и никуда не выходите! – снова рявкнул он и, отвернувшись, медленно и тяжело принялся взбираться обратно на палубу. Эрнеста проводила его странным взглядом, привалилась спиной к хлипкой перегородке, закрыла глаза и глубоко, всей грудью вздохнула.

– Мэм, – осторожно позвал ее Генри. Девушка, не двигаясь, посмотрела на него исподлобья, оттолкнулась от перегородки и хрипло спросила:

– Слышал, что велел мистер Дойли? Идем помогать Халуэллу...

Под лазарет была обустроена большая часть кубрика, и Генри сперва с ужасом оглядывался по сторонам: за полгода ставшие ему почти семьей люди со стонами падали в гамаки, садились у стены, держась за кое-как перевязанные руки, ноги, головы и животы, присовокупляя к скудной помощи доктора «поправку здоровья» хорошей порцией рома. Посреди всего этого безумия, как затравленный, метался судовой врач Халуэлл. Стоило Эрнесте с Генри войти в кубрик, как он в сопровождении двух юнг, разносивших воду и бинты, бросился навстречу им:

– Ради Бога, с вами-то что?

– Ничего, – сквозь зубы проговорила Эрнеста: видимо, даже она неуютно чувствовала себя в окружении такого количества раненных, увечных и порой обреченных на смерть людей. – Из нас, конечно, те еще доктора, но вам ведь наверняка требуется помощь...

– Требуется, требуется, – поспешно закивал Халуэлл. – Ты, парень, подсоби-ка ребятам, они уже совсем с ног сбились, а вам, мисс Эрнеста... Пойдите, да у вас же плечо чуть ли не до кости разрезано!

– Стерплю, – сурово отозвалась девушка, засучивая рукава рубашки. – Вон тем двоим ваша помощь явно нужнее. Говорите, что мне делать?

– Вы... Вы так и будете с нами работать? – тихо спросил Генри, спустя пару минут забирая у нее порезанный на аккуратные полосы для перевязки холст. Эрнеста усмехнулась:

– А ты как думал? Надо будет подыскать на Тортуге кого-нибудь в помощь Халуэллу, один он еле справляется. Были бы серьезные раны...

– Разве это не серьезные? – ужаснулся Генри, становясь на колени, чтобы закончить перевязку стянутой ремненным жгутом простреленной ноги одного из матросов. Эрнеста мотнула головой:

– Большинство из них выживет. Знаешь, сколько раз меня саму пытались застрелить, утопить, задушить или зарезать? – Она небрежно оттянула в сторону ворот рубашки, показывая глубокий извилистый шрам, опоясывающий правое плечо, и еще один, потоньше, – точно по линии ключицы. Генри, насупившись, отвел взгляд и продолжил работать молча.

– Скажите, а почему здесь так тихо? Я думал, сюда должны были доноситься звуки боя, – наконец снова спросил он.

– Бой уже закончился. Как видно, они предпочли сдаться, – пожала плечами девушка.

– Откуда вы это знаете?

– Раненых больше не прибавляется. Ты не заметил?

– Нет, я... – юноша прикусил губу, затягивая последний узелок, и поднялся на ноги. – Я закончил, мэм. Разрешите мне вас перевязать?

– Делать тебе больше нечего, – усмехнулась Эрнеста, поворачиваясь к нему левым боком и с гримасой закатывая окровавленный рукав до самого плеча. Генри пододвинул к себе тазик с водой и поразился:

– Да ведь она же морская!

– А то! Стану я пресную переводить, – в глазах девушки мелькнули льдистые искры. – Лучше нам всем потерпеть сейчас, чем потом подыхать от жажды в неделе пути до берега...

Генри, мысленно поклявшись себе больше не задавать вопросов, принялся осторожно промывать до сих пор кровоточащую рану. Морено сидела молча, прикрыв глаза и глубоко, размеренно дыша – никто из перевязываемых им пиратов так себя не вел – и поэтому он, кляня себя за малодушие, все-таки шепнул:

– Вам разве не больно?

– Нет. Ты хорошо справляешься, – спокойно ответила Эрнеста, через плечо с любопытством поглядывая на работу его тонких ловких пальцев. – Джек тебя научил?

– Да, – после небольшой заминки кивнул юноша. Его темные глаза чуть заметно сверкнули: – Вы... Вам ведь не нравится, что мы с ним друзья?

Эрнеста внезапно очень внимательно посмотрела на него – так, как иногда смотрела на небо по вечерам, пытаясь понять, какой будет погода в ближайшие дни. Генри с трудом мог выдержать этот испытующий взгляд, но глаза все же не отвел, и девушка наконец улыбнулась.

– Я его хорошо понимаю, – загадочно ответила она и перехватила его руку с зажатой в ней полосой бинта: – погоди. Дай-ка мне ром, он справа от тебя. – Получив требуемое, она зубами вытащила пробку и вылила часть огненной жидкости прямо на рану, даже не поморщившись, после чего сделала два больших глотка и протянула ему бутылку: – Выпей, тебя всего трясет. А потом завяжешь потуже, и мы забудем об этой небольшой царапине. Мистер Дойли и так мне еще ее припомнит, – нахмурившись, прибавила она.

Генри послушно глотнул рому, едва не поперхнувшись – он до сих пор не мог понять, как другие пираты ухитрялись не просто пить подобное, но и получать от этого удовольствие – и принялся оборачивать бинты вокруг плеча Эрнесты.

– Вы сказали, что наши противники... – осторожно начал он, не поднимая глаз. – Раз они сдались, значит, рассчитывали этим спастись, да?

– Вполне возможно, – кивнула Эрнеста.

– И что же... Что с ними будет теперь?

– Не знаю. Это уж как Джек решит, – безразлично ответила она. – Лично я бы пустила всех выживших на корм акулам, но меня никто не спрашивает...

– Вам совсем их не жаль? – тихо спросил Генри. Красивое лицо Эрнесты потемнело, на секунду став таким же, как час назад на палубе:

– Если мне захочется кого-то пожалеть, то это будут ребята, которых мы сегодня вечером зашьем в парусину и бросим за борт, поскольку у нас даже нет возможности похоронить их похристиански! Эти испанцы знали, чем все кончится, когда начинали стрелять.

– Но ведь они защищали свое судно...

– А мы защищаем свои жизни! – резко ответила Эрнеста, сверкнув глазами. – Боюсь, ты плохо понимаешь, где оказался, парень. Против нас весь мир, и если ты хочешь выжить, то забудь о доброте! Тем более – о доброте к побежденным врагам.

Генри промолчал, дожидаясь, пока ее гнев уляжется, осторожно закончил повязку и лишь затем тихо спросил:

– А Джек того же мнения, что и вы?

– Спроси у него сам, раз так интересно, – хмуро посоветовала Эрнеста, трогая аккуратно замотанный бинт и оправляя рукав рубашки. Ее злость уже прошла, и теперь девушка ощущала лишь невероятную усталость. Но отдыхать было совершенно точно нельзя...

На верхней палубе «Попутного ветра» уже всюду шла дележка добычи: все награбленное делилось на положенные доли строго по договору, подписанному всеми, кроме Эрнесты, еще до отплытия с Тортуги. За неимением квартирмейстера этим занимались боцман Макферсон и Джек, вносивший также предложения о дополнительной награде за проявленные мужество и доблесть. Победенных испанцев нигде не было видно; очевидно, их под охраной загнали в трюм захваченного галеона. Судьба данного судна, в отличие от его команды, похоже, заботила Эрнесту: протолкавшись сквозь толпу матросов и скупно ответив на их поздравления, она сразу же направилась к капитану:

– Что будем делать с кораблем, Джек?

– А что с ним делать? Ясно же, пустим в свободное плавание на дно... Тысяча чертей и одна ведьма, что с тобой опять случилось? – мгновенно расширившиеся глаза Джека впились в ее разорванный и окровавленный левый рукав, сквозь который виднелись наложенные бинты. Эрнеста раздраженно повела плечом:

– Обычная царапина. Случайно вышло.

– Ради всего святого! Я же говорил тебе...

– Да, да, Джек, ты говорил, ты вообще много чего говоришь! Давай, вычти из моей доли за нарушение твоего приказа, но скажи: неужели тебе не жаль корабля? Совсем новый же...

– На Тортуге мы его не пришвартуем, и даже на якорь поставить вряд ли получится. Громоздкий очень, осадка большая, а маневренность слабая. В нашем деле скорость судна важнее размеров, сама знаешь, – досадливо морщась и поглядывая с жадностью на захваченный галеон, ответил Джек: похоже, мысль о том, что величественный и полностью исправный корабль придется пустить ко дну, не давала покоя и ему самому.

– Вот бы загрузить на такой побольше пушек и использовать против ему подобных, – мечтательно проговорила Эрнеста, тоже во все глаза разглядывая тихо покачивающийся на волнах галеон. – Мы раньше так пробовали, неплохо получалось. С Винченсо и... с Биллом... – голос ее оборвался и умолк. Джек замер, растерянно глядя на ее ссутуленную спину, неловко тронул за плечо:

– Эй, ты чего? Да пойми ты... эх, ладно, оставим его, только не...

– Нет, нет, ты прав. Наш здорово нас тормозил, а проблем со швартовкой каждый раз было – не оберешься, – отстраняясь от него, глухо бросила Эрнеста, вытерла ладонью глаза и почти буднично спросила: – А какую долю получают мистер Дойли и Генри?

– Таковую, которая им положена, – отрезал капитан, но, смягчившись, взглянул на нее повнимательнее: – Тебе известно что-то, что может повлиять на мое решение?

– Выдай им обоим дополнительное вознаграждение за отвагу, – посоветовала девушка. Джек настороженно взглянул на нее, однако предпочел не задавать вопросов.

В качестве своей доли Морено унесла к себе две пары крепких штанов и три холщовые рубахи подходящего размера – до того за неимением собственной одежды ей приходилось носить одолженные Джеком вещи. И этим приобретениям Эрнеста была рада не меньше, чем выданным ей собственному катлассу и двум ружьям, вместе с ее старым кортиком составлявшим теперь ее личный арсенал. Рэдфорд спустя пару часов, когда, уже похоронив погибших, пираты начинали праздновать победу, принес пришедшиеся ей точно впору кожаные сапоги – Эрнесте, разделившей первую добычу с новыми товарищами и отныне полностью ставшей их штурманом, этого было более чем достаточно.

Однако сюрпризы на этом не кончились: когда Эрнеста, уже разложив по местам свою добычу, собралась идти в кубрик поздравить матросов, в дверь неожиданно постучали.

– Не заперто! – звонко крикнула она, про себя удивившись такой вежливости своего гостя.

Это оказался Эдвард Дойли, уже слегка пьяный, но твердо стоявший на ногах и державший в руках початую бутылку рому и еще что-то, увязанное в кусок парусины:

– Можно к вам?

– Заходите, – махнула рукой девушка, пододвигая ему второй стул. – Зачем пришли?

– Я вам выпить принес, – потряс зажатой в руке бутылкой мужчина: похоже, он был пьян заметно больше, чем казалось на первый взгляд. – В-вы же не пришли на праздник.

– Я собиралась, – с досадой проворчала Эрнеста, сворачивая в рулон лежавшие на столе бумаги. – Садитесь. Когда вы успели-то набраться?

– А, вы про это... Я не пьян, нет! Я очень ясно все осознаю! Черт, какая теперь разница – все равно утром вы меня вышвырнете... – пробормотал Дойли, ложась боком на стол. – Вы... как лучше хотите... а мне уже не помочь. Простите, что я на вас наорал сегодня. Я не хотел... обидеть. Вы прощаете?

– Прощаю, прощаю, – аккуратно забирая у него бутылку, заверила Эрнеста.

– Эй, вы что!.. Н-не надо меня... Говорю вам, я трезв!

– Ну, ну, тихо. Вам уже хватит, а я тоже имею право выпить. Не люблю я это дело в море, но в честь победы-то можно, – скривившись, она отхлебнула прямо из горлышка и выдохнула: – Эх, хорошо... Ваше здоровье!

– Спасибо, – рассеянно кивнул Дойли. Глаза его заблестели: – Я... я же подарок принес!..

Эрнеста, недоуменно взглянув на него, приняла протянутый сверток, развернула его и не смогла сдержать удивленного вздоха:

– Вот это да! Я-то уж думала, что там какая-нибудь бесполезная побрякушка... Здорово! – Она поднесла поближе к глазам один из двух подаренных пистолетов, внимательно разглядывая механизм. Дойли, пододвинувшись ближе, пояснил:

– Кремниевое-ударная модель. Намного удобнее колесцовой... Вот, смотрите... отводите этот крючок сюда, ждете пару секунд, – его пальцы привычно обхватили гладкую рукоять поверх ладони девушки, – и можете стрелять.

– А заряжать так же? – с искренним любопытством спросила Эрнеста.

– Да, да, тут особых отличий нет. Только на полку м-можно сыпать меньше пороха, но, думаю, тут вы сами справитесь. На одну-две щепотки примерно, – Дойли показал пальцами нужное количество, икнул и мгновенно зажал рот ладонью.

– Спасибо, – серьезно ответила Эрнеста, принимая подарок. Поднявшись на ноги, она аккуратно положила его в сундук, достала оттуда одно из двух ружей и протянула Эдварду: – Возьмите от меня это. Так будет честнее...

– Что? Нет, нет, оно ваше, я не возьму! – возмутился тот. Эрнеста рассмеялась:

– Держите! Я, когда только его увидела, сразу подумала, что будто для вас сделано. – Эдвард все еще колебался, поэтому она вложила ружье в его руки и прибавила твердо: – Берите, даже не размышляя. Вы явно управитесь с ним лучше меня.

Когда они покинули комнату, из кубрика уже довольно ясно доносились звуки шумной попойки, и Дойли неожиданно предложил:

– Дав-вайте... не пойдем туда? К черту всех...

– Чего вы боитесь? Вы, герой сегодняшнего дня? – усмехнулась Эрнеста. – Впрочем, может, вы и правы. Пусть вахтенные тоже как следует отдохнут сегодня.

На палубе действительно было удивительно тихо и хорошо: солнце почти село, дневная жара спала, оставив приятное ощущение тепла на коже, и мягкий шелест волн вокруг корабля казался какой-то древней загадочной колыбельной. Снятые со своих ненавистных в этот час

постов дозорные сперва недоуменно переглянулись, но, сообразив все, мгновенно отправились в трюм. Эрнеста в задумчивости прошлась вдоль фальшборта, поднялась на капитанский мостик и, облокотившись о штурвал, с тоской посмотрела на все еще покачивающийся на волнах захваченный галеон.

– Капитан Рэдфорд уже решил, что будет с ним? – любопытствовал немного протрезвевший Эдвард, устраиваясь рядом с ней. – Я знаю, у пиратов не принято щадить своих врагов и их суда, если, конечно, нет возможности переделать их под себя, но...

– Я тоже думала об этом, – сухо отозвалась девушка, не глядя на него. – Но такие решения принимает только капитан корабля.

– Послушайте! Я, конечно, мало в этом смысле, я не моряк, но даже я понимаю! – горячо перебил ее Дойли. – Английские и голландские суда маневренны и быстры, могут зайти почти в любой порт, но их грузоподъемность не столь велика, как у испанских, а потому тем, кто не желает лишаться груза, приходится жертвовать вооружением! А сколько пушек на борту этого галеона, сеньорита? Их ваш друг тоже намерен пустить ко дну? Судно без пушек беззащитно. Будь они у нас, нам не пришлось бы каждый раз спасаться бегством, лишь завидев на горизонте чей-либо военный корабль!

Девушка промолчала, поглаживая пальцами нагретые за день рукояти штурвала, подумала и кивнула:

– В ваших словах есть свой резон, но рассуждения Джека мне тоже понятны. Десяток или даже два десятка пушек не спасут нас от любого военного судна, тем более, что те редко ходят в одиночку. Захват тоже проводится в основном за счет не артиллерии, а усилий абордажной команды. Вы все еще мыслите как военный, за спиной которого есть целая страна, мистер Дойли, – в ее голосе неожиданно проскользнули печальные нотки. – Пиратов некому защитить, и они сами не имеют государства, ради которого им хотелось бы идти в бой. Разве что Тортуга, да... Да, только она, но ее не приходится защищать от испанцев – они даже не смогут подойти к ее берегам – а англичане и голландцы на нее не нападут, им нет смысла вредить своим же союзникам французам.

– Политические союзы рушатся и создаются каждый день, сеньорита, – негромко заметил Дойли. – Если англичане однажды решат напасть на Тортугу...

– Тогда их встретят не только пиратские корабли, но и солдаты французского форта, которые тоже не отдадут просто так собственность своей страны! – уверенно отрезала Эрнеста. В ее взгляде неожиданно появилось уважение: – Я и не подозревала, что вы так много об этом знаете, мистер Дойли.

– И все равно осведомлен хуже вас, – проворчал Эдвард; девушка пожала плечами:

– Я родилась и выросла на Тортуге. Отец с детства объяснял мне все эти вещи.

– Он был пиратом, как и вы?

– Да, и моя мама тоже, – кивнула Эрнеста. – Когда они поженились, отец добился каперского свидетельства и стал служить в одной торговой компании – по сути, то же занятие, только законное. На Тортуге до сих пор помнят имя великого капитана Антонио Морено...

– Тогда почему ваши... товарищи решились так обойтись с его дочерью? – сгоряча выпалил Эдвард и осекся, поняв, что сказал лишнего. На смуглом лице девушки отразилась такая горечь, что на секунду ему померещились слезы в ее глазах. Но Эрнеста Морено была слеплена из другого теста: почти мгновенно овладев собой, она тихо и яростно ответила:

– Потому что он умер, и моя мама тоже. У нас не принято чтить человека за его происхождение или заслуги его предков, как у вас. Единственное, что мой отец оставил мне – это штурманские навыки и некоторые хитрости, благодаря которым я смогла в итоге выжить.

– Вы расскажете мне об этом? – негромко спросил Эдвард и, заметив ее полный удивления и негодования на подобную наглость взгляд, поспешно прибавил: – Когда-нибудь.

Эрнеста промолчала, по-прежнему очень внимательно рассматривая его лицо; затем коротко кивнула:

– Когда-нибудь.

Капитан Рэдфорд появился на палубе словно из ниоткуда, сразу же обжег их обоих любопытным взглядом и недоуменно нахмурил брови, когда Эрнеста с высоко поднятой, как всегда, головой и плотно сжатыми губами прошла мимо него, едва не задев плечом.

Эдвард, глядя на него в ответ, внезапно ощутил неловкость от того, что все еще стоял на капитанском мостике живой мишенью для на сей раз вполне заслуженных насмешек. Но Джек лишь поднялся следом за ним, встал рядом и до глумливости понимающе усмехнулся:

– Поругались?

Дойли, стиснув зубы, глядел мимо него в быстро темнеющую воду.

– Вы просто плохо ее знаете, господин подполковник, – с видом крайней доверительности продолжал Джек. – Вы полагаете, что у нас, пиратов, нет ни гордости, ни чувства собственного достоинства. Что мы с радостью бросимся на шею первому встречному, который удостоит нас своего общества, и выложим ему всю подноготную. Что мы по определению ниже людей, ведущих так называемый честный образ жизни, и даже достойнейшие из нас...

– Нет, – голос Эдварда был тихим, еле слышным, похожим на шелест волн вокруг них, но Джек все равно умолк, повернув к нему удивленное лицо. Дойли тоже обернулся и с неожиданным достоинством, хотя и очень негромко, но без злости или страха пояснил: – Нет, капитан Рэдфорд. Это вы совсем не знаете ее.

Какое-то мгновение мужчины молча смотрели друг на друга. Словно какая-то искра пробежала между ними, и одновременно оба они не поняли даже, а кожей почувствовали простую и непреложную истину: так, как раньше, уже не будет ничего...

– Джек! – раздался вдруг звонкий окрик снизу с палубы, и упрямое, злое выражение лица капитана Рэдфорда невольно смягчилось.

– Мы здесь, Генри. Иди, иди сюда! – совсем другим тоном позвал он и, не оборачиваясь больше к Эдварду, сквозь зубы проговорил: – Вы можете быть свободны. Заодно пригласите наверх кого-нибудь из дозорных, которых вы столь неосмотрительно отпустили до конца вахты.

– Что хотел мистер Дойли? – заговорщическим шепотом спросил Генри, почти вплотную прижавшись к Рэдфорду и через его плечо наблюдая за удаляющимся подштурманом. Капитан довольно улыбнулся:

– Снова собрался защищать его? Не волнуйся, наша сеньорита Морено отлично справляется сама.

– Я знаю это, Джек, – осторожно кладя руку на сгиб его локтя, промолвил Генри. – Но мне кажется, дело вовсе не в мисс Эрнесте. Просто ты сам не хочешь причинять никому вреда.

– Ты так считаешь? – с подозрением покосился на юношу Джек. Тот кивнул:

– Конечно. Ты же капитан корабля, и никто из нас, как бы умен, талантлив или опытен он ни был, не смеет оспаривать твои приказы.

– Хорошо сказано, парень, – одобрительно кивнул Рэдфорд, совсем смягчаясь, и почти бессознательно забросил правую руку ему на плечо. Генри чуть заметно улыбнулся и шепотом прибавил:

– Ты очень добрый человек, Джек. Самый добрый из всех, кого я знаю. Ты ведь даже приказал запереть тех испанцев в трюме их корабля, потому что не желаешь им смерти...

– Ну, дружок, тут уж ты хватил! – со смехом перебил его Джек. Наклонившись вперед, он внезапно стал совершенно серьезен: – Никого из них я щадить не намерен. А отсрочку они получили по очень простой причине: я с утра забыл глянуть на календарь и только потом вспомнил, что сегодня воскресенье – значит, никого казнить нельзя. С Господом Богом, знаешь ли, лучше не шутить...

– Понятно, – тихо ответил Генри. Серьезный и печальный взгляд его был теперь прикован к темному силуэту галеона, красивое лицо, полускрытое тенью, казалось совсем юным и каким-то по-детски беззащитным – словно и впрямь перед Рэдфордом был ребенок, которому впервые объяснили значение слова «смерть». – У них ведь, конечно, тоже есть календарь?

– Как и на любом корабле, – тоже чуть заметно дрогнувшим голосом подтвердил Джек. Генри кивнул, теснее прижимаясь к нему:

– Значит, они обречены и знают это.

Рэдфорд промолчал, лишь еще крепче обнимая плечи юноши. А затем внезапно рывком развернул его лицом к себе и спросил со сверкающими почти звериной радостью и одновременно беспечным презрением к любым правилам и условностям глазами:

– А хочешь, я завтра отпущу их всех? Сперва расскажу в подробностях, что я собирался сделать с ними, но потом объясню, что ты убедил меня отпустить их на шлюпках и дать с собой провизии и еды так, чтобы они смогли добраться до суши. И пусть эти кичливые испанцы знают, что обязаны жизнями пиратскому капитану Джеку Рэдфорду и милосердию его друга Генри Фокса! Что скажешь?

– Что такое великодушие запомнят намного лучше самых страшных казней, – с восхищением глядя на него, ответил Генри и тотчас спохватился: – Конечно, я очень хочу этого, Джек! Но ведь... Подобное не делается просто так, да? Я буду тебе должен. Что мне нужно сделать?

– Будешь, – подтвердил капитан с веселыми искрами в темных глазах. Пару секунд картинно подумав над ответом, он шепнул: – Хочу, чтобы ты всегда оставался в моей команде. Даже если тебе предложат другое место, и оно будет казаться тебе более выгодным.

– Я... Разумеется, я всегда буду с тобой, Джек, – без колебаний ответил Генри, крепко пожимая его протянутую ладонь. – Я знаю, что из меня очень плохой пират и ужасный матрос, что я очень многого еще не знаю... Но ты принял меня к себе, когда я думал, что весь мир отвернулся от меня, и я... – Он умолк, глубоко вздохнул и закончил: – Я с тобой, Джек. В твоей команде, кто бы в ней ни был помимо меня.

Мгновение Рэдфорд пристально глядел в его открытое юное лицо, затем снова расплылся в улыбке и обхватил его за плечи:

– Вот и славно. За это надо выпить. Идем-ка...

– Что? Нет, нет, Джек, я не выдержу больше! – запротестовал было тот, но Рэдфорд уверенно взял его под локоть и повел в сторону трюма:

– Надо-надо, я говорю. Ты сам сказал, что пират из тебя пока так себе, а это надо исправлять. Хороший пират должен уметь пить целую ночь напролет! Помню, я как-то раз...

Их голоса вскоре стихли, и на палубе в стремительно сгущавшихся сумерках воцарилась тишина, лишь изредка нарушаемая жалобными вскриками чаек, прорывавшимися сквозь многочисленные переборки голосами праздновавших свою победу пиратов и похрапываньем единственного забытого дозорного на самом верху грот-мачты, в «вороньем гнезде».

Глава

VI

. Против ветра

Свое обещание Джек сдержал, еще с утра явившись на захваченный галеон и объяснив пленникам, что они свободны. Пока те, все еще с недоверием косясь на пиратов, спешно грузились в выделенные им четыре шлюпки, на палубе собралась вся команда победителей, ехидно наблюдавших за этими сборами. Жар боя уже спал, да и добыча, хоть и не переведенная пока что в деньги, оказалась изрядной, так что подобный акт милосердия был расценен пиратами как еще один способ унижить вечных противников. На капитана Рэдфорда смотрели с восхищением, а недоумившего его Генри и вовсе одобрительно хлопали по спине и хвалили за сообразительность. Сам юноша, вежливо улыбаясь им в ответ, все утро старательно не попадался на глаза ни Эдварду, ни Эрнесте; напротив, он явно стремился держаться поближе к Джеку,

хотя сочетать это с их повседневными обязанностями было попросту невозможно. И уже спустя два часа с начала своей вахты, спускаясь по вантам на палубу, Генри нос к носу столкнулся со стоявшими у правого борта навигаторами.

– ... вот, видите, мистер Дойли? Если нам удастся дойти до этого мыса к вечеру, можно считать, что шторма мы благополучно избежали. Сейчас отнесу этот маршрут на утверждение Джеку, а дальше пусть им занимается мистер Морган, – своим привычным уверенным тоном говорила Эрнеста. Эдвард угрюмо молчал – после вчерашнего у него нестерпимо раскалывалась голова, а полагавшаяся матросам суточная порция грога выдавалась только в обед – но при последних словах он хмуρο возразил:

– С Морганом я сам поговорю. Не надо вам к нему ходить.

– Вы полагаете, что к вам он отнесется лучше? Лично я не собираюсь потакать его заблуждениям, – спокойно, хотя и с долей хорошо скрытого негодования ответила Эрнеста. При виде юноши в ее глазах тотчас появилось какое-то странное выражение.

– М... мэм, – запинаясь, выговорил Генри. Эдвард, изменившись в лице, шагнул ему навстречу – и Эрнеста тревожно дернулась при этом – но, овладев собой, глухо попросил:

– Дайте мне маршрут, сеньорита. Я сам отнесу его на утверждение и затем к рулевому.

Девушка, все еще беспокойно переводя взгляд с него на юношу и обратно, протянула ему карту. Когда Эдвард скрылся в капитанской каюте, она сразу же отвернулась, внимательно разглядывая сверкающие волны за бортом.

– Вы... Вы уже знаете, что я... – еле слышно проговорил Генри, вставая рядом с ней.

– Знаю, – усмехнулась она. Внезапно ее левая рука обвилась вокруг локтя юноши, сжав, будто клещами, хотя выражение лица девушки стало почти дружелюбным: – Ловко ты выкрутился, парень. Не ожидала.

– Я бы ни за что, никогда в жизни... Мне действительно было очень жаль этих людей, – вполголоса заговорил Генри, глядя на нее с мольбой. – Я никогда не посмел бы оспаривать ваше мнение, мэм, я клянусь! И Джек очень уважает вас...

– Не сомневаюсь, – кивнула Эрнеста, не отпуская его руку. – Чтобы его оспорить, парень, одной дружбы с капитаном мало. На сей раз ничего страшного не произошло, но если ты, – ее пальцы сжались еще сильнее, – если ты, пользуясь своим влиянием на него, начнешь заставлять Джека допускать ошибки...

– Джек – мой друг, и я бы никогда!.. – схватившись за ее пальцы в судорожной попытке их разжать, вскрикнул Генри. Поймал потемневший, пристальный, в упор взгляд Эрнесты, усилием воли убрал руку и смиренно попросил: – Я очень многого не знаю, мэм. Я не понимаю, что здесь можно делать, а что – нельзя. Пожалуйста... если вам не сложно, давайте мне иногда советы.

Выражение лица девушки наконец смягчилось, она разжала пальцы и похлопала Генри по плечу:

– Жаль мне тебя, парень. Попал, как макрель в запруду... Самое первое правило – никогда не называй Джека при посторонних по имени. Только «капитан» или «сэр». Наедине – по твоему усмотрению, хотя лучше не привыкай фамильярничать. Я вот до сих пор отучиться не могу, а это плохо... Не заостряй внимание на том, что имеешь на него влияние, ничего не обещавай членам команды, если они попросят за них заступиться, не оспаривай прилюдно уже озвученные им приказы. Не создавай ситуаций, когда ему приходится заступаться за тебя или создавать особые условия – для этого тебе нужно как можно больше учиться...

– Черт возьми, Макферсон! Роб, какого дьявола твои остолопы дрыхнут на посту?! – раздался с носа яростный рев рулевого Моргана и сразу же следом – смачный звук удара. Кряхтя и отдуваясь, старый боцман ринулся туда:

– Фрэнк, сколько раз я тебе говорил не трогать...

– Не трогать? Да у них под носом кто угодно переловит нас всех, как раков на мели!.. – Морган снова с размаху впечатал свой кулак в челюсть едва поднявшегося на ноги матроса; тот с глухим стоном вновь осел на палубу. Разъяренный рулевой обернулся к его товарищу, совсем еще мальчишке, в ужасе зажимавшему собственный рот ладонью.

– Руку убрал! Убрал, я сказал!!! – замахиваясь, рявкнул Морган.

– Отставить немедленно! – неожиданно выкрикнула Эрнеста, становясь между ним и провинившимися. – Еще раз увижу подобное – отправитесь в карцер вместе с ними! Мы, слава Богу, не на какой-нибудь ура-посудине³, чтобы забивать человека насмерть за единственную ошибку!

– Я стал пиратом не для того, чтобы подчиняться какой-то грязной шлюхе! – хрипло и яростно ответил тот, пытаясь обойти ее. Эрнеста снова встала у него на пути, и Морган с силой толкнул ее в грудь: – Проваливай!

– Мэм! – ахнул Генри за ее спиной. Но Эрнеста уже вновь подобралась, одним стремительным движением вскочила на ноги и твердой рукой выхватила из-за пояса пистолет, целя точно в лоб Моргану.

– Еще раз посмеешь ко мне прикоснуться – застрелю, – тихо, спокойно пригрозила она, и эти слова прозвучали в совершенно гробовом молчании, мгновенно воцарившемся на палубе. Рулевой, все еще тяжело дыша от ярости, дернулся было к ней, потрясая сжатым кулаком – и уронил его, с бессильной злобой выдохнув:

– Я подчиняюсь одному только капитану!..

– Нет. Ты подчиняешься капитану, ты подчиняешься мистеру Макферсону, и ты подчиняешься мне, – все тем же непреклонным тоном отрезала Эрнеста. – Неподчинение приказам – это бунт, который карается смертью. Тебе ясно, Фрэнсис Морган?

Рулевой, все еще глядя на нее с глухой злобой, невнятно прорычал что-то ругательное.

– Мисс Морено, не стоит... – рискнул вмешаться Макферсон, но Эрнеста, даже не взглянув на него, передернула крючок предохранителя:

– Я не слышу ответа.

– Да, да! Мне ясно, чтоб тебя... – косясь на пистолетное дуло, прохрипел Морган. Эрнеста медленно опустила оружие, не убирая его, и кивнула:

– Хорошо. А теперь сейчас же иди и доложи о случившемся капитану.

– Мэм, – тоже охрипшим голосом позвал Генри. Он стоял, поддерживая за плечо избитого матроса – тот кашлял, зажимая рот рукой, и между его пальцев стекали алые дорожки – но взгляд юноши был прикован не к нему, а ко второму из уснувших на посту – тоненькому мальчишке-итальянцу, что-то лепетавшему ему на ухо. – Мэм, Карлито говорит, что...

– Н-н-на чет... четыре часа, синь... синьора, – срывающимся полупшепотом выдохнул мальчик. Эрнеста, нахмурившись, повернула голову в указанном направлении. Макферсон бросился к фальшборту:

– Лопни мои глаза, мальчишка прав! Черт возьми!

– Право руля! Право руля, чтоб вас всех! Ставьте брам-лисель и ундер-лисель! – пронзительно закричала Эрнеста, изменившись в лице, и под истошные требования Макферсона и звон рынды подвахтенные такелажники тотчас бросились к вантам. Палуба сразу заполнилась народом; сама же Эрнеста почти бегом бросилась в капитанскую каюту и спустя секунд пятнадцать выскочила из нее уже в сопровождении Рэдфорда и Моргана и с подозрительной трубой в руках. За ними следовал еще не до конца разобравшийся в торопливых объяснениях девушки, но уже побледневший Эдвард. Не сговариваясь, капитан и штурман бросились на корму.

– Где, где? Да дай ты мне трубу, я ничего не вижу! – допытывался Джек. Эрнеста, уже приладившая прибор к своим глазам, молча отпихивала его плечом. Внезапно она совсем побелела, опустила трубу и слабой рукой протянула ее Рэдфорду, глухо проговорив:

– Семь.

Капитан почти вырвал у нее из руку трубу и, даже не тратя времени на наладку, прижался глазом к окуляру.

– погоди, погоди отчаиваться, – забормотал он успокаивающе не то ей, не то самому себе. – Может, простые торговцы...

– На флаги посмотри.

– Где ты их видишь? Обычные испанские... – внезапно он умолк, похоже, заметив то, о чем говорила Морено.

– Это ведь «охотники»⁴, верно? – рискнул вмешаться Эдвард. Он уже справился с первым приступом страха и чувствовал, что крайне необходимо как можно скорее вывести из этого состояния тех двоих людей, от которых зависела судьба всей команды. – Мы не сможем отбиться. Нужно попробовать оторваться от них.

– Как? Как, я вас спрашиваю, мы оторвемся при таком ветре?! – сорвавшись, едва не крикнула на него Эрнеста. – Пять узлов в галфвинд!

– Значит, используем другие методы, – решительно проговорил Джек: тоже достаточно быстро овладев собой, он, похоже, был уже готов действовать и бороться до последнего. – Рано сдаваться! Мистер Макферсон, ваша задача – поставить все дополнительные паруса. Мистер Морган, вы берите трубу и докладывайте мне обо всех перемещениях противника. Я сам встану за штурвал, а ты, Эрнеста, вычисли наше точное местоположение и проверь, нет ли поблизости отмелей, где мы сможем пройти, а они – нет. Все по местам, бегом, бегом!

– Достаньте карты и разложите на столе. Они в третьем ящике слева от стены, – торопливо доставая из комода в каюте нактоуз и роясь в нем в поисках квадранта, распорядилась Эрнеста. Найдя его, она выбежала и вернулась спустя несколько минут крайне встревоженная. Не произнося ни слова, сразу же прошла к столу и склонилась над ним, разглядывая расстеленные карты.

– Вы можете сказать, где мы находимся? – зная необычайное мужество и спокойствие Эрнесты, Эдвард, глядя на эти лихорадочные действия, с досадой ощущал растущую тревогу.

– Вот здесь, – не поднимая глаз, девушка указала карандашом нужную точку. Дойли присмотрелся и едва сдержал судорожный вздох:

– То есть план капитана Рэдфорда с отмелями провалился?

– Будь у нас хотя бы немного времени... – кусая губы, затравленно пробормотала девушка. – В этих широтах вечно дуют пассаты, ну что б им стоило хоть раз случиться тогда, когда это действительно нужно?! – Она в отчаянии закрыла лицо руками – и Эдвард внезапно, сам того не ожидая, подался вперед, сжал ее тонкие смуглые запястья, заставляя взглянуть на себя:

– Вы хотите сказать, что у нас нет вообще никаких шансов? Я не верю в это! Должен быть какой-то способ... Какой-то маршрут, которым можем пройти мы, но не они!

– Маршрут... – еле слышно повторила девушка. Ее взгляд снова остановился на карте. – Если мы возьмем южнее... нет, они тогда разделятся и возьмут нас в кольцо, еще когда мы будем менять галс... Отмелей тут нигде нет, и единственное место, куда они не сунутся – это... – она со смесью ужаса и понимания взглянула на Эдварда.

Внезапно стол между ними, будто живой, со скрипом пополз к стене, а слетевшие с него бумаги рассыпались по полу; Дойли, опомнившись от внезапного толчка, обнаружил, что оказался в углу, побелевшими от усилия пальцами хватаясь за его крышку. Эрнеста, только что стоявшая в углу, теперь держалась за дверную скобу, с напряженным видом прислушиваясь к натужному скрипу под их ногами.

– Корабль изменил курс! Мы движемся на запад, – охрипшим от волнения голосом пояснила она. Эдвард недоуменно взглянул на нее – и похолодел:

– Да что он, убить нас всех хочет?!

– Мистер Дойли! Мистер Дойли, стойте! – корабль все еще ощутимо шатало, и Эдвард во время очередного толчка сумел протиснуться мимо нее в с жалобным всхлипом распахнувшуюся дверь и бросился на палубу.

С первого взгляда было видно, что за то недолгое время, что они пробыли в каюте Эрнесты, корабль успел значительно сместиться на юго-запад: так и не затопленный ими галеон уже совершенно исчез из виду, а испанские суда успели разрастись в видимую невооруженным глазом темную точку на горизонте. «Попутный ветер» стонал и скрипел, пытаясь уйти от преследования; сверху неслись голоса такелажников, едва успевавших ставить и убирать по приказу капитана нужные паруса. Сам Джек стоял за штурвалом непоколебимым утесом посреди начинающейся бури, и корабль с трудом, но послушно двигался туда, куда его направляла твердая рука капитана. На мгновение Эдвард заколебался, смутно ощутив, что вмешиваться, возможно, не стоит, но голос разума взял верх.

– Ты спятил? Хочешь, чтобы мы погибли не от их рук, а сами утонули в море?! – прокричал он в ухо Рэдфорду, силясь оттащить его от штурвала, но капитан с неожиданной ловкостью увернулся и ударил его локтем под ребра. Эдвард охнул и согнулся пополам; Эрнеста, выбежавшая на палубу следом, схватила его за локоть и встала между ними.

– Джек, ты уверен? Это же чистой воды безумие! – голос ее, вопреки словам, звучал ясно и твердо, с безоговорочной верой в правоту капитана, и Рэдфорд ответил в тон:

– Они теснят нас к краю шторма, но сами в него не сунутся: их суда слишком тяжелы для этого. Мы можем там выжить, а они нет! Единственный способ избежать столкновения – это сыграть по их правилам и постараться не умереть!

– Неужели вы намеренно сунетесь туда? Наше судно быстрее, мы можем уйти от них и так! – хрипло возмутился Эдвард. Эрнеста, похоже, удовлетворившись объяснением капитана, сжала его локоть:

– Если мы войдем в шторм под всеми парусами, Джек, то убрать их будет очень сложно. Надо начинать готовиться уже сейчас.

– Рано еще, – возразил Рэдфорд, утирая мокрое от соленых брызг лицо. – Хочешь, чтобы они открыли огонь? Уберем перед самым входом в шторм! Иди сейчас в трюм, проверь, чтобы днище хорошенько осмотрели и поставили помпы, где требуется – если во время шторма откроется течь...

– Ладно, я все сделаю, – тихо, серьезно ответила Эрнеста, сжимая его плечо. – Надо будет еще проверить оснастку. Не дай Бог, сорвет какой-нибудь парус, а там и мачту потеряем...

– Макферсон уже этим занимается. И особенно передние отсеки просмотри, что-то мне не нравится, как судно на нос садится на волнах. Я с утра проверял, все в порядке было, но...

– Должно быть, балласт неправильно распределился. Я посмотрю, – девушка решительно развернулась и поймала Эдварда за руку: – Идемте, мистер Дойли. Айк, Марти, Джейк, вы нужны мне!

Одним из удивительнейших качеств Эрнесты было умение сходу запоминать имена всех членов команды и вехи их непростых историй жизни, за что матросы любили ее и подчинялись безоговорочно. Вот и теперь трое отозванных ею от общей работы чуть ли не бегом бросились за спускавшейся в трюм девушкой.

– Нужно разделить и проверить целостность днища и бортов корабля, – объясняла она на ходу. – При обнаружении течи каждый из вас берет в помощь пятерых человек, смолит нужный участок и устанавливает запасную помпу. Айк, на тебе будет правый борт, на Джейке – левый, на Марти – кормовая часть днища, а мы с вами, мистер Дойли, осмотрим носовую.

В нижних отсеках трюма, где обыкновенно хранили самые малоценные грузы и балласт, было темно, душно и нестерпимо тесно. Эдвард едва ли не впервые в жизни вынужден был проклясть свой излишне высокий рост и широкие плечи, с трудом протискиваясь между ящиками, тюками с чем-то тяжелым, деталями запасных парусов и мачт и еще множеством крайне

редко использовавшихся, но непременно хранимых на судне вещей. Он с завистью косился на стройную миниатюрную Эрнесту, легко ступавшую среди этого хлама и умудрявшуюся не только не ронять или задевать что-то вокруг себя, но и попутно вдумчиво осматривать каждую досочку.

– Не смотрите на меня, ищите лучше пробоины, – не поднимая глаз, внезапно попросила она. Эдвард, смутившись, буркнул что-то невнятное. – Вы на удивление легкомысленно относитесь к тому, что нас ждет.

– Если я начну бегать и вопить, как истеричная женщина, разве это чем-то поможет? – сгоряча выпалил Эдвард и смутился еще больше: – Простите, я... Я не имел в виду, что...

– Да нет, вы правы, – невесело усмехнулась Эрнеста, наклоняясь и изучая доски под своими ногами. – Женщине вообще не место на пиратском корабле.

– А как же тогда... Как же вы?

– А я – исключение из правила, мистер Дойли, – сверкнув своими черными глазами, спокойно пояснила она и снова отвернулась: – Здесь все чисто, щелей нет. Странно, ведь Джек прав: у корабля приличный крен на нос...

– Может, дело не в течи? – предположил Дойли.

– Может быть... Сейчас допроверим оставшиеся четыре отсека и поднимемся выше. Мне все равно кажется, что дело в перегрузке. Странно, еще вчера ничего не было...

– Давайте я сам здесь закончу, а вы идите наверх. Нельзя терять времени, – неожиданно предложил Эдвард. Эрнеста нахмурилась:

– А вы справитесь? Хорошо, как скажете.

Доверия напополам с уважением, появившихся в ее взгляде, оказалось для него достаточно, чтобы быстро и внимательно осмотреть оставшиеся отсеки. Когда он, уже закончив, начал подниматься наверх по узкой занозистой лесенке, то услышал торопливое шарканье многочисленных ног и узнаваемые звуки перетаскивания волоком чего-то тяжелого.

– Нашли? – спросил он, завидев на пороге отсека выбежавшую ему навстречу Эрнесту.

– Нашли, – кивнула она, тяжело дыша и захлебываясь от беззвучного смеха. – Вообразите себе, мистер Макферсон велел всю вчерашнюю добычу отнести на корму, сам потом не проверил, а там отсеки, видите ли, были заняты – не были, к слову, там целый уровень свободен, я лично проверяла – так они все здесь побросали и ушли праздновать. Каково, а?

– Здорово, – кивнул Дойли, тоже невольно улыбаясь в ответ вопреки близкой опасности. – Вам помощь не требуется?

– Я уже позвала людей. За час должны управиться... – с усилием оторвав от пола какой-то ларь, пробормотала Эрнеста и тотчас охнула, скривившись от боли. Дойли почти инстинктивно перехватил у нее ношу:

– Я сам отнесу, скажите только, куда.

– Спасибо, – с гримасой держась за плечо, поблагодарила девушка. На белой ткани ее рубашки проступило несколько алых пятен, которые Морено поспешила прикрыть ладонью.

Перетаскивать мешки с добычей оказалось тяжелым и муторным делом, для своевременного завершения которого Эрнесте даже пришлось позвать еще троих человек сверху. Когда все они, покончив с работой, вновь поднялись на палубу, то изменения в окружавшей их погоде были уже явственно заметны: волны, бившиеся о борта корабля, стали выше и сильнее, солнце почти полностью скрылось за сгущавшимися свинцово-голубыми облаками и лишь изредка, короткими вспышками появлялось над головой.

Джек ждал их, по-прежнему не выпуская из рук штурвала.

– Взгляни, – обратился он к Эрнесте, поднявшейся к нему на мостик, указывая лишь подбородком направление, в котором требовалось смотреть. Уже безо всякой подзорной трубы за кормой виднелись очертания страшно ощетинившихся целыми рядами пушек галеонов, двигавшихся на расстоянии полумили от «Попутного ветра».

– Почему же они не стреляют? – сматывая очередной запасной канат, подал голос Генри. Девушка усмехнулась:

– Так не терпится на дно пойти?

– Эрнеста! Сейчас эта шутка кажется неуместной даже мне, – прикрикнул на нее Рэдфорд и пояснил юноше: – Далеко слишком. К тому же, им незачем тратить свои боеприпасы на тех, кто и так, по их мнению, скоро погибнет в шторме.

– Вообще-то они не так уж и далеко. Если зарядить пушки меньшим количеством пороха и сдвинуть прицел ниже в горизонтальной плоскости, то они вполне могли бы и попасть, – негромко, задумчиво произнес Эдвард. Джек мгновенно отреагировал:

– Мистер Дойли, смею напомнить: вы не канонир, чтобы выдвигать такие утверждения!

– Любой дворянин, закончивший офицерскую школу, знает подобные методы увеличения дальности! – вспыхнул подштурман, в ярости стискивая кулаки. Мысль о том, что его унижение сейчас видит вся команда – и сеньорита Эрнеста в том числе, с неожиданной смутной злостью подумал он – была нестерпимее всех прежних насмешек и оскорблений вместе взятых. Однако Морено вовремя оказалась рядом и примирительно сжала его локоть.

– Корабль и так идет с максимальной скоростью. Извлечь из него больше при таком ветре и встречном течении мы не можем, – сказала она, предостерегающе косясь на явно желавшего вставить что-нибудь еще Джека. – Остается надеяться лишь на то, что голос жадности возьмет верх над голосом осторожности в наших противниках.

– Ждать не так уж и долго осталось, – заметил Рэдфорд, разглядывая стремительно темнеющий горизонт впереди. – Мистер Макферсон! Можете убирать брамсель и нижние марсели: скоро начнется!

Шторм неистовствовал так, будто потопить положившееся на его волю судно было для него по меньшей мере делом чести. Высоко в небе ревел ветер, рвал с мачт белые лоскуты парусов и несся вверх, к тяжелым громадным тучам, не перестававшим из себя тугие ливневые плети; хаотично поднимавшиеся волны цеплялись за корабль, будто пытаясь забраться на борт, и их гребни, увенчанные пышными шапками пены, казались лапами какого-то неведомого чудовища. «Попутный ветер», с наполовину убранными парусами – шквал налетел на почти час раньше ожидаемого – вихлялся и петлял, усилиями всей команды пока что держась на плаву, но было неясно, сколько еще продержится это хрупкое равновесие.

Эдвард, с трудом держась на ногах – он только что сменился после долгой и утомительной работы у помп, но по какому-то наитию предпочел отправиться на палубу, а не в кубрик, где отдыхала сменившаяся команда. Едва он с трудом выцарапался из трюма, как сразу же едва не рухнул от врезавшейся в него сзади сильной волны, перемахнувшей через борт. Вода забулькала, разливаясь по палубе и через шпигатные отверстия неохотно падая назад, в море. Мокрая рука с силой стиснула запястье Эдварда, и он ощутил, что ему помогают подняться и обвязать свисающий конец каната вокруг пояса.

– Мистер Дойли? Держитесь крепче! – прокричала Эрнеста ему в ухо. – Джек, влево! Влево заворачивай, не то сейчас зацепит!..

Чудом сохранявший равновесие Рэдфорд, растопырив ноги, а руками намертво вцепившись в ручки штурвала, ожесточенно закричал колесом. Огромная волна по правому борту с утробным разочарованным гулом завалилась обратно в водную толщу, лишь самым краем зацепив корабль.

– Не успеваем убрать грот! Рук совсем не хватает! – с трудом пробравшись по мокрой и скользкой палубе к мостику, прокричал боцман. Эрнеста выпустила руку Эдварда и ответила:

– Продолжайте работу! Я сейчас кого-нибудь позову...

– Я пойду, – прохрипел Дойли, выкашливая попавшую в легкие воду. Девушка, уже нырнувшая в трюм, не услышала его.

Мокрое дерево скользило под ногами, и приходилось изо всех сил цепляться за бившиеся по ветру снасти, чтобы не рухнуть в рокотающую внизу пенистую бездну. Эдвард плохо помнил, в какой момент он перестал скручивать парус один и рядом с ним появились другие покачивающиеся тени, принявшие помогать. Кое-как общими усилиями им удалось убрать грот; затем Дойли, медленно нащупывая ногами следующую канатную стяжку, первым принялся спускаться на палубу. Он знал, что делать такого нельзя, что нужно оставаться на месте и ожидать приказов капитана, но это было уже выше его сил.

Рядом раздался сдавленный вскрик – Карлито, тот самый мальчишка, один из двоих, за которых Эрнеста заступилась днем, беспомощно повис, обеими руками отчаянно хватаясь за выскальзывающее из них дерево реи, а болтающимися ногами пытаясь найти хоть какую-то опору. Корабль снова тряхнуло, и Дойли, прокляв все, пополз на помощь мальчишке. Тот, слабо пискнув, сразу же вцепился в протянутую руку.

– На спину лезь. И заткнись уже, не ори! – прорычал Эдвард, ненавидя самого себя за эту слабость. Мальчишка оказался тяжелым, и удерживать равновесие с ним на плечах стало не в пример сложнее. Но было нужно... нужно... не обращая внимания на заливающую глаза и рот, лезущую за шиворот и хлещущую напряженное до последнего мускула тело воду, на чьи-то окрики и истошный вопль разума, твердящего, что выхода нет – нужно держаться!

Мокрая палуба встретила его неприветливым толчком, вновь заставив завалиться набок. Карлито, отполз в сторону, сам встал на ноги и бросился помогать.

– У... у... уйди к черту, отстань! – прохрипел Дойли, и мальчишка послушно шатнулся в сторону, все еще заглядывая ему в лицо полными ужаса и собачьей преданности глазами.

– Джек, в дрейф надо ложиться! Пусть отнесет на северо-запад, потом разберемся!.. – перекрывая гул волн, раздался с мостика голос Эрнесты. Капитан что-то неразборчиво ответил, и девушка снова крикнула: – Сколько еще мы продержимся так? Воду из трюма откачали, течи почти нет! Курс корректировать – моя забота, не твоя!

Эдвард все-таки поднялся с колен, держась за страховочный канат. Особого смысла в этом он не видел – а в споре штурмана и капитана с гудящей после падения головой и вовсе ничего не понимал – но остатки прежней гордости говорили о том, что ему, дворянину и пусть и бывшему, но офицеру, полагается умереть, твердо стоя на ногах и глядя в лицо своей участи.

– Мистер Дойли? В трюм, скорее! Где Генри? – снова хватая его за руку и помогая снять все еще привязанный к поясу канат, спрашивала Эрнеста. – Вот ведь навязался на мою голову!.. Эй, идем-ка с нами, – по дороге перехватив еще и Карлито, она практически втащила их обоих за собой в трюм. Конечно, болтало там ничуть не меньше, но, по крайней мере, было относительно сухо и тепло. Только что сменившиеся матросы из трюмной и такелажной команд вповалку лежали в кубрике; многие, не имея сил заползти в свой гамак, кутались в обрывки одеял или парусины прямо на полу, жадно глотая разносимый Халуэллом и Хоу подогретый грог. Эрнеста сама поднесла приведенным ею товарищам по кружке, сходила за двумя толстыми холстинами, заменяющими одеяла, и лишь после этого согласилась присесть рядом и сама глотнула разбавленного рому.

– Черт возьми, что же Джеку так нейдет утопить и себя, и корабль? Лучше бы уж посидели после шторма с неделю на половинном пайке... Еще и этот Генри куда-то запропастился, – сама продрогшая, в насквозь мокрой одежде и со спутанными волосами, с которых все еще бежала вода, с крайне встревоженным видом поделилась она. Эдвард, не скрывая своего раздражения, посоветовал:

– Да забудьте вы о нем! Разве это ваша забота? – Он изо всех сил кутался в одеяло, клацая зубами от холода, и лишь это мешало ему сказать намного больше о личности Фокса и его собственном к нему отношении; но Морено, с досадой взглянув на него, лишь ответила:

– Сидите здесь тихо и грейтесь. Будут силы – сходите в трюм и проверьте, может, он там.

– А вы? – растерялся мужчина. Эрнеста усмехнулась, делая еще один большой глоток:

– Работать пойду, мистер Дойли! Шторм, знаете ли, долго ждать не любит, – поднявшись на ноги, она удивительно легко и стремительно, словно корабль не качало до подкатывающих к горлу мучительных спазмов тошноты, пролавирировала между матросами и исчезла в темном нутре дверного проема.

На палубе под руководством Моргана команда правого борта все еще возилась, вытягивая упорные канаты: застрявший мидель-стаксель бился по ветру, словно птица с переломанным крылом. Наверху над ним трудилась и марсовая команда, но ветер сводил их усилия на нет.

– Не выйдет из этого ни дьявола, говорю тебе! – проревел Морган, стоило Макферсону подобраться к ним. Обернувшись к матросам, он рявкнул: – Рубите!

Те, похоже, давно ожидая этого приказа, с готовностью потянулись к прикрепленным к поясам топорам, но один из них, совсем молодой, с развевающимися по ветру длинными темными кудрями, растолкав товарищей, бросился к рулевому.

– Мистер Морган! Нельзя рубить, там же живые люди, – взмолился он, и Эрнеста с изумлением узнала в нем Генри Фокса – хотя после более чем часовой работы в шторм под проливным дождем он был сам на себя не похож. – Неужели нельзя как-нибудь...

– Нет, нельзя! Промедлим – потеряем мачту! – отпихнув его в сторону, отрезал рулевой и скомандовал: – Рубите, я сказал!

– Можно просто перерезать штаг! Парень дело говорит, – вмешалась Эрнеста. Морган с ненавистью воззрился на нее, сплевывая соль:

– И кто туда полезет? Потому что я никого...

– Я полезу, – поспешно выдохнул Генри. Морено стиснула челюсти:

– Ты немедленно пойдешь в трюм! Мистер Дойли найдет тебе дело. Ребята, – обратилась она к все еще не торопившимся исполнять приказ Моргана матросам, – ребята, кто со мной?

Дружный одобрительный, хотя и негромкий – грозного рулевого опасались – гул был ей ответом. Морган с нескрываемой злобой оскалился:

– Ага, конечно, будто вы сами сунетесь туда...

Закончить фразу он не успел – корабль снова качнуло настолько сильно, что на мгновение показалось, что он сейчас опрокинется.

– Лево руля! Влево заложи, Джек! – откашливая попавшую в рот и легкие воду и держась за фальшборт, прокричала Эрнеста. На обшивке остались заметные царапины, а у самой девушки из-под ногтей вместе с набившимся туда илистым налетом выступила кровь; но она, упрямо хватаясь обеими руками за свисавшие то тут, то там канатные стежки, полусогнувшись, ползком побрела на мостик, где, намертво вцепившись в штурвал, почти врос в палубные доски капитан Рэдфорд. И Морган, взглянув ей вслед и увидев затем лица своих людей – решительные, злые, полные готовности нарушить его приказ – сдался, рявкнул, кулаком что есть силы врезав по многострадальному фальшборту:

– Лезем резать штаг! Эй, вы, – задирая голову, проорал он крошечным фигуркам марсовиков, – освободите чертов стаксель-штаг!

А Эрнеста, тем временем уже добравшись до мостика, хрипло спросила:

– Все-таки ложимся в дрейф?

– Стихает шторм! Сама погляди, – отозвался Рэдфорд, ожесточенно ворочая штурвалом – корабль никак не желал выравниваться до конца, упрямо кренясь на левый борт: должно быть, трюмная команда не успевала полностью откачивать оттуда воду. Помогая ему вытягивать тяжелое колесо, Эрнеста шурилась на горизонт в указанном направлении: море бушевало по-прежнему, а грозовые тучи, казалось, были насажены прямо на верхушки мачт, но на границе неба и воды виднелась чуть заметная тонкая полоска более светлого цвета.

– Часов шесть еще, не меньше, – пробормотала она, едва сдерживая забрезжившую при виде этой полоски надежду.

– И все восемь, – сипло отозвался Джек, – только это мы уж как-нибудь выдержим. Больше, чем есть, волн уже не будет. И отнесет не слишком далеко...

На мгновение они переглянулись. Мокрые, усталые и продрогшие, оба они отлично знали, что означают эти слова. За всеми уже совершенными и еще предстоящими усилиями, за долгими часами безысходности и полной зависимости от воли переменчивого моря наконец встала надежда на спасение. Для них самих, для корабля и если не всех, то большинства членов команды: пока что удалось обойтись без погибших, и если так пойдет и дальше...

Словно в отместку за эти самонадеянные рассуждения новая волна, больше и сильнее предыдущих, с размаху врезалась в борт корабля. Послышались крики матросов; корпус «Попутного ветра» угрожающе закрипел, откуда-то сверху послышался звон лопнувших канатов и сразу же за ним – глухие удары топоров, перерубающих снасти. Рэдфорд и Эрнеста одновременно ухватились за штурвал, в который раз выкручивая в нужную сторону неподатливое колесо.

– Джек, хватит! Хватит, иначе занесет... – наконец выговорила Эрнеста, но капитан, будто не расслышав ее, продолжил заворачивать судно. – Джек! – крикнула она снова и только после этого заметила остановившийся взгляд Рэдфорда, направленный куда-то в сторону. – Джек, что такое?

– Человек за бортом! – послышалось с марсов; и одновременно с этим очередная волна, взметнувшись вверх, на своем гребне вынесла показавшуюся почти карикатурно крошечной по сравнению с ней человеческую фигурку. Эрнеста не успела еще разглядеть, кто это был – да и не представлялось это возможным на таком расстоянии и в грозном сумраке – но, увидев перекошенное лицо боцмана Макферсона, сторбившегося над фальшбортом, поняла все. Одновременно с ней догадался и Рэдфорд – он внезапно отпустил штурвал и двумя скупыми, короткими движениями сорвал с себя тяжелый камзол и пояс, к которому были пристегнуты пистолеты и рог с порохом.

– Держи штурвал! – на ходу крикнул он не успевшей даже возразить ему Эрнесте, в три широких шага оказался у фальшборта и, перебравшись через него, бросился в бурлящую внизу воду.

– Капитан! – только и успел ахнуть Макферсон; и у многих одновременно с ним мелькнула мысль, что «Попутный ветер» остался без твердой руки своего хозяина. Но спустя несколько секунд темноволосая голова Джека вынырнула уже в десятке ярдов от корабля, задержалась на мгновение на гребне волны и снова погрузилась в воду. Генри нигде не было видно, хотя Эрнеста до боли всматривалась в темную пенистую массу за бортом.

– Что же нам теперь делать? – громко спросил кто-то; и после этой невольной вырвавшейся фразы, полной неподдельного отчаяния, к Морено вернулась ее прежняя решимость.

– Готовьте концы! Как только увидите их обоих, сразу бросайте! – распорядилась она, снова с силой проворачивая штурвал влево: очередная волна грозила швырнуть судно килем прямо на находившихся за бортом. – Мистер Макферсон, где они?

– Не видно ни дьявола! – прокричал в ответ старый боцман, вопреки любым соображениям собственной безопасности перегибаясь через фальшборт. Внезапно он обернулся и закричал матросам, выбиравшим канат: – Вон они, вот!.. Бросайте живее! – Он сам бросился привязывать к концу абордажный крюк и, не доверяя здоровяку Дэнни, примерившись, швырнул получившуюся конструкцию как можно дальше за борт.

– Второй, второй готовьте! Вдруг не получится... – начала было Эрнеста, но тут Рыжий Айк, влезший на самый блинд-рей, проорал торжествующе:

– Поймал! Ай да капитан наш!..

– Тяните живо! – перебил его рулевой Морган, сам первым ухватившись за мотавшийся из стороны в сторону канат. Прошло не меньше минуты, прежде чем над планширом появилась скорчившаяся фигура Рэдфорда, кое-как втащившего за собой обмякшее тело Генри. Макфер-

сон в сопровождении двух матросов бросился к ним; но Джек, без сил распластавшийся на палубе и зашедшийся в приступе громкого кашля, сразу же прохрипел:

– Парня... парня посмотри!

– Не дышит, – секунду спустя потерянно отозвался боцман, перевернув юношу на спину.

– Джек... – начала было Эрнеста, но никто не услышал ее. Рэдфорд, сумев-таки подняться на ноги, как был, весь мокрый, пошатываясь, добрал до Генри и рухнул рядом с ним.

– Не дышит, говоришь? Сейчас задышит, – со странным спокойствием – словно не бушевал вокруг шторм и не ждала команда его приказаний – заявил он, сдирая с бесчувственного тела рубашку и подкладывая ему ее под плечи, чтобы запрокинуть голову.

– Капитан... – почти с угрозой начал Морган, но Эрнеста, не отходя от штурвала, перебила его:

– Оставьте! Сами справимся, – решительно прибавила она и крикнула громче: – Эй, на марсах, слушай мою команду! Убираем оставшиеся паруса – и все в трюм! Мы ляжем в дрейф иждемся выхода из шторма.

– Разве капитан... – не глядя на нее, процедил рулевой, но девушка лишь хищно оскалилась и тряхнула насквозь промокшими волосами:

– Выполняй!

– Время! – все еще хриплым от попавшей в легкие соленой воды голосом потребовал Рэдфорд. Эрнеста, держа правую руку на штурвале, левой отстегнула от пояса тяжелый медный хронометр и вдавила в протянутую мокрую ладонь Макферсона:

– Джек, у тебя где-то четыре с половиной минуты!..

– Справлюсь, – сквозь зубы проговорил тот и сразу же в первый раз с силой надавил на грудь юноши. – Раз, два, три!..

– Капитан, может, лучше Халуэлла позвать? – с неподдельным участием наблюдая за его усилиями, предложил Макферсон. Корабль качнуло влево, но Рэдфорд, страшно оскалившись, тотчас вернул руки на прежнее место, явно не собираясь останавливаться:

– Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать... Долго слишком! Да и к чему нам Халуэлл, да? – зорко вглядываясь в лицо юноши, прохрипел он. – Он больным нужен, а ты, малыш, ты ведь у нас здоров, правда? Двадцать девять, тридцать... – Наклонившись к нему, Джек сделал два глубоких, энергичных выдоха, сам закашлявшись, но тотчас начал снова: – Раз, два, три! Зачем нам Халуэлл? Мы и без него справимся! Сейчас задышишь, и все в порядке будет...

– Полторы минуты, капитан! – следя за неумолимой стрелкой хронометра, простонал старый боцман. Рэдфорд никак не отреагировал на его слова, лишь его движения становились все сильнее и резче:

– Сейчас, сейчас... Сейчас задышит, говорю! Двадцать два, двадцать три... Будешь, будешь дышать! Будешь жить, я тебе говорю!..

– Две минуты!

– Мистер Морган, грота-стаксель убирайте, его же сейчас сорвет! Ребята, шевелитесь, времени совсем в обрез!.. – прокричала Эрнеста с мостика, одновременно проворачивая штурвал на два румба вправо: новая волна обрушилась вплотную к левому борту, окатив и без того залитую водой палубу тучей брызг и пены.

– Три минуты, капитан! – с отчаянием воззвал Макферсон, и сама Эрнеста, на мгновение отведя взгляд от бушующего моря, болезненно выдохнула:

– Джек, ты не сможешь так долго с ним возиться!.. Ты нужен команде...

– Да, да, я сейчас... Он сейчас очнется, вот увидишь, – затравленно опуская голову все ниже, но не оставляя своих попыток, повторял тот снова и снова.

– Джек, это все!.. Ты сделал, что мог! Джек, он уже труп! – забывшись, крикнула она, с неприятной ясностью осознавая, что Рэдфорд все равно ее не послушает. Однако в этот же момент среди суетившихся вокруг матросов началось какое-то новое движение – должно быть,

часть закончивших свою работу в трюме решила помочь такелажникам – и среди них Эрнеста с удивлением разглядела Эдварда Дойли. Протолкавшись ближе к капитану, какое-то время он молча наблюдал за ним; затем поднял голову, взглянул на девушку и спросил странно решительным и собранным тоном, какого она никогда у него не слышала:

– Сколько времени уже прошло?

– Где-то три с половиной минуты, – от неожиданности просто ответила она.

– Три минуты пятьдесят секунд! – севшим голосом поправил ее Макферсон.

– Дайте мне попробовать, – решительно попросил Дойли, становясь на колени рядом с Рэдфордом и сбрасывая его руки с груди юноши. Джек немедленно вцепился ему в плечо:

– Эй, ты что!..

– Надо надавливать чаще и сильнее, – не оборачиваясь, объяснил Эдвард. Закусив губу, он внимательно рассматривал запрокинутое неподвижное лицо спасаемого. – И руки ставить выше, иначе это... двадцать пять, двадцать шесть... совершенно бессмысленно. Нет, так не пойдет, – заключил он вдруг, останавливаясь, и с сосредоточенным видом повторил: – Время!

– Четыре двадцать! – доложил Макферсон. Дойли кивнул, помолчал, затем резко, отрывисто приказал:

– Отойдите. Руки уберите, ну! И молитесь, чтобы сработало, – левой рукой отмечая нужное расстояние, правую он согнул в локте и занес над обнаженной грудью перед собой. Джек, стиснув зубы, проговорил:

– А если не поможет?

– Тогда ему не поможет уже ничто, – безжалостно заключил Эдвард и мгновенно с силой опустил сжатый кулак в область сердца Генри. Несколько секунд они с Рэдфордом молча смотрели друг на друга – даже шторм, казалось, стих, и на палубе воцарилась мертвая тишина.

– Есть пульс!.. – ликующим тоном сообщил наконец Макферсон, и каменное лицо капитана чуть заметно дрогнуло. Эдвард, не сдержавшись, усмехнулся:

– Уже успели записать его в покойники?

– А... почему он не дышит? – даже не огрызнувшись, выдохнул хрипло Джек.

– Сейчас задышит. Помогите лучше, – приподнявшись, Эдвард вовремя успел переложить юношу на бок прежде, чем тот в первый раз с присвистом втянул в себя воздух, и тотчас зловонная жижа напололам с морской водой начала извергаться из его рта на палубу.

– Мистер Макферсон, отведите парня в мою каюту, – устало распорядился Джек. Сил у него осталось настолько мало, что он, вопреки своему обыкновению, даже оперся на плечо Эрнесты, поднимаясь на ноги – та, передав штурвал Моргану, тоже подошла к ним:

– Я присмотрю за ним, Джек. Идемте! – Она осторожно перехватила Генри за ходивший ходуном локоть – юноша, поддерживаемый боцманом с другой стороны, все еще шатался и потерянно озирался по сторонам, явно не понимая, что произошло. Проходя мимо Эдварда, Эрнеста едва заметно усмехнулась, и в ее непроницаемых обычно глазах мелькнуло уважение.

– Почему... Почему я?.. Я могу работать! Я отлично себя чувствую! – слабо возмутился Генри начисто севшим голосом, когда они с Макферсоном укладывали его на постель в каюте Джека. Старый боцман отлучился за горячим грогом, а Морено, ничуть не смущаясь, принялась помогать дрожащему от холода юноше снимать мокрые вещи.

– Недостаточно наглотался сегодня забортной воды? Еще захотелось? – беззлобно подшучивала она над ним, сама ежась от холода и с завистью поглядывая на сухие чистые простыни. – С почином тебя, парень! Считаю, что второй раз сегодня родился.

– Как это? – уже замотавшись в одеяло по самые брови, полюбопытствовал Генри.

– Редко кто выживает после подобного, да еще в первый свой раз, – наставительно ответила девушка, скручивая его одежду в один узел. – Все это я повешу сушиться, завтра утром наденешь, а пока возьми вещи Джека.

– Разве так можно?..

– А почему бы и нет? Пираты – это тебе не торговцы и не «красномундирники», у нас принято сидеть на своем добре, когда товарищу носить нечего. Да и не думаю, что Джек на тебя обидится. – Подавая ему штаны и рубашку, внезапно она остро взглянула на него: – Испугался, да? Ответь честно, я никому не скажу.

– Я совсем ничего не понял, – искренне поделился Генри, укладываясь на подушку: у него уже явно слипались глаза, а голос звучал расслабленно, как во сне. – Лез наверх, а потом волна... Я даже крикнуть не успел. Потом услышал, как мистер Эш закричал... Вот и все.

– Скажи спасибо Джеку и мистеру Дойли. Это они тебя откачали, – Эрнеста приняла из рук вернувшегося Макферсона кружку и помогла Генри приподняться: – Вот, выпей, потом я тебя остатками разотру – и ляжешь спать до утра...

Шторм стихал, и измученная, продрогшая команда уже безо всякого соблюдения субординации толпилась в кубрике, растираясь ромом и принесенной с камбуза горячей водой. Котлов было всего четыре, к каждому – порядочная очередь, и Эдвард, в глубине души постыдно завидуя тем, кто имел хотя бы смену чистой одежды – сам он, подобно многим остальным матросам, вынужден был остаться в том, в чем был во время шторма – с тоской осознавал, что вымыться ему предстоит нескоро.

– Ну, ну, ребята, чего раскисли, словно медуза на солнцепеке? – внезапно раздался в кубрике голос той, кого он меньше всего рассчитывал увидеть здесь и сейчас. – Наш капитан, дай Бог ему здоровья, расчехлил свои запасы, так что живо переодевайтесь во все это и дуйте на камбуз за бренди и пудингом – заслужили! – Последние ее слова потонули в одобрительном гуле множества голосов; Эдвард тоже двинулся было туда, но девушка неожиданно оказалась уже рядом с ним и поймала за плечо.

– Мистер Дойли? Я нам уже все отложила, идемте! – улыбнувшись, сунула она ему в руки стопку сухой одежды. Эдвард, сперва не сообразив, что к чему, последовал за девушкой. Морено привела его в свою крошечную каюту, посередине которой уже стояла накрытая тканью здоровенная баррелевая бочка, оказавшаяся наполненной изумительно горячей, источающей пар водой – и при виде нее Эдвард застыл, наконец поняв, что от него хотят.

– Закройте дверь, – расстегивая мелкие пуговицы жилета, совершенно буднично попросила Эрнеста. Мужчина, отмерев, отрицательно покачал головой. – Давайте-давайте. Из общего котла вы Бог весть через сколько времени сможете сполоснуться, а в это время года схватить простуду проще простого. Хотите потом валяться в лазарете и глотать бесполезные вонючие микстуры мистера Халуэлла? – словно напрочь не понимая, что не так в ее затее, продолжила она. Эдвард, с неудовольствием чувствуя, как его лицо едва ли не впервые с далекого юншества начинает заливать краска смущения, принялся торопливо оглядываться в поисках места, куда можно было бы положить приготовленную одежду.

– Благодарю, сеньорита, но я предпочту вымыться вместе с остальными, – избегая смотреть в ее сторону, проговорил он. Эрнеста, отложив в сторону жилет, взялась за рубашку:

– С чего это вдруг такая стеснительность, мистер Дойли? Мы с вами ведь достаточно взрослые люди, чтобы обойтись без глупостей.

– С того, что вы... Если вы будете так себя вести, среди команды могут пойти слухи. И вам они навредят намного больше, чем мне, – все больше проникаясь отвращением к самому себе, принялся сбивчиво объяснять Эдвард. Собственные аргументы показались ему надуманными и на редкость оскорбительными для девушки, но Эрнеста лишь усмехнулась, сняла рубашку и затем повернулась к нему спиной, начав развязывать пояс.

– Мистер Дойли, – через плечо поглядывая в его сторону, с едва заметной улыбкой заговорила она, – поверьте, команды мне бояться не стоит – никто не рикнет меня тронуть и пальцем без разрешения. За насилие на борту у пиратов полагается смертная казнь.

– Странно, мне показалось, что вы...

– Вам показалось, – быстро перебила его Эрнеста. Оставшись в штанах, она начала стягивать сапоги, по-прежнему ни капли не стесняясь его присутствия, и Эдвард внезапно ощутил приступ глухой злости:

– Хотите сказать, то, что вы излишне близки с нашим капитаном, мне тоже показалось?

К его удивлению, Эрнеста, уже снявшая один сапог, при этих словах закрыла лицо руками и негромко, но искренне рассмеялась.

– Джек – мой друг еще с тех пор, как мне едва исполнилось шесть лет. К тому же, я несколько... несколько не в его вкусе, насколько знаю предпочтения Джека, – аккуратно сложив мокрую одежду на полу, она забралась в бочку и выжидательно посмотрела на него: – Я не собираюсь вас уговаривать, мистер Дойли. Будьте любезны, закройте уже дверь с какой-нибудь стороны – сквозит, знаете ли, а я простужаться точно не собираюсь.

Ее спокойный, расслабленный тон подействовал на Эдварда неожиданным образом, словно какой-то восточный дурман: в голове стало душно и легко, и с особой четкостью ощутился мерзкий холод липнувшей к телу мокрой одежды. В конце концов, что в этом такого? Ему все равно уже падать ниже некуда – к тому же, оба они взрослые люди – и она ведь сама предложила... Будто в бреду, Эдвард стянул себя сапоги, штаны и рубаху, сделал несколько неверных шагов и плюхнулся в горячую воду. Давно забытое удовольствие сперва вымыло из его сознания все связные мысли, и лишь затем он различил над ухом повеселевший голос:

– Лучше?

Эрнеста находилась совсем рядом с ним – бочка, хоть и достаточно вместительная, оставалась лишь бочкой – и ее стройное, гладкое темное тело, все его линии и формы оказались открыты его взгляду. На мгновение перед внутренним взором Эдварда возник образ Мэри – мягкие нежные руки, белая кожа, глаза цвета драгоценнейших сапфиров и ровные волны золотых кудрей – что, если бы она точно так же... Нет, никогда он не смог бы даже представить ее в подобном состоянии! Пиратке и дочери пиратов, не знающей элементарных правил приличия, в достойных семьях впитываемых с молоком матери, не видящей ничего дурного ни в своем поведении, ни в способе заработка грабежом и убийством, позволительно так себя вести – но не ей, его непревзойденному светлому ангелу...

Эрнеста, закончив растираться мокрой тряпкой, которой же и зачерпывала воду, вооружилась широкогорлой склянкой и стала из нее поливать волосы какой-то субстанцией, слабо отдававшей цветами и заметно сильнее – запахом каких-то трав и солью. Затем взяла в руки гребень, а склянку бесцеремонно вручила Эдварду:

– Держите! Вам тоже не помешает вымыть голову.

– И часто вы... пользуетесь этим средством? – хмуро отозвался он, рассматривая склянку не без сомнения. Эрнеста тряхнула мокрыми волосами, даже теперь не утратившими обычной пышности:

– Я все-таки женщина и не хочу, чтобы на меня нельзя было взглянуть без отвращения. Хотя, надо признаться, периодически возникает желание побриться наголо, – хмыкнула она, с усилием прочесывая спутанный локон на затылке. Вымытые волосы сразу же начинали благодарно виться в длинные волнистые плети, с кончиков которых капала вода. Покончив с мытьем, Эрнеста первой выбралась из бочки, наскоро надела чистые штаны и рубашку, подхватила с пола мокрые вещи и распорядилась:

– Сейчас развешу все сушиться и вернусь, а вы пока устраивайтесь вон на том сундуке. Сменный тюфяк, подушка и простыни внутри.

– Хотите сказать... Я вовсе не собираюсь ночевать здесь! – побледнев, возмутился Эдвард. На лице девушки не дрогнул ни один мускул:

– Как хотите. Тогда возьмите простыню, завернитесь в нее и ступайте в кубрик. Думаю, ваши товарищи отнесутся к вашему появлению в таком виде с большими-ими пониманием, – с усмешкой протянула она, закрывая за собой дверь.

На палубе все еще было промозгло и сыро, но, во всяком случае, тихо: волны почти улеглись, и в стремительно сгущавшихся вечерних сумерках легко было представить, что никакого шторма на самом деле и не было. На капитанском мостике виднелась одинокая ссутуленная фигура Рэдфорда, чуть заметно покачивавшегося за штурвалом в такт движению корабля. Развесив вещи на растянутом возле камбуза канате, куда меньше всего долетали соленые брызги, Эрнеста направилась к капитану:

– Джек, ты чего? Тебя уже ноги не держат, иди отдыхать!

– Я... Я всех отпустил. С вахты, то есть. Пусть отоспят, славно сегодня поработали. Ты тоже... иди. Мы с мист... ром Макферсоном сами... подежурим, – с трудом фокусируя на ней взгляд так и норовивших захлопнуться глаз, пробормотал Рэдфорд. Эрнеста решительно приобняла его за плечи:

– Джек, пошли спать. Раз такое дело, мы эту вахту с мистером Макферсоном сами отстоим.

– Н-нет... Нет. Ты уже два дня подряд по ночам дежурила. Сам, я сам...

– Это не обсуждается, – девушка ненавязчиво подпихнула его в направлении капитанской каюты, отстранив от рулевого колеса. – Твой Генри наверняка уже десятый сон видит, да и мистеру Дойли без меня уютнее будет.

– Т-ты что, во... вобоб... вообще никогда спать не хочешь? – растерянно поинтересовался Джек, зевая во весь рот и потирая ладонью слипающиеся глаза. Эрнеста невесело усмехнулась:

– Нет, в последнее время что-то совсем не хочется. Такое снится, что врагу не пожелаешь. Ты иди, Джек, иди – сам знаешь, я испанца не просплю...

– Я... Макферсон придет... скоро... И ты тогда ступай спать сразу, ладно? – На секунду Рэдфорд почти проснулся, со вполне внятной тревогой взглянув на нее – но на лице Эрнесты не отразилось ничего, кроме спокойной усмешки:

– Спасибо, Джек.

В ответ раздался звук медленных, неверных шагов по палубным доскам, негромкий скрип открывшейся двери, звук проворачивающегося в скважине замка. А затем стихло все – и на палубе «Попутного ветра» наступила долгожданная тишина. Едва слышно ступая босыми ногами, Эрнеста прошла вдоль борта, прислонилась спиной к прохладному в этот час дереву фок-мачты и медленно опустилась на колени у ее подножия, закрывая ладонями измученные уши и глаза. С тех пор, как она ступила на борт этого корабля, лишь теперь оказалась среди такой тишины совершенно одна – и впервые с того дня, как покинула тот ненавистный остров, тихо, глухо и беспомощно зарыдала.

Глава

VII

. Неожиданные поступки

Эрнеста все еще стояла на коленях на палубе, когда за ее спиной послышались тихие шаги:

– Сеньорита? Сеньорита, вы что?.. – Эдвард в растерянности уселся рядом с ней и тронул за плечо. Девушка увернулась от прикосновения и вытерла ладонью глаза.

– Сами ведь знаете, так к чему спрашивать? – хрипло выговорила она, пряча лицо.

Дойли промолчал, осторожными мелкими движениями поглаживая ее локоть. Выждав, негромко спросил:

– Он был таким хорошим человеком? Достойным ваших слез?

– Самым лучшим, – без колебаний ответила Эрнеста. – Он был мне старшим братом после гибели родителей. Всегда прикрывал мои ошибки, лез в драку, когда слышал, что женщине не место на корабле... Даже, смешно сказать, откладывал мне лучшие кусочки за обедом,

говорил, что нужно правильно питаться, не то можно заболеть. Он хотел покончить с собой там, на острове, – изменившимся голосом прибавила она вдруг, и Эдвард, поняв, уточнил:

– Чтобы вам не пришлось тратить на него силы и припасы?

– Да, – глухо ответила Эрнеста; положив подбородок на колени, она сидела совсем неподвижно, и лишь ее длинные темные волосы трепал переменчивый ветер, в котором едва угадывались отголоски недавней неукротимой мощи. – Человеческая жизнь – это чудо, мистер Дойли. То, что вам раз за разом удается спасти других, у нас, пиратов, считается особым благословением моря.

– По такой логике, любой деревенский врач является чуть ли не святым, – снисходительно усмехнулся Дойли, но, поймав ее вдруг ставший серьезным и острым взгляд, смутился: – На моем месте мог оказаться кто угодно другой.

– Я помню, как вы спасли мне жизнь вчера, – необычайно серьезно возразила девушка; подавшись вперед, она почти коснулась его руки плечом и грудью. – А сегодня вы вытащили с того света мальчишку, которого явно терпеть не можете.

– Сеньорита, это...

– Я хожу в море с одиннадцати лет, мистер Дойли, – повысила она голос. – Поверьте: поступать в подобных условиях так же, как вы, станут очень и очень немногие.

Эдвард удивленно глядел на нее, не зная, что отвечать. Сперва он решил, что девушка просто шутит, но звучащая в ее голосе искренность говорила об обратном. Внезапно Эрнеста чуть заметно улыбнулась и протянула ему руку; мгновение Дойли колебался, затем все же пожал ее узкую крепкую ладонь.

– Никогда бы раньше не подумал, что стану брататься с пиратами, – после паузы пробормотал он, не поднимая глаз. Эрнеста с усмешкой склонила голову к плечу:

– Все еще не теряете надежду вернуться в строй?

– Нет. Нет, дело не в этом. Я понимаю, что это невозможно, – задумчиво отозвался Дойли. Глухая, звериная тоска, растревоженная случайными словами и мыслями, снова принялась терзать его сердце. – Меня... Меня всю жизнь учили, что для преступивших закон нет прощения, и я считал, что это правильно...

– Вы и до сих пор так считаете, – заметила зорко следившая за каждым его словом и жестом девушка. Дойли с горьким смехом закрыл лицо руками:

– Пожалуй, да. Не в этом суть... У меня в голове все путается, не могу объяснить.

– Странно вы мыслите, мистер Дойли. Ходите, ходите кругами, а толку нет – выводов никаких не делаете, – спокойно отозвалась Эрнеста, сжимая его плечо своими тонкими, но сильными пальцами. – Я вам скажу, глупо рассчитывать на иной исход, совершая то же самое, что и в прошлый раз. Подумайте, как давно ваша жизнь дала такой крен? В какой момент вы допустили свою главную ошибку?

– Даже если бы я и знал это, с чего вы взяли, что я стану делиться с вами? – на секунду позволив справедливому негодованию овладеть собой, возмутился Дойли. К его удивлению, обычно равнодушную к куда более оскорбительным речам девушку явно задело его слова: отвернувшись, она поднялась на ноги, подошла к фальшборту и, забросив на планшир локти, негромко спросила:

– Знаете, в чем разница между мной и вами, мистер Дойли? Помимо, естественно, той чепухи, о которой вы подумали в первую очередь, – зло прибавила она, заметив, как Эдвард уже раскрыл рот для гневной отповеди. В ее темных южных глазах не осталось ни тени тоски; на мгновение бывшему офицеру показалось, что перед ним возникла громада военного испанского галеона под всеми парусами, страшно и пристально глядящего на него черными рядами пушечных дул из поднятых орудийных портов. – В отличие от вас, я не ищу жалости.

– Жалости... Жалости, говорите, – рассеянно повторил за нею Эдвард. Случайная мысль, не дававшая ему покоя, наконец обрела четкую форму и стала до смешного понятной. – Самому себя жалеть нельзя, и другим, значит, тоже? Так вы полагаете, сеньорита?

– Жалость всегда отвратительна. Она – лишь жалкая и унижительная замена нашей действительной помощи другим людям и самим себе, – убежденно ответила Эрнеста. – Вместо того чтобы сожалеть, лучше просто пойти и сделать то, что мы можем сделать. Или... Или проклясть себя за то, что что-то сделать не можем, – чуть тише прибавила она, но Эдвард уже едва слышал ее; поднявшись с порядком остывших палубных досок, он направился к фок-мачте, остановился, провел ладонью по шершавому дереву и обернул к девушке удивительно изменившееся, разом ставшее строже лицо.

– Когда-то я ненавидел своего отца за то, в чем вы теперь обвиняете меня. Он тоже жаловался на жизнь, на судьбу, на родителей, не оставивших ему ни титула, ни состояния, на оспу, унесшую трех моих старших братьев, на матушку – за то, что она часто болела и была не такой, какой ему хотелось видеть свою жену, – хрипло и горячо, сбивчиво заговорил он. Эрнеста внимательно посмотрела на него:

– Вы были единственным их выжившим ребенком?

– Да, – коротко кивнул Дойли. – Я тогда не заболел просто чудом – матушка говорила, что иначе бы наложила на себя руки. Она сама долго страдала чахоткой, пила какие-то отвары, каждый день молилась Богу, что не забрал у нее меня... Я видел, как она экономит на всем на свете, чтобы обеспечить нам мало-мальски достойную жизнь – представляете, каково это, когда нужно поддерживать какую-то видимость благополучия, а для этого нет ни денег, ни земель, а только бесконечные долги, которые с каждым днем лишь растут...

Эрнеста хмуро кивнула:

– Моя мама всегда говорила, что джентри⁵ – это люди, которым можно только посочувствовать.

– Она была англичанка?

– Нет, ирландка из обедневшего знатного рода, прямо как у вас. В первый раз в море вышла в шестнадцать под началом старшего брата, – в безразличном тоне Эрнесты внезапно послышалась теплая нотка затаенной гордости. – После его смерти стала капитаном. Но довольно о моей семье – помнится, вы сказали, что ненавидели отца?

– Целыми днями я наблюдал за тем, как моя мать выбивается из сил, а он палец о палец не ударил, чтобы чем-нибудь ей помочь, – хриплым, полным нескрываемой злобы голосом ответил Эдвард: от его обычной сдержанности не осталось и следа. – Мы жили неподалеку от Корнуэлла; совсем рядом с усадьбой была какая-то деревушка, и отец даже не стыдился ходить туда, пить вместе с лавочниками, ремесленниками и прочими... посетителями, – покосившись на Эрнесту, сдержал он готовое сорваться с губ оскорбление, – и постоянно во всеуслышание жаловался на то, какая у него скверная жизнь. Матушка никогда его не ругала, а я видел, как она кашляет в платок и сразу прячет его в рукав, чтобы никто не заметил – у нее уже начинала идти горлом кровь, но я... – стиснув руку в кулак, он с силой ударил им по обшивке мачты. – Сам не знаю, зачем я вам это рассказываю.

– Зато я знаю, – тихо ответила Эрнеста и пояснила без обычного бесстрастно-презрительного тона, которым она предпочитала говорить о таких вещах: – Я почувствовала запах рома сразу, как только вы подошли ко мне.

– Я бросаю пить. С завтрашнего дня больше ни капли в рот не возьму, – равнодушно бросил Дойли. – Вы не верите мне?

– Не верю, – спокойно и честно ответила Эрнеста и, подойдя ближе, легонько похлопала его по плечу, – но вы все-таки докажите, что я ошибаюсь. Так что же случилось дальше?

Дойли молчал, склонив голову и ероша пальцами свои давно отросшие темно-русые волосы. Девушка терпеливо ждала.

– На ее похоронах отец напился, как последняя свинья. Я смотрел на него и думал: вот я убью его, и мне станет легче. В мире будет меньше одним никчемным, поганым человечком, а ни одна живая душа даже не заплачет о нем.

– Но вы этого не сделали?

– Нет. – Эдвард снова сжал кулаки и глубоко вздохнул. – Иногда я жалею об этом, но тогда я подумал: матушка бы этого не захотела. Я собрал свои вещи и попросил кучера отвезти меня в Корнуэлл; там жил дальний родственник матери, у которого я прожил несколько недель. Я написал дяде – он служил в Лондоне, в Адмиралтействе – и попросил устроить меня юнгой на любое судно. Мне было двенадцать.

– Поздновато для новичка, – заметила Эрнеста, но вместо неодобрения в ее тоне послышалось уважение. – А как же перешли в сухопутные войска?

– Это случилось намного позже, когда меня направили в офицерскую школу. Море мне нравилось, но я понимал, что в армии куда больше шансов сделать карьеру, нежели во флоте. И колониальные войска вместо столичных я выбрал по той же причине.

– Должно быть, это было непросто, – задумчиво проговорила Эрнеста, то и дело вскидывая на него свои блестящие в тусклом свете луны темные глаза. – И больше вы никогда не встречались с отцом и ничего о нем не слышали?

– Он умер спустя три года. Я узнал об этом случайно, от знакомых даже, а не от дяди, – усмехнулся Дойли с заметным усилием. – Говорили, под конец он образумился, звал меня, матушку и братьев, даже просил прощения... Мне это было уже все равно.

– Ясно, – кивнула девушка. К удивлению Эдварда, вместо ожидаемых нравоучительных речей она просто наклонилась, чтобы заглянуть ему в лицо и, увидев то, что хотела, с какой-то странной для нее деликатностью отвернулась, давая ему время прийти в себя.

– Значит, вас так сильно задело то, что я невольно сравнила вас с вашим отцом, – по-прежнему тихо и задумчиво продолжила она, устремив взгляд на мерно плескавшиеся за бортом темные волны. – Он, конечно, был дурным человеком, но вы напрасно боитесь неизбежного. Это необходимый урок, мистер Дойли – понять, что наши родители были такими же людьми и совершали те же ошибки, что и мы сами.

– Я не желаю быть таким, каков был мой отец, – твердо отрезал Эдвард. – Разве вы не хотели бы превзойти своих родителей?

Морено неожиданно обернулась и посмотрела на него через плечо со странным выражением – смесью гордости, нежности и печали.

– У нас с вами не одинаковые судьбы, мистер Дойли, – тихо и с обычно не свойственным ей достоинством ответила она. – Мои родители были несравненно лучше меня.

Генри проснулся словно от толчка, хотя сразу же понял, что его время на сон еще не истекло: в ночную вахту он практически никогда не выходил, а до утра было еще далеко. В каюте было темно и тихо, а под мягким одеялом – настолько тепло, что легко можно было перевернуться на другой бок и уснуть снова; лишь откуда-то из-за занавешенного окна несло мерное и настойчивое мурлыканье волн, и потому юноша изумленно обернулся, различив рядом с собой еще один источник звука – громкое, хриплое, прерывистое дыхание.

Джек лежал на противоположной половине кровати, даже не раздетый, не укрытый одеялом – как видно, сил его хватило лишь на то, чтобы добраться до кровати. Когда Генри, усевшись рядом, принялся осторожно стаскивать с него сапоги и камзол, Рэдфорд лишь простонал что-то невнятное, вжимая голову в покрывало, но не проснулся.

– Тише, тише, Джек, это я! – перекладывая его на подушку, предупредил юноша. Капитан, казалось, притих, и Генри уже вознамерился снять с него пояс с прикрепленными к нему пистолетами, когда в его руку отчаянно вцепились напряженные темные пальцы.

– Не... не надо, – пробормотал Рэдфорд. Лицо его было неузнаваемо: сквозь маску сна отчетливо выступали судорожно стиснутые челюсти, искривленные мучительной улыбкой губы; даже в тоне его отчетливо слышалась иступленная мольба. – Не надо, пожалуйста...

– Джек, ты чего? – склонившись над ним, шепнул юноша. – Тебе плохо? Джек!..

– Нет! – этот возглас уже был подобен воплю дикого зверя, на лапе которого сомкнулись безжалостные створки капкана. – Нет, не надо, пожалуйста! Очень больно...

– Джек, это я! – с отчаянием в голосе повторил юноша, нерешительно сжимая его плечо, но не решаясь встряхнуть хорошенько и прервать тягостный кошмар, терзавший капитана. Тем временем Рэдфорд наконец выпустил из своей хватки его ладонь и перевернулся на бок, скорчившись в три погибели. Негнуцими пальцами правой руки, заведенной за голову, он царапал сбившуюся на спине рубашку, словно умалишенный. Генри в растерянности глядел на него, не понимая, что делать. Сперва он инстинктивно метнулся к двери – разбудить кого-то из команды, быть может, Эрнесту и Халуэлла – но остановился на пороге в нерешительности. Тихо притворил за собой дверь, подошел к письменному столу, смутно белевшему в полумраке, поворошил бумаги, нашарил пустой стакан, плеснул в него воды из стоявшего в углу кувшина и вновь опустился на кровать рядом с мечущимся Рэдфордом:

– Вот, Джек, выпей. Все хорошо, все в порядке, я рядом, – осторожно проводя мокрыми пальцами по его пылающему лбу, зашептал он. На какое-то мгновение в комнате и впрямь воцарилась неверная, оглушительная тишина, затем Джек снова хрипло задышал и Генри почувствовал, как ледяные пальцы сомкнулись на его запястье, вынуждая переложить ладонь на содрогающуюся в странных конвульсиях спину.

– Пожалуйста... Пожалуйста, я не могу больше... Ты не представляешь, как больно, – срывающим голосом продолжал умолять кого-то неизвестного Рэдфорд. Рубашка под ладонью Генри была смятой и совершенно мокрой от пота, но он все равно различил через нее какие-то непонятные неровности, длинные бугристые полосы на коже...

– Нет, нет! Я знаю, ты хочешь убить меня, как маму, – все плотнее прижимая его ладонь к страшным шрамам, выдыхал Рэдфорд в коротких перерывах между стонами боли. – За что ты так меня ненавидишь? Я же твой сын, твой родной сын...

Задыхаясь и сам едва удерживаясь от того, чтобы не закричать, Генри отдернул руку и вскочил на ноги. Опомнившись, вновь склонился над Рэдфордом и обхватил его за плечи:

– Джек, это сон, всего лишь дурной сон, успокойся! Ты здесь, на своем корабле, никто не тронет тебя!..

– Больно...

– Боли больше нет, вот, погляди, – закусив губу, он осторожно положил ладонь на то место, где глубокие, рваные белые полосы перекрещивались особенно часто, словно на спину бросили горящий клубок водорослей. – Видишь? Чувствуешь? Больше никто не придет и не сможет сделать тебе больно...

Словно действительно прислушавшись к его словам, Рэдфорд приподнялся, завел правую руку за спину, вцепился в чужое запястье, сильно и неприятно царапая ногтями. Но Генри, сжав зубы, не шелохнулся, и спустя несколько тягостных минут ощутил, как хватка стальных пальцев ослабла. Крупная судорога прошла по телу Рэдфорда, он снова заметался, бормоча что-то невнятное, но уже тише и слабее – и обмяк, бессильно откинулся на мокрую подушку, запрокинув голову и изредка надрывно, с трудом выдыхая. Весь дрожа, юноша отстранился от него, поднялся на ноги – колени все еще дрожали – кое-как доплелся до стола, отставил стакан и рухнул на стул, уложив трясущиеся руки поверх вороха бумаг. Спать теперь у него не получилось бы при всем желании.

– Ты чего, Генри? – неожиданно приподнявшись на локте, окликнул его Джек: совершенно спокойный, слегка сонный, но без малейшего намека на недавно увиденный во сне кошмар на лице – лишь в его черных глазах маячил тревожно и навязчиво чуть заметной тенью

страх. От неожиданности юноша замялся и лишь спустя несколько секунд выдавил из себя чуть виноватую улыбку:

– Я тебя разбудил? Прости.

– Да ничего страшного. Все равно муть какая-то снилась, – потирая лоб рукой, проворчал

Рэдфорд. Генри испуганно дернулся:

– Хочешь воды?

Капитан, не отвечая, перевернулся на другой бок и поплотнее завернулся в одеяло; потом все же кивнул головой, и Фокс поспешно поднес стакан к самым его губам. Пил Рэдфорд жадно, словно не видел пресной воды дня четыре. Однако, утолив жажду – и тревожное выражение в его глазах немного улеглось – он сразу же с усмешкой подмигнул Генри:

– А покрепче ничего не найдется?

– Не надо пить ночью, Джек, – укоризненно посоветовал юноша, вызвав у него новую ухмылку – шире и искреннее:

– Да шучу я, парень! Не совсем еще спятил – на борту пьянствовать. Море, оно трезвых любит... Который час-то?

– Я не знаю, – честно признался Генри. – Могу сходить и узнать, если очень нужно.

– Не надо, не трудись, – махнул рукой Рэдфорд, приподнимаясь на локте, чтобы заглянуть в темный провал окна. – Сам вижу, что склянка пятая-шестая, не позже... Время еще есть, – зевнув, прибавил он, снова укладываясь на подушку. – Ложись спать, утром со всем разберемся...

Генри неуверенно улыбнулся, рассматривая его спину: он до сих пор боялся шелохнуться, и лишь тогда, когда раздался первый раскат чужого громкого храпа, осмелился сползти со стула, пятясь спиной, добрался до двери и почти бегом бросился на палубу. Доски шкафута под ногами все еще были скользкими и мокрыми – не будь Генри без сапог, он упал бы еще в первую секунду, но и без того почти сразу же его занесло вправо, так, что он лишь чудом не ударился о принайтованную у правого борта медную вертлюжную пушку.

– Эй, парень, ты чего? Сильно ушибся? – мгновенно прозвучал с капитанского мостика знакомый голос: Эрнеста Морено, закутанная в кусок парусины наподобие шали, смотрела на него в упор и немного тревожно. Эдвард Дойли, стоявший за штурвалом, лишь проворчал что-то невнятное. Девушка оглянулась на него, но отвечать не стала, а спустилась к Генри и протянула руку, помогая подняться:

– Ты чего выскочил, как черт из табакерки?

– Да я... так... – низко опуская голову, уклончиво отвечал юноша. Поняв, что тем самым вызовет еще больше вопросов, он тихо попросил: – Я уже отдохнул. Можно мне остаться?

– Да пожалуйста, – усмехнулась Морено. – Тащи бечевку, буду учить тебя вязать узлы.

– А что же вы ему сразу канат не выделите? – мрачно полюбопытствовал Дойли. Генри вновь вжал голову в плечи, но девушка ободряюще хлопнула его по плечу:

– Нечего просто так портить хорошую вещь. Знаете, с которого раза петли начинают получаться ровными? То-то. Ну же, Генри, не стой, как тендер на рейде! Ты точно в порядке?

Фокс поспешил заверить ее, что чувствует себя отлично, и, все еще бледный и растерянный, отправился за бечевкой. У него и раньше-то не слишком хорошо получалось превращать сальный обрывок веревки в замысловатые узлы – бывалые моряки, казалось, могли вязать их чуть ли не во сне – а теперь он и вовсе не мог сосредоточиться на работе.

– ...Генри, что такое? Смотри, петля пропускается под средним и указательным пальцами – и получается бабочка, только с тремя парами крыльев, я же тебе показывала! – вполголоса возмущалась Эрнеста, кутаясь в парусину, но по-прежнему раз за разом в десяток ловких, быстрых движений скручивала бечевку в затейливые фигуры и распускала обратно. – Еще раз!

Сердито скрипел колесом штурвала Эдвард. Генри сидел, озябшими пальцами теребя быстро мохрившуюся бечевку, и чувствовал, как первые лучи солнца принимались понемногу припекать его спину. Начинался новый день.

Эдвард с проклятием швырнул последний мешок поверх остальных и захлопнул крышку люка. Голова раскалывалась так, что порой он серьезно задумывался о том, что был бы не прочь оторвать ее и выбросить.

После шторма, когда выяснилось, что весь груз в трюме снова сбился – на сей раз на корму – большую часть матросов отправили выравнивать его, пока остальные ремонтировали потрепанные снасти и начисто перемывали палубу. Такая работа считалась легче и «чище», и потому Дойли даже не рассчитывал на нее; отдохнуть после ночной вахты ему тоже никто не позволил: после выхода из шторма всегда и закономерно объявлялся аврал. Поэтому Эдвард вместе со все-таки выспавшимися ночью товарищами таскал тяжелые мешки, сквозь зубы ругаясь, когда становилось совсем невмоготу, огрызался на с утра совершенно озверевшего Моргана и отчаянно дожидался заветного короткого перерыва на обед.

– Ну, ребята, чего такие кислые? Я вам еды притащила, разбирайте! – протиснувшись в люк с двумя тяжелыми бачками похлебки, звонко позвала Эрнеста – в свежей рубашке и новом синем жилете, с аккуратно заплетенными в мелкие косички волосами, повязанными серым хлопчатобумажным платком – в ней едва можно было признать закутанную в обрывок паруса девушку, рыдавшую в одиночестве всего несколько часов назад. Неприязненно взглянув на осекшегося от такой наглости рулевого, она слегка склонила голову и чуть приподняла уголки губ в секундной улыбке:

– Мистер Морган, вас уже ждут на верхней палубе.

Матросы одобрительно загудели, обступив ее со спины и с боков, пока рулевой, тяжело ступая, выбирался прочь из отсека. Эдвард встал позади остальных, но зрелище унижения ненавистного Моргана заставило даже его довольно усмехнуться.

– Ну и слава Богу, что ушел. Хоть поедим все спокойно, – бодро заявила Морено, ставя бачки на пол под чужими жадными взглядами. – Ложки, ложки готовьте!

– Моргана действительно ждут на верхней палубе? – негромко осведомился Эдвард, когда все приступили к еде. Эрнеста беззаботно махнула рукой:

– Нет, но Джек все поймет и наверняка найдет для нашего славного рулевого какое-нибудь поручение на час-другой. Пусть работает сам, а не лишает людей обеда, раз так хочет... И вообще, это не дело: ребята его уже больше, чем капитана, боятся.

Дойли отвернулся с невольной досадой. Конечно, чего еще следовало ожидать? Там, где что-то требовалось лично ей, «мисс штурман» совершенно не стеснялась обманывать товарищей по команде. И в чем-то Эдвард даже понимал ее, отчего злился еще больше.

– Морган не дурак, он сразу поймет, чья это затея. Вам не кажется, что это для вас еще хуже? Если он выместит на людях злобу, которая предназначена вам...

– Да, и меня тоже это беспокоит, – зачерпывая ложкой похлебку, кивнула Эрнеста. – Но продолжать давать ему волю, как делает Джек – это не выход.

Оба одновременно замолчали. Все члены команды знали скверный нрав и тяжелую руку своего рулевого, а также то, что тот настолько хорошо исполнял свои прямые обязанности и держал в узде матросов вместо мягкосердечного Макферсона, что на все его выходки капитан Рэдфорд предпочитал смотреть сквозь пальцы. Пару раз он даже пытался побеседовать на эту тему с Эрнестой и убеждал ее не вмешиваться в дела рулевого, но «мисс штурман» категорически заявила, что может простить обиду, нанесенную ей самой, но не собирается терпеть систематические избиения своих товарищей. Джек ее мнение учел и потому впредь перестал вмешиваться в их споры с Морганом, дожидаясь, пока одна из сторон возьмет верх в этом странном противостоянии. Пока Морено, казалось бы, выигрывала: матросы любили и ува-

жали ее самозабвенно – Дойли не поверил бы, но сам был свидетелем того, как те ругались за право отстоять вахту под началом их маленькой «мисс штурман» или выполнить какие-нибудь мелкие поручения от нее; но она сама лучше всех ощущала исходившую от Моргана угрозу, становившуюся тем сильнее, что ему никак не удавалось излить свою ярость на ее причину. Гроза была неизбежна и обещала вот-вот разразиться.

– Ешьте, не думайте об этом, – спрятав тревожный взгляд за беспечной усмешкой, предложила Эрнеста; сама она за обедом смеялась и шутила с матросами, ничуть не смущаясь, если кто-то отвечал ей в тон. Между делом выяснилось, что Марти и Айк, которым поручено было отнести в нижний отсек бочку солонины, забыли увязать ее в просмоленную парусину.

– Ну как же вы так исхитрились, ребята? Решили оставить нас на неделю без мяса? – возмутилась было Эрнеста, но затем, смягчившись, распорядилась: – Не надо никуда ходить, сидите уж! Отдыхайте, пока мистер Морган не вернулся. Я сама спущусь и все сделаю...

Эдвард догнал ее уже на лестнице. Сам стыдясь своего излишне джентльменского поведения, которое едва ли будет оценено, предложил:

– Давайте я схожу с вами. Мало ли, вдруг придется двигать эту бочку, а она едва ли будет весить три-четыре фунта.

Эрнеста с кривой усмешкой взглянула на него; ее черные глаза чуть заметно сверкнули:

– Иногда я не знаю, оскорбляться ли мне или благодарить вас за подобную заботу. Уж не думаете ли вы, что я не в силах поднять тяжесть больше четырех фунтов?

– Не думаю, – серьезно взглянув на ее узкие, но отнюдь не казавшиеся тонкими и слабыми ладони, ответил Эдвард. – Но для меня как для мужчины будет позором позволить вам это.

Какое-то время Эрнеста молча глядела на него, затем беззвучно рассмеялась и хлопнула его по плечу.

– Все-таки не задержитесь вы у нас на корабле с такими принципами, – весело заметила она и кивнула: – Идемте. Я покажу, что нужно делать.

К удивлению Эдварда, обвязывать бочку оказалось не такой уж сложной работой, а вдвоем Морено они и вовсе управились едва ли не за пять минут; и когда все оказалось сделано, он даже сам вызвался отнести наверх остатки парусины.

– Как угодно. Я тогда проверю днище – мало ли, вдруг Джек что-нибудь пропустил, – пожала плечами Эрнеста, и Дойли согласно кивнул. В подобных сомнениях был резон: от бывшего офицера тоже не укрылось, что Рэдфорд с утра был заметно бледен и от него слегка – но непривычно: раньше их капитан никогда не позволял себе пить с утра – несло характерным терпко-душноватым запахом неразбавленного рома.

Впрочем, состояние не без оснований не слишком любимого им Джека не особо беспокоило Эдварда: редкое ли для пирата дело опрокинуть кружку-другую в честь благополучного выхода из шторма? Не в королевском же он флоте, чтобы сдерживать себя из страха перед наказанием... странно даже, что это не случалось прежде – Эдвард безуспешно пытался отогнать от себя назойливую мысль о том, что встречал за время службы офицеров, пивших и обращавшихся с подчиненными не лучше, а то и хуже Рэдфорда. Раздосадованный, он швырнул остатки парусины в мешок, размашисто перекрестил его веревкой и уже собирался выйти из отсека, когда услышал сквозь переборки непонятный шорох.

– Эй, кто здесь? – на всякий случай позвал Эдвард, потянувшись к принесенному с собой фонарю. Крысы, должно быть, на таких судах их всегда полно, поспешно решил он, но голос разума настойчиво повторял, что звук был слишком громким для крысы и явно мог быть издан лишь существом заметно крупнее...

Соседний отсек оказался заперт – хотя Дойли отлично помнил, что Джек категорически запрещал подобное, доказывая, что воровать все равно особо и нечего, а вынуждать матросов каждый раз бегать за ключами к Макферсону нецелесообразно. На всякий случай Эдвард все же постучал по двери отсека – сперва костяшками пальцев, затем уже кулаком:

– Эй, у вас там все в порядке? Может, откроете?

Ответом ему послужила тишина – настолько гробовая, что на какой-то момент мужчина даже усомнился: быть может, тот случайный звук ему просто померещился? Но затем в отсеке что-то отчетливо скрипнуло, проскребло по доскам пола, и раздался странный, почти жуткий стон, больше похожий на невольно вырвавшееся из груди сдавленное рыдание. Эдвард, похолодев, с остервенением забарабанил кулаком в дверь.

– Мистер Дойли! Вы что творите? – донесся до него с противоположного конца коридора голос Эрнесты. Даже в густо-буром полумраке было отчетливо видно, насколько она казалась удивленной и встревоженной.

– Там кто-то есть. Что-то происходит! – сцепив зубы, Эдвард снова дернул на себя позеленевшую медную скобу. Мгновение Эрнеста колебалась, затем направилась к нему и решительно постучала в дверь.

– Что там такое? Вы что-нибудь слышали? – взволнованно спросила она и снова хлопнула по двери ладонью. В отсеке молчали. – Надо позвать на помощь, – уже тише и тверже прибавила она, но Эдвард просто отступил на шаг назад:

– Отойдите!

Во рту у него внезапно стало сухо, виски разом заныли с новой силой: а ну как не получится, и он снова, уже окончательно, опозорится перед своей вечной настойчивой заступницей? Но хлипкая дверь послушно задрожала под его плечом, всхлипнула, пытаясь устоять – и распахнулась с жалобным взвизгом. Сухого стука упавшей на пол оторвавшейся щеколды он уже не услышал.

В отсеке на переброшенной через потолочную перекладину веревке, словно мелкая рыбешка, попавшая на крючок, болталось, выгибаясь с жуткими хрипами, полуголое худое тело. Эдвард, с ужасом уставившись на него, даже не заметил, как успел споткнуться об опрокинутую табуретку и едва не рухнул на пол.

– Быстрее, помогите его снять! – Эрнеста, сориентировавшись быстрее него, уже метнулась к неудачливому самоубийце и подхватила под колени, ослабляя давление веревки. Эдвард, задыхаясь, подобрал табурет, кое-как установил его ровно и, взобравшись на него, принялся негнушиться пальцами развязывать узел петли. Как только веревка ослабла, тело, поддерживаемое ею, тоже обмякло и тяжело навалилось на плечи Эрнесты; впрочем, девушка, стиснув зубы, лишь крепко ухватила его за запястья, не давая схватиться за отмеченную длинной темной бороздой шею:

– Нельзя! Ртом, ртом дыши! Как можно глубже и сильнее... – уложив его на пол, она обхватила его за плечи, пытаясь сдержать продолжавшиеся конвульсии – к прежним хрипам теперь прибавлялись глухие рыдания, становившиеся все громче. Когда спасенный каким-то удачным движением повернул голову, Эдвард узнал в нем Карлито – мальчишку-итальянца, служившего на «Попутном ветре» юнгой второй год. Удивительно красивый, – настолько, что, пожалуй, уступал в этом разве что Генри – веселый и сообразительный, вьюном вившийся вокруг старших, он один пользовался сколько-нибудь человеческим отношением к нему Моргана – но если тот был не в духе, то и выносил от него побоев и оскорблений больше остальных. Уже не раз и не два Дойли замечал синяки и ссадины на теле мальчишки, но, как и все остальные, предпочитал не обращать на это внимания – тем более что сам Карлито, хоть порой и кривился от боли при каком-нибудь неловком движении или прятал темно-фиолетовые следы на плечах и запястьях, чаще всего поступал так же. Однако на сей раз рулевой, похоже, превзошел самого себя: многочисленные отпечатки чужих пальцев покрывали всю кожу рук, виднелись на шее, и Эдвард, цепенея от ужаса и ярости, заметил их даже сквозь разорванную до бедра правую штанину чуть выше колена мальчишки. Карлито был без рубашки, и на его спине тоже отчетливо виднелись свежие синяки и кровоподтеки прямо поверх только-только начавших заживать следов плети.

Однако больше всего удивила Эдварда Эрнеста: быстро и цепко оглядев Карлито, она сразу же сняла с себя жилет и накинула на содрогающиеся от рыданий плечи юноши, незаметно опуская его голову себе на колени.

– Ну, ну, малыш, тише, – необычайно ласково забормотала она, отводя от его лица спутанные темные кудри и открывая новый жуткий кровоподтек на правой скуле. – Это Морган, да? Это он с тобой сделал? – На ее бледном, без единой кровинки лице медленно загоралось исполненной самой лютой ненависти выражение, однако именно сейчас Дойли не подумал встревожиться: ее ярость лишь восхитительно дополнила жгущее его изнутри желание немедленно сломать что-то, изорвать в клочья, убить, наконец – лишь бы только не молчать и не продолжать носить в себе тяжелое бремя гнева. Карлито будто почувствовал это: весь дрожа и захлебываясь рыданиями, съезился еще больше, закрыл голову руками:

– Синьора... Синьора, синьор, пожалуйста!.. Пожалуйста, не говорите никому! Вы же знаете... знаете, что со мной сделают, когда услышат, что я... – ладонями он непроизвольно зажимал то уши, то глаза, то собственный рот – на запястьях и предплечьях столь отчетливо выступали буро-фиолетовые «браслеты» от чужой безжалостной хватки, что у Эдварда темнело в глазах и начинала кружиться голова. – Я же... теперь...

– У него истерика, – тихо и решительно проговорила Эрнеста, овладев собой – Эдвард с неприятным чувством понял, что она далеко не в первый раз видит нечто подобное. – Давайте отведем его в мою каюту, а уже потом решим, что делать.

– Что делать?!.. – хрипло переспросил вдруг Эдвард, причем глаза его стали совершенно дикими. Одним махом он подхватил на руки не успевшего пикнуть мальчишку и широким шагом двинулся к лестнице – Эрнеста едва поспевала за ним.

– Присмотрите за ним. Я скоро вернусь, – отрывисто распорядился Дойли, укладывая юношу на стол – днем Эрнеста обычно снимала гамак с крюка и убирала в отдельный ящик, а потому иных поверхностей для размещения больного в комнате не наблюдалось. Девушка, выкладывая из сундука чистые бинты и одежду на смену, в ужасе взглянула на него:

– Куда вы? – Эдвард, не отвечая, уже хлопнул за собой дверь, и Эрнеста бросилась за ним. – Стойте! – Она нагнала его уже у лестницы, ведущей на кубрик, схватила было за руку – Дойли отмахнулся, и Морено, забежав сбоку, уже с силой вцепилась в ворот его рубашки, толкнула к стене и зашептала яростно: – Вы что творите? Решили мальчишке совсем жизнь загубить?! Хотите свести счеты с Морганом – извольте, но парень-то в чем виноват?

– То есть, нужно молчать? Позволить, чтобы этому человеку все сошло с рук? Вы сами-то слышите, что говорите?! – яростно перебил ее Эдвард, рывком сбрасывая чужие руки со своей груди. – А если в следующий раз он убьет кого-нибудь, вы тоже постараетесь все замять? Чем вы тогда лучше вашего Рэдфорда, который это допустил?!..

– Речь не обо мне сейчас! – сжав кулаки, в тон оборвала его Эрнеста. Зло, четко и быстро она продолжила, не давая снова себя перебить: – Моргана я люблю не больше вашего, но если Карлито будет выглядеть в глазах команды доносчиком, то, что случилось сегодня, покажется ему детской забавой. Особенно когда все узнают подробности и...

– А если вы теперь смолчите – думаете, для него все будет хорошо, сеньорита? – хрипло выдохнул Дойли, с неожиданной трезвой серьезностью заглянув ей в глаза – так, что Морено запнулась и умолкла. – Тварь, которая сотворила такое с ребенком, не может оставаться безнаказанной! Не вмешивайтесь в это, сеньорита Эрнеста, – напоследок крепко сжав ее руку, прибавил Эдвард; широким, решительным шагом он поднялся по лестнице и исчез в светлом пролете люка. Девушка со стоном прикрыла глаза и в отчаянии запустила обе руки в свои длинные темные косы, лишь теперь заметив кое-где присохшую к коже ладони кровь – должно быть, она испачкалась, пока надевала на Карлито свой жилет: у него ведь вся спина была в свежих рубцах... Ничего из этого не было для нее в новинку: Эрнеста, много лет ходившая по морю, не раз видела и кровь, и жажду смерти как единственного избавления от страданий –

в глазах своих знакомых и друзей, и даже зрелище чужой боли уже давно перестало трогать ее душу – но теперь она отчего-то все же подняла голову, чутко вслушиваясь в звуки происходящего на верхней палубе. И, спустя мучительные полминуты различив сквозь многочисленные перегородки громкий и яростный голос Дойли, скривившись болезненно, тоже бросилась к лестничным ступенькам.

– Ты, сволочь!.. – стоило Эдварду увидеть совершенно буднично хмурое, словно ничего и не произошло, лицо рулевого, отчитывавшего не так поставивших нижний марсель матросов, как последние остатки выдержки покинули его. От ярости стало темно в глазах, а во рту появился странный медный привкус – должно быть, сгоряча он прикусил нижнюю губу. – Ты, слышишь, если ты еще раз, еще только один раз... – зарычал он, мертвой хваткой вцепившись в рубаху Моргана и, кажется, надорвав ее на груди. Тот был настолько изумлен, что первые несколько секунд даже не сопротивлялся; затем с неожиданной для его коренастого тела ловкостью извернулся и с размаху ударил Эдварда в лицо кулаком. Однако рука его соскользнула, лишь слегка задев скулу – Дойли, даже не ощутив боли и еще больше раззадорившись от самого сопротивления, не остался в долгу.

Кроме него с Морганом, на палубе находились только матросы; они, даже если бы очень хотели в глубине души, не стали бы вмешиваться в драку, опасаясь быть принятыми за ее участников. И так было даже лучше: Дойли мог быть точно уверен, что никто им не мешает. Дрался рулевой отлично, и от двух пропущенных ударов у Эдварда, не столь искусного в рукопашной, закружилась голова, но отступать он не собирался. Все как-то смешалось в душном мареве из боли и злости, такой простой и первобытной, животной почти, что отпустить в ней себя, ощутить самое древнее, до сих пор тщательно им подавляемой в силу привычки чувство – жажду любой ценой победить, уничтожить противника – казалось настолько правильным, настоящим...

Милосердный Боже, как же низко он пал – с залитым потом, кровью и размазанной грязью лицом, ожесточенно колошматя кулаками ставшего вдруг самым ненавистным ему существом Моргана – Эдвард и предположить не мог, что в действительности настолько жаждет его боли и унижения. Здесь и сейчас, перед матросами, над которыми тот измывался столько лет; от его руки, руки бесконечно презираемого Фрэнком за его высокое происхождение бывшего офицера и дворянина; и за несчастного забитого мальчишку, жизнь которого этот негодяй едва не оборвал одной своей вспышкой необузданной ярости, быть может, даже не заметив, что сотворил... Он бил, бил, не задумываясь, и точно так же уходил от ударов с жестоким ликованием, будто дикарь, пляшущий над телом побежденного врага – почти счастливый, почти свободный от этого двухлетнего гнета, который мертвой тяжестью лег на его плечи после отказа Мэри Фостер. Кровь и ярость стали выходом, его личным ключом к шкатулке с заботливо уложенными на самое дно сознания воспоминаниями о том времени, когда он еще был хозяином себе и своей жизни.

И в ту самую секунду, и намного позже Эдвард готов был поклясться, торжественно прочитав вслух все известные ему молитвы, что он так и не понял, в какой момент между ним и все-таки сбившим его с ног Морганом возник кто-то третий. Послышался глухой звук удара, затем вскрик боли – и сразу же кто-то схватил рулевого за плечи, оттащил в сторону. Толпа вокруг отмерла, слышались громкие возгласы, в которых отчетливо слышались самые разные интонации, от недоумения до восторга.

– Сейчас же прекратить! Что, черт побери, здесь происходит?! – неожиданно властно раздался над всей этой неразберихой голос капитана Рэдфорда.

– Мэм! Мэм, вы в порядке? – невесть откуда взявшийся Генри, только-только помогавший Эдварду встать, бросился к ней, и Дойли лишь теперь понял, кто вмешался в их драку. Тяжело и глубоко дыша от боли, Морено опиралась рукой о плечо юноши и поданным им платком пыталась остановить лившуюся из носа кровь. На Эдварда она даже не взглянула, и

тот окончательно перестал понимать, что происходит. Двое матросов уже взяли его за плечи, повинувшись короткому кивку также возникшего на палубе боцмана Макферсона.

Впрочем, тревожный выкрик Генри уже сыграл свою роль, привлекая внимание Рэдфорда: тот мгновенно оказался рядом с девушкой и подхватил ее под локоть:

– Что, что случилось? Кто с тобой это сделал?..

– До каких пор это будет продолжаться, Джек? – сразу же громким и яростным, обвиняющим тоном перебила его Морено, отнимая от лица платок так, что ее испачканные кровью губы, подбородок и щеки оказались полностью открыты и видны всем. Макферсон, стоявший рядом с Эдвардом, удивленно, почти одобрительно присвистнул, и он с облегчением, хотя и не без отвращения отвернулся: стало ясно, на что собралась делать упор Эрнеста и почему подставилась под чужой удар, не попытавшись уклониться. – Сколько еще мы должны выносить эти бесчинства? Сегодня мистер Морган ударил меня – и не только меня, он еще и сцепился с мистером Дойли! Два дня назад я видела, что он поднимал руку на матросов, и в прошлый четверг, и неделю назад, – не умолкая, она между тем, держа за руку, оттягивала Рэдфорда к правому борту, где их было хуже слышно и она имела возможность незаметно снизить голос. – Сегодня мы с мистером Дойли вытащили из петли юнгу Карлито Феррини – он сейчас в моей каюте; мальчишки такие следы на теле, что никак не спрячешь. Скажи, Джек, что должно сделать с пиратом, поднявшим руку на своего товарища?

– Ты предлагаешь мне довериться словам одного юнги и пары матросов... – хрипло и несколько растерянно начал было Рэдфорд, но Эрнеста, цепко ухватив его за локоть и вздернув залитый кровью подбородок, с тем же нажимом перебила:

– Я предлагаю тебе верить моим словам и тому, что ты видишь собственными глазами!

– Так, а ну хватит! – потеряв терпение, Рэдфорд сам с силой обхватил ее за плечи и быстрым шагом провел ее в свою каюту. Поколебавшись, Макферсон направился за ними, сделав знак державшим Эдварда матросам вести его следом.

– Ты отлично знаешь, что я не могу сейчас рассчитывать Моргана. Без него команда взбунтуется раньше, чем мы успеем добраться до Тортуги! – оказавшись в каюте, Джек дал волю гневу. Эрнеста, нарочито не севшая за стол напротив него, прислонилась к стене и запрокинула голову, кривясь от боли. Генри, протиснувшись в дверь с полотенцем, смоченным в воде – Эдвард почему-то не сомневался, что, если проверить, та окажется абсолютно ледяной – протянул его девушке, осторожно придержав ее руку.

– Вам плохо? Может, позвать мистера Халуэлла? – принялся тревожно спрашивать он громким шепотом, от которого Эдварда замутило. Джек, судя по выражению его лица, тоже был не в восторге от такой трогательной заботы, но все же пододвинул ей табурет и со стуком выставил на стол стакан воды:

– Выпей. И вытри кровь, я подожду.

– Спасибо, Генри, – слабо кивнула Эрнеста, наконец начиная вытирать размазанную по лицу отвратительно выглядящую ало-бурую массу. Делала она это медленно и вдумчиво, каждый раз глубоко выдыхая, когда мокрая ткань задевала переносицу, хотя по отсутствию синяка или изменения положения костей Эдвард мог уверенно сказать, что перелома у нее не было. Закончив вытирать кровь, Эрнеста облокотилась о стол, положила руки на сцепленные под подбородком пальцы и заговорила заметно тише прежнего:

– Я не прошу тебя выгнать Моргана. Однако нельзя оставить без внимания эту его последнюю выходку! Он стал слишком много себе позволять – даже с учетом той пользы, что приносит. Если ты промолчишь, то Морган будет знать, что ему дозволено все, а матросы – что капитан Рэдфорд не вступится за них, даже если они ни в чем не будут виноваты.

– А так они узнают, что штурман Морено всегда заступает за них и может убедить капитана в чем угодно, – Рэдфорд тоже уже сел за стол и теперь яростно комкал бумаги, не

сводя с нее подозрительного и не слишком дружелюбного взгляда. – Я искренне рад, что ты освоилась в команде за столь короткий срок, но не надо утверждаться в ней за мой счет!

– Джек, я думаю, мисс Морено не это хотела сказать, – робко вмешался Генри, и его слова неожиданно оказались услышаны: и Рэдфорд, и Эрнеста повернули в нему разгоряченные лица. Ободренный юноша продолжил: – В команде тоже часто говорят, что мистер Морган... позволяет себе лишнее, а ты не обращаешь внимания, и жаловаться тебе бесполезно.

– Но это же действительно так! Почему я должен... – сквозь зубы начал Рэдфорд, но крепившийся до этой минуты Эдвард Дойли не дал ему договорить:

– Потому что все знают, что своей команде вы разучились верить после того, как оказались за бортом после мятежа! Все, все знают! Что этот ваш цепной пес Морган обеспечивает вам спокойный сон по ночам, а за это вы прощаете ему разные «мелкие шалости»!.. Мелкие, мельче некуда! Мельче – разве что этот несчастный мальчишка, до которого вам и дела нет! Вы вот до сих пор трясетесь – а ему как теперь жить?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.